

Чарльзъ Дарвинъ.

Фил
801-16
1723

P 33
115

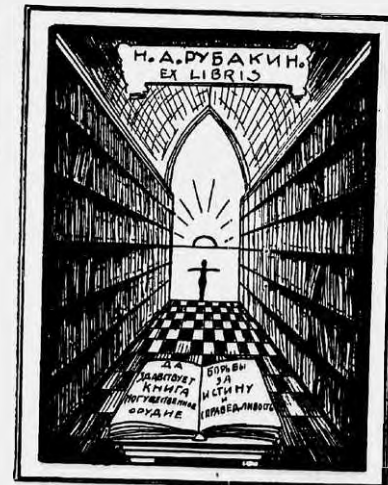
МОЕ МИРОСОЗЕРЦАНІЕ.

Религіозное міросозерцаніе. — Происхожденіе видовъ. —
Происхожденіе человѣка. — Зачатки духовной жизни. —
Нравственная культура.

СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ Д-РА БРУНО ВИЛЛЕ.

Переводъ С. П. и Г. Г. Сонинъ

подъ редакціей В. В. Битнера

25302

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство „Вѣстникъ Знанія“ (В. Битнера).

1907 г.

Мое міросозерцаніе.

Введеніе.

(Посвящается В. Бельше).

Чарльзъ Робертъ Дарвинъ.

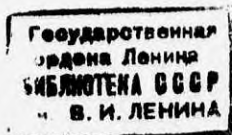
Живая наука. — Все естественно. Откуда взялась цѣлесообразность живыхъ существъ? Сверхъестественная творческая сила. Выходъ изъ супернатурализма найденный Дарвиномъ. Такъ какъ нецѣлесообразное погибаетъ, то остается существовать лишь цѣлесообразное. Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго отбора. Дарвинизмъ не требуетъ механическаго понятія природы. Идеалистическое понятіе природы. Всякое бытіе представляетъ собою отрицаніе «настоящаго» отъ «прошлаго». Возможность имманентной телеологіи. Дарвинизмъ—телеологиченъ и не представляетъ собою ученія о слѣпыхъ случаяхъ. Почему Фридрихъ Альбертъ Ланге неправъ? «Расточительность» можетъ быть тоже цѣлесообразной. Природа пресѣдуетъ свои цѣли точно такъ же, какъ это дѣлаетъ человѣкъ. Утенки научились плавать отъ своихъ предковъ. Герингъ, Геккель, «Мисме» Зенона. Гипотеза о вариацин. «Мисме», какъ фантазія

Дарвинизмъ долженъ представлять собою живую науку, а не простую теорію специалистовъ, забывающихъ о томъ, что въ спеціальныя ящички и пикеточки можно укладывать документы, но нельзя умѣщать жизнь. Лучшую часть дарвинизма составляютъ тѣ широкія перспективы, которыя онъ открываетъ передъ человѣкомъ, созерцающимъ міръ. Въ этомъ отношеніи дарвинизмъ внесъ очень многое въ дѣло пополненія того міросозерцанія, родоначальникомъ котораго является Коперникъ, но общій планъ котораго былъ набросанъ Джордано Бруно, этимъ гениальнымъ революціонеромъ въ области духа. Изъ картины неба, нарисованной Коперникомъ, Джордано Бруно сдѣлалъ тотъ выводъ, что нѣтъ такихъ «сферъ», вращеніе которыхъ вызывало бы движеніе прикрѣпленныхъ къ нимъ звѣздъ, но что звѣзды носятъ въ безграничномъ пространствѣ и совершаютъ законотѣрные движенія по собственной своей природѣ. Предъ лицомъ этого міросозерцанія природа внезапно разрослась до безграничности и наполнила собою все пространство и время. Такимъ образомъ, съ этого момента не осталось мѣста для существованія и царствованія чего-то «сверхъестественнаго». Дуализмъ схоластическаго средневѣковья, т. е. вѣра въ существованіе двухъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга областей бытія, вѣра въ существованіе, съ одной стороны, естественнаго, чувственнаго, грѣшнаго міра и существованія, съ другой—сверхъестественнаго божественнаго міра,—эта вѣра была отвергнута. Средневѣковый дуализмъ былъ свергнутъ съ своего трона. Съ этого момента властелиномъ надъ человѣческими умами сталъ натурализмъ.

Съ этого момента всѣ науки провозгласили своимъ лозунгомъ слова «Все—естественно». А это означаетъ, что каждая вещь, каждое явленіе, каждое живое существо должны быть объяснены на основаніи законовъ природы, и что вся природа должна быть понята сама изъ себя. «Да», думаетъ не одинъ ученый, «такъ должно быть, но удастся-ли это повсюду? Можно-ли объяснить, на основаніи однихъ только законовъ природы, поразительно цѣлесообразное строеніе живыхъ существъ? Не указываетъ-ли это строеніе живыхъ организмовъ на существованіе вѣтмирового строителя, на существованіе мудраго творца природы?» Правда, такіе люди, какъ Спиноза,

2015147936

130403-46

Гёте, а также философы-идеалисты избѣгали этого новаго дуализма, разсматривая природу, какъ духовное существо. Но естествоиспытатели, склонные считать, главнымъ образомъ, съ бросающей въ глаза стороной природы, не могли найти внутри матеріи и движенія достаточнаго основанія для цѣлесообразности организма. Поэтому они пошли на компромиссъ и старались примирить науку со средневѣковой вѣрой. Они считали различныя виды растений и животныхъ особыми рѣзко ограниченными другъ отъ друга видами, созданными творцомъ. Въ этомъ отношеніи ихъ воззрѣнія совершенно сходились съ представленіями Моисея. Не напоминаетъ ли вамъ, читатель, ихъ міросозерцаніе дѣтскую вѣру въ Ноевъ ковчегъ, въ которомъ левъ и верблюдъ, страусъ, аистъ и голубь, змѣя, лягушка и муха размѣщены въ особыхъ отдѣленіяхъ? «До Дарвина», говоритъ Гельмгольтцъ, «цѣлесообразность органической природы объяснялась двумя путями, но въ обоихъ этихъ объясненіяхъ мы сталкиваемся съ вмѣшательствомъ свободнаго духа въ явленія природы. Или жизненные процессы разсматривались, какъ нѣчто, находящееся подъ постояннымъ руководствомъ какой-то жизненной души (такова была точка зрѣнія виталистической школы); или образованіе каждаго живого вида объяснялось, какъ плодъ дѣятельности сверхъестественнаго духа». Выходъ изъ этого положенія былъ найденъ гениальнымъ Дарвиномъ, сумѣвшимъ отдѣлаться отъ нефилософскаго супернатурализма. Даже Гоганъ Мюллеръ видѣлъ сущность живой матеріи въ «постоянной дѣятельности, проникающей въ живую органическую матерію; эта дѣятельность творитъ цѣлесообразно по разумному плану такъ, чтобы части соответствовали цѣли цѣлаго, и этотъ фактъ какъ разъ характеризуетъ организмы». Дарвинъ, наоборотъ, отбѣнилъ то обстоятельство, что въ жизни организмовъ нецѣлесообразныя и неудовлетворительныя явленія существуютъ рядомъ съ «цѣлесообразными». Цѣлесообразность же онъ сумѣлъ представить, какъ результатъ медленнаго развитія, въ которомъ руководящую роль играютъ не стоящій внѣ-природы и планомерно дѣйствующій творческій духъ, а только законы, присущіе природѣ. Основное воззрѣніе Дарвина, проложившее новые пути въ области нашего духа, представляетъ собою разумную идею, которая понятна сама собою, которая проста, какъ «яйцо Колумба».

Развѣ не сама собою понятна та мысль, что все существующее и сохраняющееся должно быть способно къ существованію и сохраненію, такъ какъ въ противномъ случаѣ не могло бы существовать? Такъ вотъ! Сохранить надолго свое существованіе и размножаться могутъ лишь такіа живыя существа, которыя болѣе или менѣе «цѣлесообразны», т. е. способны къ существованію. Каждому должно быть ясно, что негодныя существа раньше или позже погибаютъ. А то испытаніе, которому подвергается каждое существо въ своей обстановкѣ, тотъ экзаменъ, на основаніи котораго можно судить о достаточной пригодности или о значительной непригодности даннаго организма,—этотъ экзаменъ Дарвинъ называетъ «отборомъ», представляющимъ собою, такимъ образомъ, сотканное изъ законовъ природы рѣшето, отдѣляющее тонкое отъ грубаго.

Нити этого рѣшета состоятъ, прежде всего, изъ тѣхъ противодѣйствій, на которыя наталкивается въ своей обстановкѣ каждое существо, заботящееся о своемъ сохраненіи и размноженіи. Что должно произойти, когда организмы будутъ бороться другъ съ другомъ и съ окружающими ихъ условіями за свое существованіе? Къ тому же эти борющіеся за свое существованіе организмы совсѣмъ не созданы какимъ-то «мудрымъ провидѣніемъ», такъ чтобы «все обстоило у нихъ благополучно»; нѣтъ, они являются продуктомъ идущей ощупью природы, снабдившей ихъ, отчасти,

благоприятными, отчасти же неудовлетворительными и даже вредными свойствами. Что получится, спрашиваемъ мы, изъ борьбы этихъ организмовъ, за существованіе? Логическій отвѣтъ будетъ таковъ: негодные организмы должны будутъ зачахнуть и будутъ уничтожены; остальные сохранятся и будутъ размножаться соответственно степени ихъ «цѣлесообразности». Но пресыщенная жизнью природа выбрасываетъ на поле борьбы безчисленное множество жизненныхъ зачатковъ, и изъ зачатковъ только сравнительно немногіе могутъ добиться успѣха въ этой борьбѣ. Поэтому развиваться могутъ лишь тѣ зачатки, которые, благодаря особымъ способностямъ или особенно благоприятнымъ условіямъ, могутъ приспособиться къ окружающей средѣ.

То обстоятельство, что дѣйствию отбора предоставляется неизмѣримо большое количество матеріала, объясняется двумя своеобразными чертами организмовъ. Во-первыхъ, организмы проявляютъ склонность размножаться въ геометрической прогрессіи. Во-вторыхъ, «унаслѣдуя» отъ своихъ родителей общую форму, а также нѣкоторыя особенности, организмы тѣмъ не менѣе никогда не являются исключительно продуктами своихъ предковъ, а представляютъ собою всегда продуктъ дѣятельности одного фактора, который называется «измѣнчивостью», «модификаціей»; подъ этимъ подразумѣвается способность отклонять въ отдѣльныхъ чертахъ форму новаго организма отъ обычнаго, традиціоннаго типа. Вопросъ о томъ, можно-ли объяснить эту способность къ измѣненію исключительно и непосредственно измѣненіемъ обстановки и жизненныхъ условій, остается пока открытымъ, но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, природа «изобрѣтаетъ» какимъ-то непонятнымъ еще образомъ все новыя образованія и, подобно экспериментатору, подвергаетъ ихъ испытанію. Выдерживающія это испытаніе образованія сохраняются и передаются при посредствѣ «наслѣдственности» (представляющей собою тоже еще таинственный факторъ) потомкамъ, которые, такимъ образомъ, создаютъ новую и лучше приспособленную разновидность. Когда новыя черты въ теченіе долгихъ промежутковъ времени проникаютъ въ эти организмы и съ особенною яркостью бросаются въ глаза, то естествоиспытатель начинаетъ говорить о специальномъ видѣ. Вотъ какимъ образомъ развились всѣ виды живыхъ существъ. Представляя собою вѣтви одного и того же родословнаго дерева, живыя существа постепенно дифференцировались, постепенно стали отличными другъ отъ друга, и различія, отдѣляющія ихъ, производятъ впечатлѣніе скачковъ, такъ какъ многія промежуточные звенья вымерли.

Человѣкъ уже давно пользуется для своихъ цѣлей измѣнчивостью формъ, отборомъ наиболее пригодныхъ организмовъ и наслѣдственной передачей наиболее пригодныхъ чертъ. Скрещивая другъ съ другомъ хорошихъ скаковыхъ лошадей, или хорошихъ коровъ, или овецъ съ тонкой шерстью, или особенно цѣнные растения и выбирая для дальнѣйшихъ скрещиваній самыя лучшія особи, онъ съ теченіемъ лѣтъ какъ бы накапливаетъ переданную по наслѣдству пригодность и превращаетъ новую форму въ особый видъ, отличающійся выдающимися качествами. Приблизительно то же самое дѣлаетъ природа. Подобно садоводу, скотоводу или коннозаводчику, она не даетъ никакой возможности или даетъ очень мало возможности негоднымъ существамъ размножаться и быстро уничтожаетъ негодныхъ потомковъ. Выбраніе болѣе совершенныхъ живыхъ существъ, равносильное по своимъ результатамъ искусственному подбору, производимому людьми, Дарвинъ назвалъ «естественнымъ отборомъ» въ отличіе отъ искусственнаго отбора.

Такимъ образомъ, Дарвинъ нашелъ объясненіе «цѣлесообразныхъ» явленій въ природѣ; онъ нашелъ объясненіе для образованія пригодныхъ органовъ и болѣе совершенныхъ видовъ. И его объясненіе не требуетъ

«сверхъестественнаго», «чудеснаго» вмѣшательства какого-то творца, стоящаго внѣ міра. Дарвинъ старается понять природу изъ ея самой, не прибѣгая къ теоріи существованія какой-то чуждой ей силы.

* * *

Въ задачу моего введенія совершенно не входитъ подробное изложеніе дарвинизма, его проблемъ и его значенія для нашей духовной жизни. Я хочу только указать на тѣ отношенія, которыя существуютъ между теоріей Дарвина и философскимъ міросозерцаніемъ.

Какъ богословы, такъ и матеріалисты видятъ нерѣдко въ дарвинизмъ оправданіе механическаго понятія природы, съ точки зрѣнія котораго духовный элементъ отсутствуетъ въ жизни природы, и во вселенной царитъ лишь слѣпая причинность. Люди, говорящіе такъ, не понимаютъ дарвинизма. Дарвинъ стремился къ объясненію формы и исторіи природы на основаніи однихъ только законовъ природы, не допуская вмѣшательства «чуда», дѣйствующаго на манеръ «*deus ex machina*» («богъ съ машины» — это выраженіе означаетъ неожиданную, не вытекающую изъ хода событій развязку). Но представленная Дарвиномъ картина міра, основанная на строгой законности, не ведетъ къ механической или матеріалистической философії, а прекрасно умѣщается въ рамкахъ идеалистическаго понятія природы. Дарвинъ самъ вѣрилъ вначалѣ въ существованіе «творца», создавшаго природу и поставившаго ее на самостоятельную почву, на которой она развивается вполне закономерно. Послѣ этого творецъ, по первоначальному воззрѣнію Дарвина, уже не сталъ больше вмѣшиваться въ жизнь природы. При болѣе глубокомъ размышленіи Дарвинъ понялъ, что нельзя связывать какихъ-либо ясныхъ и доказательныхъ представленій съ богословскими словами «богъ» или «творецъ», и сталъ, такимъ образомъ, агностикомъ. Онъ ограничился выясненіемъ доступныхъ нашему познанію причинностей въ природѣ и совершенно не затрагивалъ вопроса о томъ, какъ должно представлять себѣ «первопричину» вселенной.

Я, какъ и Бѣльше, которому я посвящаю настоящее введеніе, идеалистъ, такъ какъ я приписываю всей природѣ психическій, духовный характеръ. Въ то же время я приверженецъ дарвинизма, такъ какъ, несмотря на нѣкоторые пробѣлы, дарвинизмъ все же представляетъ, въ общемъ, вполне ясную и разумную, а слѣдовательно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, неопровержимую теорію. Нерѣдко, во время моихъ прогулокъ съ Бѣльше мы старались примирить теорію Дарвина съ нашимъ панпсихическимъ представленіемъ о природѣ. Это я хочу попытаться сдѣлать и здѣсь.

«Если мы допустимъ, что имѣется такое существо, которое судить не только по внѣшнему виду, но и можетъ изучать всю внутреннюю организцію, существо, которое никогда не находится во власти капризовъ и дѣлаетъ съ опредѣленною цѣлью въ теченіи миллионъ поколѣній отборъ... Какъ мнѣ кажется, можно доказать, что въ естественномъ отборѣ проявляется дѣятельность такой никогда не ошибающейся силы, производящей отборъ исключительно для блага всякаго органическаго существа». Этимъ воззрѣніемъ Дарвинъ близко подходитъ къ идеалистическому понятію природы, хотя онъ, какъ агностикъ, не видитъ въ немъ доказательной силы, а считается съ нимъ лишь какъ съ формулой аналогіи. Онъ какъ будто только въ фантазіи представляетъ себѣ тотъ случай, что природа является существомъ, преслѣдующимъ опредѣленные цѣли и смотрящимъ на вещи духовными очами. Возможно, что Эдуардъ фонъ-Гартманнъ нашолъ въ этихъ словахъ Дарвина подтвержденіе своей гипотезы о существованіи естественнаго принципа, дѣйствующаго,

правда, безсознательно, но въ то же время обнаруживающаго плѣсообразность. Но я не стану распространяться на эту тему. Я вѣдь не хочу поддерживать «философію безсознательнаго». Я иду въ своемъ психизмѣ куда дальше и причисляю къ сущности того, что мы называемъ «бытіемъ», также и то, что мы называемъ «переживаніемъ». Нѣтъ ничего, чтобы не переживалось нами въ предѣлахъ опредѣленнаго момента жизни. Во всякомъ случаѣ, я не могу себѣ представить свой опытъ, который я выражаю въ словахъ «это является тѣмъ-то», безъ того, что бы я не переживалъ этого, и если я допускаю, что имѣется на лицо нѣчто такое, чего я не ощущаю, то я представляю себѣ это, какъ вещь, пережитую въ сознаніи другого человека. Представить себѣ существованіе, вообще не пережитое никѣмъ, нельзя. Вѣдь тутъ мы имѣемъ дѣло съ внутреннимъ противорѣчіемъ. Вѣдь развѣ можно представить себѣ свѣтъ, который не былъ бы ни краснымъ, ни зеленымъ, ни цвѣтнымъ? Развѣ можно себѣ представить свѣтъ, который бы нигдѣ не свѣтилъ, звукъ, который бы никогда не звучалъ. Въ этомъ мѣстѣ я не могу приводить дальнѣйшихъ доказательствъ въ пользу моего воззрѣнія, что міръ обладаетъ духовною сущностью. Читателя, интересующагося этимъ вопросомъ, я отсылаю къ своимъ сочиненіямъ «Откровенія можжевельника» (*Offenbarungen des Wacholderbaumes*) и «Живая вселенная» (*Das lebendige All*).

Въ этихъ книгахъ я высказываю, между прочимъ, одну мысль, которую я хочу использовать въ настоящемъ введеніи. Эта мысль гласитъ: всякое бытіе поконитъ на разграниченіи, производимомъ въ предѣлахъ одного единаго, цѣлаго. Безъ разграниченія сущность міра не означала бы ничего. Единое можетъ переживать, ощущать свое содержаніе лишь путемъ разграниченія, различія.

Тою формою, въ которой личность переживаетъ разграниченіе, является время. Гераклитъ выражаетъ это словами «все течетъ». Вся дѣйствительность въ необозримомъ пространствѣ заключается лишь въ моментѣ, который мы называемъ «теперь» и который мгновенно становится для насъ прошедшимъ. На смѣну этого момента является новый моментъ, въ который мѣсто старой дѣйствительности занимаетъ новая дѣйствительность, отчасти совпадающая со старой. То, что мы называемъ существованіемъ, возможно лишь потому, что такіе моменты отдѣляются, ограничиваются другъ отъ друга. Если же мы сравнимъ прошедшій моментъ съ настоящимъ, то мы увидимъ, что каждый «настоящій» моментъ блистаетъ свѣжестью, между тѣмъ какъ «прошедшій» моментъ всегда, даже и тогда, когда онъ только что прошелъ, представляетъ собою въ сравненіи съ настоящимъ что-то увядшее, поблекшее. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ двумя родами переживаній. Первый родъ мы называемъ «ощущеніемъ», а второй «представленіемъ» или «воспоминаніемъ». Оба они отличаются другъ отъ друга еще многими другими элементами, но о нихъ я не стану говорить. Для меня важно только установить, что наше переживаніе поконитъ на отграниченіи ощущенія отъ воспоминанія о томъ, что мы только-что ощущали, т. е. отъ представленія, отъ картины воспоминанія.

Намъ могутъ возразить, что мы въ состояніи также различать одновременные моменты въ пространствѣ или въ нашей собственной душевной жизни. Но то, что мы называемъ «одновременнымъ» оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи разновременнымъ, съ тою лишь особенностью, что лежащій между обоими моментами промежутокъ времени очень незначителенъ. Когда нашъ глазъ окидываетъ какъ бы однимъ взглядомъ различныя лепестки розы, то въ дѣйствительности мы имѣемъ тутъ дѣло съ очень быстро совершающимся наблюденіемъ, складывающимся изъ цѣлаго ряда ощущеній, которыя протекаютъ во времени. При этомъ мы

связываемъ постоянно каждое новое ощущение съ только что воспринятымъ ощущениемъ, т. е. съ представлениемъ.

Изъ этого вытекаетъ, что всякому бытію мы должны приписывать вмѣстѣ съ ощущениемъ «настоящаго» также представление прошедшаго, хотя это представление можетъ быть очень слабо. Тутъ мы должны также сдѣлать небольшое замѣчаніе по поводу того, что мы называемъ «будущимъ». Будущее тоже состоитъ изъ представлений, но изъ такихъ представлений, превращенія которыхъ въ ощущения мы еще ожидаемъ.

Моя точка зрѣнія открываетъ телеологию (цѣлесообразности) новыя перспективы. Если вы согласны со мною, то вы, значитъ, держитесь того мнѣнія, что не только высшія животныя, но и вся природа проявляетъ имманентную (вѣчно присущую ей) телеологию, т. е. способность преслѣдовать и осуществлять цѣли. Цѣлью мы называемъ такое представление, о которомъ мы хотимъ, чтобы оно стало ощущаемой дѣйствительностью, при чемъ мы для осуществления этого примѣняемъ какое-нибудь «средство». А подъ средствомъ мы подразумеваемъ процессъ, способный стать причиною того, къ чему мы стремимся. Телеологическая способность предполагаетъ, такимъ образомъ, наличие живого существа, которое во-первыхъ, чувствуетъ и хочетъ; во-вторыхъ, ощущаетъ и создаетъ представление и, въ третьихъ, составляетъ себѣ представление о причинной связи. Въ послѣдней изъ указанныхъ мною способностей я не вижу особенно высокаго умственного дара. Для этого достаточно самой обыкновенной ассоціаціи идей, связывающей часто въ своемъ представленіи другъ съ другомъ различныя слѣдующія одно за другимъ явленія.

«Но развѣ», спроситъ меня читатель, «развѣ дарвинизмъ не замѣнилъ «телеологию природы» слѣпою не психическою, не духовною причинностью, дѣйствующею чисто механическимъ путемъ?» Никогда образомъ! Другъ Дарвина А. Грэй говоритъ въ журналѣ „Nature“ (4 іюня 1884 г.) слѣдующее: «Признаемте услугу, оказанную Дарвиномъ естественной наукѣ и выражающуюся въ томъ, что онъ вернулъ ей телеологию, такъ что отнынѣ морфологія является не врагомъ, а другомъ и спутникомъ телеологии». Въ одномъ изъ своихъ писемъ (см. «Жизнь и письма Чарльза Дарвина», изданные его сыномъ Фрэнсисомъ Дарвиномъ, т. III) Дарвинъ говоритъ по поводу этого мѣста статьи Грея слѣдующее: «Мнѣ особенно нравится то, что вы говорите о телеологии, и, какъ мнѣ кажется, никто до сихъ поръ еще не обращалъ вниманія на отмѣчаемый вами моментъ. Я всегда говорилъ, что вы умѣете понимать сущность вещей». Гексли говоритъ, (см. «Письма», т. II) «что эволюціонная теорія является самымъ страшнымъ врагомъ всякихъ болѣе или менѣе обыкновенныхъ и грубыхъ формъ телеологии», но сознается, что «телеологическое и механическое пониманіе природы не должны непременно исключать другъ друга». Наконецъ, сынъ Дарвина отмѣняетъ (см. упомянутое выше сочиненіе т. III) слѣдующее: «Одна изъ крупныхъ заслугъ моего отца въ дѣлѣ изученія естественной науки заключается въ восстановленіи телеологии. Сторонникъ эволюціонной теоріи изучаетъ цѣль или значеніе органовъ съ немалымъ рвеніемъ, чѣмъ старые приверженцы телеологии, но онъ ставитъ себѣ при этомъ значительно болѣе глубокія и связныя цѣли. Онъ знаетъ, что онъ не изучаетъ обособленныя понятія современнаго хозяйства природы, а составляетъ себѣ связанное представление о прошлой и современной жизни ея; и даже тамъ, гдѣ ему не удастся найти въ чемъ заключается положительное значеніе какой-нибудь части, какого-нибудь органа, онъ, тѣмъ не менѣе, на основаніи своихъ знаній о строеніи этой части можетъ выяснитъ себѣ исторію прошедшихъ измѣненій въ жизни вида. Такимъ путемъ изученіе живыхъ существъ становится жи-

зненнымъ и цѣлостнымъ, а этого нельзя сказать о прежнихъ изслѣдованіяхъ».

Дарвинъ высказывался такъ рѣзко противъ допущенія, будто перво-причиною природы можетъ быть «случай», что уже по этому одному я не могу согласиться съ Ланге, который, ссылаясь въ своей «Исторіи материализма» на Дарвина, говоритъ: «Не можетъ быть болѣе сомнѣнія въ томъ, что въ развитіи природы нельзя найти никакого сходства съ человѣческой цѣлесообразностью; даже болѣе того, основной путь, которымъ идетъ развитіе природы, можетъ быть съ точки зрѣнія человѣческаго разума, сопоставленъ лишь съ самой слѣпой случайностью. По этому вопросу намъ не приходится ждать въ будущемъ никакихъ особенныхъ доказательствъ. Факты говорятъ совершенно ясно. Эти факты настолько сходятся въ различнѣйшихъ областяхъ природы, что въ настоящее время уже не допустимо какое-либо міросозерцаніе, противорѣчащее этимъ фактамъ и ихъ необходимому толкованію! Представьте себѣ человека, который для того, чтобы убить зайца, выпустилъ миллионы пуль во всевозможныхъ направленіяхъ; представьте себѣ человека, который для того, чтобы попасть въ закрытую на ключъ комнату, накупилъ бы себѣ десятки тысячъ различныхъ ключей и всѣ ихъ испробовалъ; представьте себѣ человека, который для того, чтобы имѣть домъ, построилъ бы себѣ цѣлый городъ и предоставилъ линіи дома на произволъ стихій. Никто не сталъ бы говорить, что такой человекъ дѣйствуетъ цѣлесообразно. Тѣмъ паче никто не сталъ бы говорить, что въ этомъ поведеніи даннаго человека кроется высшая мудрость, скрытыя разумныя причины и выдающийся умъ. Если вы хотите считаться съ законами сохраненія и размноженія видовъ, установленными современнымъ естествознаніемъ, то вы увидите, что повсюду странно расточаются жизненные зачатки».

Ланге не задумывается надъ тѣмъ, что можно приписывать природѣ имманентную телеологию и не говорить о томъ, что въ ней «кроются высшая мудрость, скрытыя разумныя причины и выдающийся умъ». Въ другомъ мѣстѣ Ланге осторожно допускаетъ возможность того, «что образъ дѣйствій природы принципиально отличенъ отъ образа дѣйствій человека», и что «совершенно недопустима только антропоморфическая форма телеологии». Прекрасно. Согласимтесь съ тѣмъ, что природа рѣдко стремится къ своей цѣли съ такою непосредственностью и экономностью, съ какою это дѣлаетъ очень опытный человекъ, допустимте, что ея телеология не имѣетъ ничего общаго съ обычной, человѣческой телеологіей; допустимте, что она съ кажушейся небрежностью расточаетъ тысячи зачатковъ и что она идетъ самыми запутанными окольными путями. Но изъ этого вѣдь никоимъ образомъ не вытекаетъ, что образъ дѣйствій природы можетъ быть, безъ всякихъ оговорокъ, сравненъ со «слѣпой случайностью». Почему эта природа должна непременно быть бережливой въ выборѣ своихъ средствъ? Человеку, конечно, приходится быть бережливымъ, поскольку онъ не богатъ, какъ Крезъ. Но когда онъ Крезъ, то онъ ужъ можетъ себѣ разрѣшить мотовство. Тутъ мотовство иногда даже болѣе удобно и даже цѣлесообразно для него. Такъ вотъ природа и является такимъ безгранично богатымъ Крезомъ. У нея достаточно времени для того, чтобы блистать своимъ богатствомъ. Мы можемъ говорить о томъ, что она постоянно сѣпшитъ лишь постольку, поскольку она ни въ одной точкѣ пространства не бездѣтельна. Но въ своемъ стремленіи къ дѣятельности ей не приходится скряжничать, такъ какъ въ ея распоряженіи находятся неизмѣримыя пространства. Такъ какъ она ничѣмъ не ограничена, то она можетъ безмѣрно расточать.

Впрочемъ, въ человѣческой жизни мы встречаемся также съ образомъ

дѣйствій, похожимъ на упоминаемый Ланге перекрестный огонь, на массовую закупку ключей, на массовую постройку домовъ; и тѣмъ не менѣе мы назовемъ этотъ образъ дѣйствій цѣлесообразнымъ. Когда врагъ прячется въ лѣсу, то артиллерія подвергнетъ лѣсъ сильному обстрѣлу. Когда воръ прокрадывается къ незабѣтному ему дому, то онъ пытается открыть двери при помощи цѣлаго ряда отмычекъ. А развѣ исторія архитектуры, кишмя кишашая различными неподходящими и поэтому заброшенными опытами, не напоминаетъ собою тотъ «городъ», который строится лишь съ тою цѣлью, чтобы, по уничтоженіи негодныхъ построекъ, домъ, оставшіеся цѣлымъ, служилъ человѣку. Человѣкъ можетъ проявлять экономію лишь тамъ, гдѣ ему помогаетъ богатый опытъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ вынужденъ идти ощупью, дѣлать попытки, и его неудачныя попытки означаютъ ненужную растрату труда, если мы не примемъ въ соображеніе того факта, что всѣ его попытки, собственно говоря, такъ же цѣнны, какъ этюды, эскизы, попытки художника, который долженъ «растратить» десятки моделей, испортить нѣсколько кусковъ мрамора, пока ему не удастся выполнить свой шедевръ.

Если мы примемъ въ соображеніе эту сторону дѣла, то намъ станетъ все болѣе и болѣе яснымъ, что природа при создаваніи цѣлесообразныхъ формъ совсѣмъ ужъ не такъ рѣзко отличается отъ человѣка, строящаго планы. Природа и человѣкъ сходны постольку, поскольку оба они проявляютъ двойной образъ дѣйствій. Природа идетъ ощупью въ цѣломъ рядѣ опытовъ, оказывающихся, ксатати, нерѣдко очень неудачными; она идетъ ощупью тогда, когда дѣло касается новой, необыкновенной цѣли, такъ что въ ея распоряженіи нѣтъ еще никакого цѣннаго опытнаго матеріала. Не иначе добывается какой-либо цѣли человѣкъ. Въ своихъ поискахъ фантазія изобрѣтателя наталкивается на сотни плановъ, которые она подвергаетъ испытанію, и изъ всѣхъ этихъ плановъ только одинъ, въ концѣ концовъ, оказывается удачнымъ. Цѣлый рои «колеблющихся образовъ», фигуръ, идей и настроеній носились передъ творческой душою Гете въ тотъ періодъ, когда онъ создавалъ своего «Фауста». Подобно тому, какъ изъ массы засѣянныхъ зеренъ многія погибаютъ, точно такъ же большая часть этихъ образовъ и идей отвергалась подъ вліяніемъ критическаго чувства поэта, и, въ концѣ концовъ, создается въ результатѣ, если такъ можно выразиться, «естественнаго отбора», готовое произведеніе въ его окончательной формѣ. Если мнѣ возразить, что культурный человѣкъ не всегда идетъ вщупью, и что въ безчисленномъ рядѣ случаевъ онъ создаетъ сразу цѣлесообразную форму, то я въ отвѣтъ на это укажу, съ одной стороны, на ту предварительную работу, которую долженъ былъ прѣдѣлать отдѣльный человѣкъ и, особенно, человѣчество для развитія въ себѣ этой ловкости; съ другой же стороны, я укажу на тотъ фактъ, что природа значительно превосходитъ человѣка своимъ цѣлесообразнымъ творчествомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она заранее приготовлена къ этому. Развѣ природа не создаетъ изъ каждаго зародыша, находящагося въ благоприятныхъ условіяхъ, какаго-либо организма, розу, бабочку, человѣка, т. е. поразительно сложныя художественныя произведенія телеологіи? Развѣ она не создаетъ всего этого съ поразительной быстротой, точно играя? И развѣ многія цѣлесообразныя формы, прирожденные живымъ существамъ, не функционируютъ съ поразительной точностью безъ всякихъ опытовъ, дѣлаемыхъ ощупью? Вспомните хотя бы тотъ фактъ, что грудной младенецъ сразу начинаетъ сосать грудь матери; вспомните, какъ плаваютъ только что вылупившіеся изъ яйца утенки; вспомните объ инстинктахъ. Если мы станемъ на эту точку зрѣнія, то мы должны признать неправильнымъ мнѣніе Фридриха Альберта Ланге о наличности глу-

бокой пропасти, отдѣляющей будто бы планомѣрный образъ дѣйствій человѣка отъ поведенія природы. Какъ разъ наоборотъ, методъ, примѣняемый природой при создаваніи живыхъ существъ, совершенствуемыхъ ею медленно послѣ строгаго отбора, обнаруживаетъ поразительное сходство съ тѣмъ, какъ человѣкъ, преслѣдующій опредѣленные цѣли, пускаетъ въ ходъ въ дѣлѣ осуществленія ихъ всѣ свои знанія или дѣлаетъ различные изобрѣтенія, идя постоянно ощупью. И почему, спрашивается, между природой и человѣкомъ должна лежать пропасть? Развѣ человѣкъ не принадлежитъ всей природѣ? Развѣ его дѣйствія не являются ея дѣйствіями?

Выше я говорилъ о томъ, что природа бываетъ иногда заранее подготовлена къ творчеству, что она какъ бы «учится» ему. Я указывалъ на то, что создаваніе организмовъ путемъ размноженія представляетъ собою продуктъ ловкости, которой природа достигаетъ при помощи опыта и упражненія. Сторонникъ механическаго взгляда на природу отвергаетъ мое воззрѣніе. Онъ привыкъ смотрѣть на «природу», какъ на простую сумму движеній, а не какъ на нѣчто цѣльное, обладающее внутреннимъ единствомъ. И все же законъ причинности заставляетъ насъ придерживаться монистическаго міросозерцанія въ томъ смыслѣ, что предъ лицомъ вѣчности природа, эта первопричина всѣхъ отдѣльных моментовъ, создаетъ все то, что мы при разбросанномъ наблюденіи приписываемъ отдѣльному существу. Въ человѣкѣ чувствуется, мыслить и стремиться къ идеалу природа. Природа является изобрѣтательницей всѣхъ тѣхъ цѣлесообразностей, которыя развиваются въ организмахъ. А въ виду того, что природа, какъ это считаетъ вѣроятнымъ идеалистическое міровоззрѣніе, является духовнымъ существомъ, то совсѣмъ нельзя назвать «мистической» мысль о томъ, что природа «учится».

Въ моей книгѣ «Откровенія можжевельника», въ которой я, между прочимъ, высказываю вышенъизложенную мысль, читатель можетъ найти слѣдующее: «Рождать значитъ передавать свою субстанцію, свой родъ, а слѣдовательно, при рожденіи передаются также и способности, кроющіяся въ этой субстанціи. Рождать значитъ передавать по наслѣдству. Наслѣдникъ свидѣтельствуетъ о родителяхъ, отъ котораго онъ получилъ субстанцію... Солидная утка-мать отправилась вмѣстѣ со своими пискливыми дѣтенышами къ озеру. Покрытые нѣжнымъ пухомъ, эти дѣтеныши, по всей вѣроятности, только что вылупились изъ яицъ, а между тѣмъ они вели себя такъ, какъ будто давно уже были знакомы съ водою. Утята довѣрялись водной стихіи, точно она была ихъ милой вѣрной тетей. Ихъ лапки, дѣйствовавшія на сушѣ еще очень неувѣренно, грѣли тутъ очень ловко. «Откуда эти животныя приобрѣли свое умѣнье плавать? спросилъ Освальдъ. «Научились ли они этому? О, если бы я зналъ, когда они могли научиться этому! Вѣдь въ яицѣ, изъ котораго они только что вылупились, нельзя упражняться въ плаваніи. Или тутъ дѣйствуетъ инстинктъ, наслѣдственность? Такими туманными оборотами нельзя отдѣлаться отъ меня. Ты, Всевидящій! Не знаешь ли твоя философія какого-нибудь отвѣта на этотъ вопросъ!» Тогда я не возразилъ ему ничего на это. Теперь же я знаю отвѣтъ. Я знаю, гдѣ утенки научились плавать. Онъ научился плавать въ своемъ допотопномъ мірѣ! Въ видѣ! Тамъ онъ жилъ, онъ присутствовалъ при всѣхъ переживаніяхъ своихъ предковъ. Въ своихъ предкахъ онъ набрался знаній. Поэтому-то этотъ желторотый утенокъ такъ уменъ. Въ него проникаетъ основное ядро, присущее всѣмъ уткамъ, а именно, сущность вида, и сообщаетъ ему разныя разности.

Уже фیزیологъ Эвальдъ Герингъ (Ewald Herihg) указалъ въ одной своей рѣчи, произнесенной имъ въ 1878 году, на «память, какъ на общую

функцию организованной материи». А Эрнст Геккель (Ernst Haeckel), который в духе Дарвина указал на историю развития зародыша (онтогенію), как на «повторение» истории развития вида (филогенію), тоже выступил в 1875 году в своем труде «Перигенезисъ пластидулы» («Perigenesis der Plastidule») с теоріей о томъ, что малѣйшія частички живой субстанции обладаютъ «памятью», носящей характеръ «безсознательной способности къ воспоминанію». В 1904 году біологъ профессоръ Земонъ (Semon) выпустилъ в свѣтъ трудъ, значительно подкрѣпляющій идеалистическое понятие природы; мое выраженное в несовременной и неполной формѣ объясненіе цѣлесообразныхъ отпаденій и образованій природы тѣмъ, что природа «учится», онъ замѣняетъ подробной теоріей. Онъ выставилъ теорію «мнемъ» (греческое слово «μνήμη» означаетъ «память»). Эту «мнемъ» онъ представляетъ себѣ аналогичной нашей способности къ воспоминанію. Подобно тому, какъ мы повторяемъ заученныя нами названія слова въ ихъ первоначальномъ порядкѣ, точно такъ же зародышъ человѣка повторять въ теченіи своего развитія вкратцѣ всѣ важныя стадіи развитія, черезъ которое прошло родословное дерево человѣческаго рода. И унаследованная цѣлесообразности органическаго міра можно объяснить, какъ такую «мнемъ». Когда въ кѣтку пятидневной сороки поставили въ первый разъ тазъ съ водой, то ткнувшись клювомъ въ воду, птица начала присѣдаться и шумѣть крыльями, хотя она оставалась внѣ таза и не соприкасалась больше съ водой. Зародышъ ея научился такому образу дѣйствій въ своихъ предкахъ, и цѣль воспоминаній, пріобрѣтенныхъ «въ прежней жизни», если такъ можно выразиться, всплыла въ ея головѣ, благодаря прикосновенію клюва къ водѣ, настолько сильно, что она стала «инстинктивно» совершать движенія, сопровождающія, обыкновенно, купаніе.

Къ идеалистическому объясненію наслѣдственности я хотѣлъ бы присовокупить предположеніе, касающееся мнимаго нарушенія закона наслѣдственности. Это нарушеніе выражается въ измѣненіяхъ, обнаруживаемыхъ вновь рожденными живыми существами. Какъ объяснить тотъ фактъ, что въ каждомъ индивидуальномъ организмѣ развиваются способности, которыми не обладали его ближайшіе предки. Въ своей «Общей морфологіи» (Générale Morphologie) Геккель объясняетъ измѣнчивость организмовъ «влияніемъ вѣншихъ условій существованія», которыя подчинены смѣнѣ всѣхъ вещей. «Причины измѣнчивости заключаются, въ существенныхъ чертахъ своихъ въ матеріальномъ взаимодействіи между частями организма и окружающимъ его вѣншимъ міромъ». Какъ мнѣ кажется, это механическое и матеріалистическое объясненіе можетъ быть дополнено примѣненіемъ теоріи мнемъ. Я вижу въ измѣненіяхъ вѣншняго міра поводъ, побуждающій организмъ дѣлать попытки приспособленія. Эти попытки развивающіеся организмъ дѣлаетъ потому, что, по аналогіи со старымъ опытомъ, онъ стремится къ цѣлесообразному образу дѣйствій. Въ этомъ своемъ стремленіи организмъ проявитъ тѣмъ больше неуклюжести, тѣмъ болѣеую своеобразность и новизну обнаружатъ отражающія его условія. Первобытная птица археоптериксъ развилась изъ ящерицы, причемъ путемъ варіаціи чешуя кожи превратилась въ перья. Этотъ вариантъ, можетъ быть, былъ вызванъ тѣмъ фактомъ, что ящерица попала на долгое время въ чрезвычайно холодныя мѣста. Тотъ фактъ, что охлажденіе воздуха побуждало кожу дѣлать попытки къ приспособленію, представляетъ собою, съ моей точки зрѣнія, образъ дѣйствій, цѣлесообразность котораго должна была быть знакома живымъ существамъ на основаніи долгаго, стараго опыта.

Конечно, надо различать «общую» и «спеціальную» цѣлесообразность. Специально цѣлесообразной является та попытка приспособленія, которую

естественный отборъ, если такъ можно выразиться, одобряетъ. Когда неумѣющій плавать человѣкъ падаетъ въ воду, то онъ вскидываетъ руки вверхъ. Движеніе это обусловлено «мнемой», завѣщанной человѣку его четвероногими предками, которые при паденіи старались ухватываться за сучья деревьевъ. Когда четвероногое животное теряетъ точку опоры, то такое движеніе вполне цѣлесообразно. Но при новыхъ, специальныхъ условіяхъ оно оказывается крайне неуклюжимъ и даже гибельнымъ. Когда щенокъ попадаетъ въ воду, то онъ (опять-таки благодаря «мнемѣ») дѣлаетъ, въ общемъ, цѣлесообразныя движенія, т. е. движенія бѣганія, и при помощи этихъ движеній ему удается уйти изъ чуждой ему стихіи. Это движеніе оказывается специально цѣлесообразнымъ, и собака можетъ плавать, не затрачивая на изученіе плаванія много энергіи. По этому двойному образцу, пожалуй, совершаются всѣ варіаціи, создаваемыя природой. Онѣ всѣ представляютъ собою попытки, дѣлаемыя ошупью, для приспособленія къ измѣнившимся условіямъ. И «мнема» дѣйствуетъ тутъ на манеръ «фантазіи», при-чемъ для болѣе или менѣе новаго положенія выискивается какое-нибудь средство приспособленія, оказавшееся пригоднымъ когда-то раньше, когда живое существо находилось, приблизительно, въ такомъ же положеніи.

Но читатель спроситъ меня, почему я придаю особенную цѣнность идеѣ духовной природы, и почему я такъ стараюсь умѣститъ дарвинизмъ въ рамкахъ идеалистическаго міросозерцанія. Я это дѣлаю потому, что идеализмъ, не представляющій собою безпочвенной вѣры, а строго объединенный съ наукой и логикой, удовлетворяетъ всего человѣка съ его чувствами и характеромъ, такъ какъ этотъ идеализмъ показываетъ, что высшія цѣнности нашей духовной жизни остаются во вселенной вѣчными. Я дѣлаю это также потому, что я стремлюсь къ гармоническому проявленію нашихъ высшихъ силъ, стремлюсь къ той живой наукѣ, которая является въ то-же время религіозностью, набожностью.

* * *

Предлагаемая книга, дающая намъ картину міросозерцанія Дарвина, должна служить «живой наукѣ». Въ ней собраны тѣ мѣста изъ сочиненій Дарвина, въ которыхъ этотъ новый Коперникъ открываетъ передъ спеціальнымъ естествознаніемъ перспективы, вносящія очень цѣнный вкладъ въ современное міросозерцаніе. Этотъ фактъ такъ-таки превращаетъ Дарвина въ крупную умственную величину, по отношенію къ которой каждый образованный человѣкъ долженъ занять определенное положеніе. Очень многие люди не въ состояніи осилить сочиненія самого Дарвина, но въ тоже-время имъ хочется не простого популярнаго изложенія мыслей Дарвина: нѣтъ, имъ хочется познакомиться съ тѣмъ, какъ Дарвинъ высказываетъ свои основныя воззрѣнія собственными словами. Я собралъ характерныя выдержки изъ писемъ и сочиненій Дарвина и связалъ ихъ въ одно логическое цѣлое. Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, мнѣ удалось, въ краткихъ чертахъ, познакомить читателя съ сущностью дарвинизма на основаніи самого оригинала.

Выдержки сдѣланы мною изъ слѣдующихъ трудовъ Дарвина:

«Жизнь и Письма Чарльза Дарвина» съ приложеніемъ главы, содержащей его автобіографію. Изданы его сыномъ Фрэнсисомъ Дарвиномъ, 3 тома. Эту книгу я буду обозначать съ своихъ выдержкахъ сокращенно буквою «П;» стоящая рядомъ цифры будутъ означать томъ, а въ скобкахъ будутъ указаны адресаты писемъ.

«Происхожденіе Видовъ путемъ естественнаго подбора» = «В».

«Происхождение Человѣка и половой подборъ»=«У».
 «Выраженіе ощущеніи у человѣка и животныхъ»=«О».
 «Насѣкомоядныя Растенія»=«Р».
 «Движенія и повадки Лазящихъ растений»=«Л».

Докторъ Бруно Вилле.

Фридрихсгагенъ (близъ Берлина), июль 1906 года.

I. РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОСОЗЕРЦАНІЕ.

Полнѣйшее невѣріе. Въ природѣ нѣтъ богословской цѣлесообразности. Преобладаніе счастья надъ несчастіемъ. Въ мірѣ много страданія. Твердая вѣра не представляетъ собою доказательства. Божество. Случайность не можетъ быть первопричиной. Агностицизмъ. Идея Бога. Вѣра въ духовъ. Сувѣрная собака. Обитатели Огненной Земли. Элементы религіи у животныхъ. Тѣнныя стороны религіи. Христіанская вѣра не есть наука. Упрекъ въ атеизмъ. Существуетъ ли мировая плановѣрность. Въ природѣ незамѣтно откровеніе провидѣнія. Ея законахъ природы не царитъ ни цѣль, ни случайность. Естественный отборъ въ цивилизаціи. Противъ темологіи. Нѣтъ ни провидѣнія, ни случайности. Существованіе горя въ мірѣ говоритъ противъ «провидѣнія». Но первопричина не зѣренъ жестока. Непостижимое. Въ жизнь міра не вмѣшивается какой-то творецъ. Нѣтъ творенія, а есть развитіе. Сложное развилось изъ простаго. Естественный отборъ объясняетъ новое образованіе. Постепенность развитія духовныхъ силъ. Спиритическій сеансъ. Позитивная догматика. Воздержаніе отъ рѣшенія религіозныхъ вопросовъ. «Агностики». Письма по религіознымъ вопросамъ представляютъ собою «частное» мнѣніе. Ignorabimus (мы не узнаемъ). Но человѣкъ можетъ исполнять свой долгъ. Самонаблюданіе. Добродѣтели естественныя. Всегда надо доискиваться корня. Вѣчное стремленіе къ познанію.

Въ теченіе двухъ лѣтъ многое наводило меня на мысли о религіи. Во время своего путешествія на кораблѣ «Бигль» я былъ вполнѣ вѣрующимъ, ортодоксальнымъ христіаниномъ, и я припоминаю, какъ нѣкоторые офицеры (которые тоже были вѣрующими) отъ всей души смѣялись надо мною по поводу того, что я по какому то вопросу о нравственности цитировалъ библію, какъ неопровержимый авторитетный источникъ. Мнѣ кажется, что ихъ разсмѣшила новизна моего метода доказательства. Но въ это время (отъ октября 1836 г. до января 1839 года) я постепенно пришелъ къ сознанію того, что ветхому завету нельзя вѣрить больше, чѣмъ священнымъ писаніямъ индусовъ. Въ то время въ моей душѣ постоянно возникалъ вопросъ: возможно ли, чтобы Богъ, желая въ настоящее время испослать индусамъ откровеніе, допустилъ такіа же тѣсныя взаимоотношенія между этимъ откровеніемъ и вѣрою въ Вишну, Шиву и т. д., какія существуютъ между христіанствомъ и ветхимъ заветомъ? Отъ этого вопроса я не могъ отдѣлаться, и мнѣ казалось, что на него можно дать только отрицательный отвѣтъ.

Потомъ я сталъ задумываться надъ тѣмъ фактомъ, что для увѣрованія въ чудеса, лежація въ основѣ христіанства, человѣкъ со здравымъ разсудкомъ потребуеетъ вполнѣ ясныхъ доказательствъ, и что, по мѣрѣ нашего ознакомленія съ твердо установленными законами природы, возможность чудесъ становится все менѣе и менѣе вѣроятной. Я не могъ также не обратить своего вниманія на то, что люди временъ возникновенія христіанства были пораженительно невѣжественны и легковѣрны, и что нельзя доказать, что евангелія написаны въ то время, когда происходили описываемыя ими событія. Я не могъ также не задуматься надъ тѣмъ, что многія важныя явленія изображены въ различныхъ евангеліяхъ различно. Эти явленія, какъ мнѣ казалось, слишкомъ важны для того, чтобы можно было объяснять различія въ изображеніи ихъ обычными ошибками очевидцевъ. Всѣ эти свои мысли я привожу не потому, чтобы онѣ представляли собою что либо новое или цѣнное, а лишь потому, что онѣ оказывали на меня очень сильное дѣйствіе, и подъ ихъ влияніемъ я постепенно при-

шелъ къ убѣжденію въ томъ, что христіанство не представляетъ собою божественнаго откровенія. При этомъ я не могъ не считать также съ тѣмъ фактомъ, что многія ложныя религіи распространялись по землѣ съ быстротою молніи.

Но мнѣ совсѣмъ не хотѣлось отказываться отъ своей вѣры. Въ этомъ я увѣренъ, такъ какъ я могу ясно припомнить, что я постоянно рисовалъ себѣ различныя фантастическія картины того, какъ въ Помпеяхъ или другихъ мѣстахъ будутъ найдены старыя письма и рукописи авторитетныхъ римлянъ съ подтвержденіемъ всего изложеннаго въ евангеліяхъ. Но, несмотря на то, что я предоставилъ своей фантазіи полную свободу дѣйствія, тѣмъ не менѣе мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе находить доказательства, которыя могли бы меня убѣдить въ истинности христіанства. Такъ въ мою душу медленно прокрадывалось невѣріе, и въ концѣ концовъ, я сталъ совершенно невѣрующимъ человѣкомъ. Невѣріе прокрадывалось въ мою душу такъ медленно, что я не ощущалъ при этомъ никакого тягелаго, непріятнаго чувства.

Хотя я сталъ задумываться особенно сильно надъ вопросомъ о существованіи личнаго Бога лишь въ довольно поздній періодъ своей жизни, все же я хочу тутъ указать на тѣ общіе выводы, къ которымъ я по-неволи пришелъ. Приводимое Пэли (Paley) старое доказательство существованія цѣли въ природѣ, казавшееся мнѣ прежде рѣшающимъ, оказывается въ настоящее время, послѣ того, какъ открытъ законъ естественнаго отбора, ложнымъ. Въдъ мы не можемъ уже больше думать что, напримѣръ, прекрасная двухтворчатая раковина построена какимъ то разумнымъ существомъ, подобно тому, какъ дверной крюкъ построенъ человѣкомъ. Въ измѣчивости органическихъ существъ и въ образѣ дѣйствій естественнаго отбора кроется, какъ мнѣ кажется, не больше цѣлесообразности, чѣмъ въ томъ направленіи, въ которомъ дуетъ вѣтеръ. Этого вопроса я касаюсь въ концѣ своей книги «Объ измѣненіяхъ растений и животныхъ вслѣдствіе прирученія^{*)}», насколько я знакомъ съ соответствующей литературой, приводимыя тамъ доказательства ни разу не опровергались.

Если же мы оставимъ въ сторонѣ всѣ тѣ безчисленныя чудесныя приспособленія, съ которыми мы повсюду сталкиваемся, то можно спросить, какъ объяснить тотъ фактъ, что нашъ міръ, въ общемъ, устроенъ очень хорошо. На нѣкоторыхъ писателей, страданія міра производятъ такое сильное дѣйствіе, что, принимая въ соображеніе всѣ ощущающія существа, они высказываютъ сомнѣніе въ томъ, царитъ ли въ мірѣ больше горя или счастья, и хорошъ ли или плохъ міръ, какъ цѣлое. По моему мнѣнію, въ мірѣ гораздо больше счастья, чѣмъ горя, хотя доказать это очень трудно. Но если я правъ, то фактъ преобладанія счастья въ мірѣ вполнѣ соответствуетъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя мы можемъ ожидать отъ естественнаго отбора. Если бы всѣ особи какого-нибудь вида постоянно страдали въ очень сильной степени, то онѣ бы забывали о размноженіи

^{*)} Дарвинъ задаетъ въ концѣ указанной выше книги вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы право допустить, что форма отломившихся отъ скалы и скатившихся въ долину обломковъ, употребляемыхъ человѣкомъ на постройку его домовъ, заранее опредѣлена. Если это не имѣетъ мѣста, то на какомъ основаніи можемъ мы предполагать, что разнообразіи домашнихъ животныхъ и растений заранее опредѣлены на благо скотовода или садовода? Если же мы отказываемся отъ этого принципа въ одномъ случаѣ..., то у насъ нѣтъ абсолютно никакихъ основаній для допущенія предвѣстности въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя, по природѣ своей, одинаковы съ указаннымъ измѣненіемъ и являются результатомъ однихъ и тѣхъ же общихъ законовъ, эти измѣненія, въ тоже же время послужили основаніемъ для развитія, подъ влияніемъ естественнаго отбора, наиболѣе приспособленныхъ животныхъ, а равно и человѣка».

своего вида. Но у насъ нѣтъ никакихъ основаній для того предположенія, что это когда нибудь или, по крайней мѣрѣ, часто имѣлось на лицо. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ другихъ размышленіяхъ можно прийти къ тому убѣжденію, что всѣ ощущающія существа созданы такъ, что, въ общемъ, они наслаждаются счастьемъ.

Если вы, подобно мнѣ, придерживаетесь того взгляда, что всѣ тѣлесные и духовные органы всѣхъ существъ (за исключеніемъ тѣхъ органовъ, которые не полезны и не вредны своимъ обладателямъ) развились подъ влияніемъ естественнаго отбора или въ результатъ передвиженія болѣе приспособленнаго существа въ связи съ употребленіемъ даннаго органа или привычкой,—то тогда вы признаете, что эти органы образованы такъ, что обладатели ихъ могутъ успѣшно конкурировать съ другими существами и такимъ путемъ размножаться. Животное побуждается къ той дѣятельности, которая наиболѣе благотворна для вида, или страданіемъ, какъ напримѣръ, болью, голодомъ, жаждой и страхомъ, или удовольствіемъ, доставляемымъ ѣдой, питьемъ, размноженіемъ рода и т. д., или, въ концѣ концовъ, обоими этими факторами вмѣстѣ, какъ это напримѣръ имѣетъ мѣсто при отыскиваніи пищи. Боль или страданіе вызываютъ упадокъ духа и уменьшаютъ нашу дѣеспособность, если они тянутся долго. Но они пригодны къ тому, чтобы развить въ существѣ осторожность и внимательность къ какому нибудь крупному или внезапному злу. Напротивъ, пріятныя ощущенія могутъ оставаться въ силѣ очень долго, не оказывая угнетающаго вліянія. Они даже возбуждаютъ все тѣло къ болѣе усиленной дѣятельности. Поэтому то всѣ или почти всѣ ощущающія существа развились путемъ естественнаго отбора такимъ образомъ, что ими обыкновенно руководятъ пріятныя ощущенія. Примѣромъ этого можетъ служить удовольствіе, доставляемое намъ, напряженнымъ трудомъ. Даже очень напряженный физическій или умственный трудъ доставляетъ намъ иногда удовольствіе. Намъ доставляютъ также иногда удовольствіе наши обѣды и особенно, общенность и любовь нашей семьи. Благодаря общей суммѣ всѣхъ этихъ удовольствій, представляющихъ собою нѣчто обыкновенное или часто повторяющееся, у большей части ощущающихъ существъ счастье, какъ это мнѣ кажется стоящимъ внѣ сомнѣнія, имѣетъ перевѣсъ надъ несчастьемъ, хотя многимъ существамъ приходится временами сильно страдать. Эти страданія вполнѣ совместимы съ вѣрою въ естественный отборъ, который въ своемъ дѣйствіи не представляетъ собою чего-то совершеннаго, а стремится лишь къ тому, чтобы каждый видъ достигалъ возможно большаго успѣха въ борьбѣ за существованіе съ другими видами, въ борьбѣ, происходящей при самыхъ сложныхъ и измѣнчивыхъ условіяхъ.

Никто не споритъ противъ того, что въ мірѣ много страданій. Нѣкоторые люди пытались объяснить эти страданія, поскольку дѣло идетъ о человѣкѣ, допущеніемъ о томъ, что страданія служатъ для его нравственнаго усовершенствованія. Но число людей во всемъ мірѣ крайне незначительно въ сравненіи съ числомъ всѣхъ другихъ ощущающихъ существъ, которыя страдаютъ часто очень сильно, нисколько не совершенствуясь въ нравственномъ отношеніи. Это очень старое доказательство противъ существованія какой-нибудь первопричины казалось мнѣ вполнѣ основательнымъ, и въ то же время, какъ я уже указывалъ выше, существованіе большого количества страданій можетъ быть прекрасно примиримо съ идеей развитія органическихъ существъ путемъ измѣненія и естественнаго отбора.

Въ настоящее время наиболѣе обычнымъ доказательствомъ существованія разумнаго бога является указаніе на глубокое внутреннее убѣжденіе и на чувства, испытываемыя болѣею частью людей въ самихъ себѣ.

Прежде эти чувства заставляли меня вѣрить въ существованіе Бога и безсмертіе души (хотя, какъ мнѣ кажется, религіозное чувство *) никогда не было сильно развито у меня). Въ своемъ «дневникѣ» я разъ записалъ, что «невозможно передать достаточно ярко всѣ тѣ высшія чувства удивленія, восхищенія и смиренія, которыя заполняютъ и возвышаютъ нашу душу», когда находишься среди великолѣпной природы бразильскаго лѣса. Я прекрасно помню свою увѣренность въ томъ, что въ человѣкѣ имѣется нѣчто большее, чѣмъ простое дыханіе его тѣла. Въ настоящее время красивая, роскошная картина бразильскаго лѣса не пробудила бы въ моей душѣ подобныхъ ощущеній и убѣжденій. Меня можно было бы очень удачно сравнить съ человѣкомъ, потерявшимъ способность различать цвѣта; а имѣющаяся у всѣхъ людей вѣра въ существованіе краснаго цвѣта не дѣлаетъ факта потери моей способности къ воспріятію основательнымъ доказательствомъ въ пользу ихъ вѣры. Это доказательство имѣло бы силу, если бы люди всѣхъ расъ обнаруживали одно и то же внутреннее убѣжденіе въ существованіе Бога. Но мы знаемъ, что это совѣтъ не такъ. Поэтому я не могу согласиться съ тѣмъ, будто различныя внутреннія убѣжденія и ощущенія могутъ быть разма-триваемы, какъ вѣское доказательство существованія Бога. Душевное настроеніе, вызывавшееся во мнѣ прежде подъ вліяніемъ великолѣпныхъ картинъ и находившееся въ тѣсной связи съ вѣрою въ Бога, не многимъ отличается отъ того настроенія, которое часто называется чувствомъ возвышеннаго. И какъ ни трудно объяснить возникновеніе этого чувства, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ такое же право видѣть въ немъ доказательство существованія Бога, съ какимъ мы можемъ видѣть такое доказательство въ неопредѣленныхъ, но сильныхъ ощущеніяхъ, вызываемыхъ въ насъ музыкой.

Что касается безсмертія, то мнѣ ясно, что вѣра въ него должна быть очень сильна и почти инстинктивна. Ничто не убѣждаетъ меня въ этомъ такъ ясно, какъ ближайшее разсмотрѣніе того высказываемаго въ настоящее время болѣею частью физиковъ мнѣніе, что солнце со всѣми планетами охладится со временемъ настолько сильно, что оно не сможетъ поддерживать существованіе жизни, если какое-нибудь крупное тѣло не упадетъ на солнце и этимъ самымъ не сообщитъ ему новой энергіи. Если вы, подобно мнѣ, вѣрите въ то, что человѣкъ будетъ въ отдаленномъ будущемъ значительно болѣе совершеннымъ существомъ, чѣмъ каковымъ онъ является въ настоящее время, то мысль о томъ, что онъ и всѣ другія ощущающія существа обречены на полную гибель послѣ долгаго, медленнаго прогресса, становится невыносимой. Людямъ, вѣряющимъ въ безсмертіе нашей души, гибель нашего міра кажется не столь ужасной.

Болѣе вѣскимъ и основательнымъ кажется мнѣ другой источникъ убѣжденія въ существованіи Бога, источникъ, находящійся въ связи съ разумомъ, а не съ чувствомъ. Такимъ источникомъ является крайняя труд-

*) Дарвинъ не былъ фанатикомъ, однако въ вопросахъ религіи онъ всегда былъ честнымъ критикомъ своего сердца. Изъ его писемъ къ Фоксу видно, что онъ намеревался стать священникомъ. «Я очень радъ», пишетъ онъ въ мартѣ 1829 года, «что ты изучаешь теологию. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, какія книги ты читаешь и каковы твои взгляды на нихъ. Тебѣ не надо бояться того, что ты будешь опрометчивъ въ своихъ отвѣтахъ на этотъ вопросъ». Въ своемъ очеркѣ Гербертъ показываетъ, какъ въ душѣ Дарвина возникли сомнѣнія по вопросу о томъ, можетъ ли онъ стать священникомъ. Гербертъ говоритъ: «У насъ былъ серьезный разговоръ по поводу его плана стать священникомъ. И я вспоминаю, что Дарвинъ, указывая на предлагаемый епископомъ при посвященіи въ священники вопросъ о томъ, убѣжденъ ли посвящаемый, что его побуждаютъ къ данному поступку святой духъ, спросилъ меня о томъ, могу ли я отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, и когда я ему отвѣтилъ, что я не могъ бы этого сдѣлать, онъ сказалъ мнѣ: —я тоже не могу этого сдѣлать и потому я не могу стать священникомъ».

ность или скорѣе невозможность представить себѣ, чтобы эта необъятная и чудесная вселенная, охватывающая человѣка съ его способностью заглядывать въ прошлое и будущее, была результатомъ слѣпой случайности или необходимости. Раздумывая по этому поводу, я начинаю чувствовать потребность въ отысканіи какой-нибудь первопричины, я начинаю думать о разумномъ духѣ, аналогичномъ, до извѣстной степени, съ человекомъ. И тогда я заслуживаю названія теиста. Это умозаключеніе особенно сильно напрашивалось мнѣ, насколько я помню, въ то время, когда я писалъ свое «Происхожденіе видовъ». Съ того времени оно постепенно и послѣ долгихъ колебаній стало слабѣе. И тутъ возникаетъ второе сомнѣніе. Можно ли полагаться на умъ человѣка, который, какъ я увѣренъ, развился изъ такого низкаго ума, какъ умъ низшихъ животныхъ? Можно ли положиться на умъ человѣка, когда онъ дѣлаетъ такіа рѣшительныя умозаключенія?

Я не осмѣливаюсь пролить хоть малѣйшій свѣтъ на такіа темныя проблемы. Тайнственный вопросъ о началѣ всѣхъ вещей для насъ не разрѣшимъ, и я, со своей стороны, долженъ удовлетвориться скромнымъ удѣломъ агностика.

II. (Автобіографія) I.

У насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, говорящихъ за то, что человеку съ перваго момента его возникновенія была присуща облагораживающая вѣра въ существованіе всемогущаго Бога. Напротивъ, цѣлый рядъ изслѣдователей, прожившихъ долго среди дикарей, указываетъ на то, что существовало и еще теперь существуетъ много расъ, которымъ чужда идея одного или нѣсколькихъ боговъ, и языкъ которыхъ не имѣетъ словъ для выраженія такой идеи. Конечно, этотъ вопросъ совѣмъ не тождественъ съ другимъ высшимъ вопросомъ, именно вопросомъ о существованіи творца и правителя вселенной. На этотъ вопросъ крупнѣйшіе умы, жившіе когда-либо, давали утвердительный отвѣтъ.

Если мы, однако, подъ словомъ «религія» будемъ подразумѣвать вѣру въ невидимыя или духовныя силы, то дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ, такъ какъ эта вѣра, какъ кажется, встрѣчается у всѣхъ менѣе цивилизованныхъ массъ. Къ тому же нетрудно уяснить себѣ, какъ она возникла. Когда въ человѣкѣ отчасти развились важныя способности воображенія, удивленія и любопытства, въ связи со способностью мышленія, то человѣкъ самъ собою долженъ былъ постараться понять все совершающееся вокругъ него, и тогда онъ сталъ также размышлять о своемъ собственномъ существованіи, хотя эти мысли отличались значительной неясностью. М' Леннанъ (M' Lehnan) говоритъ: «Человѣкъ былъ долженъ придумывать себѣ какое-нибудь объясненіе жизненныхъ явленій, и, насколько можно судить по распространенности объясненій, самой простой и прежде всего пришедшей человѣку въ голову гипотезой была та, согласно которой явленія природы объяснялись существованіемъ духовъ въ животныхъ, растеніяхъ, безжизненныхъ предметахъ и силахъ природы. Эти побуждающіе къ дѣятельности духи представлялись ему похожими на тѣхъ, существованіе которыхъ онъ сознавалъ и считалъ неоспоримымъ». Тэйлоръ считаетъ вполне вѣроятнымъ, что поводъ къ гипотезѣ существованія такихъ духовъ могли дать, прежде всего, сновидѣнія, такъ какъ дикари нелегко различаютъ субъективныя и объективныя впечатлѣнія. Когда дикарь видитъ сонъ, то онъ думаетъ, что появляющіеся передъ нимъ образы пришли къ нему издалика и стоятъ надъ нимъ; или что «душа человѣка, видящаго сонъ, отправляется путешествовать и возвращается домой съ воспомина-

ніемъ того, что она видѣла *). Но пока вышеуказанныя способности воображенія, любопытства, разума и т. д. не развились въ достаточной степени у человѣка, до тѣхъ поръ его сновидѣнія не могли его побуждать къ вѣрѣ въ духовъ, точно такъ же, какъ этого не наблюдается у собаки.

Слѣдующій фактъ, который мнѣ пришлось самому наблюдать, выяснитъ, пожалуй, склонность дикарей воображать себѣ, что вещи и силы природы одухотворены. Въ одинъ жаркій лѣтній день моя собака лежала на травѣ. Это было взрослое и очень внимательное животное. Недалеко отъ нея лежалъ открытый зонтикъ, который время отъ времени шевелился подъ вліяніемъ небольшого вѣтерка. Если бы кто-нибудь стоялъ около зонтика, то собака не обратила бы на движенія зонтика никакого вниманія. Но въ данномъ случаѣ она начинала рычать и лаять всякій разъ, когда зонтикъ тихо шевелился. Какъ мнѣ кажется, собака быстро и безсознательно рассудила, что движеніе, совершающееся безъ очевидной причины, указываетъ на присутствіе какой-то чужой живой силы, а за чужими она не признавала права находиться въ этомъ мѣстѣ.

Вѣра въ духовныя силы можетъ легко перейти въ вѣру существованія одного или нѣсколькихъ боговъ, такъ какъ вполне естественно, что дикарь приписываетъ духамъ тѣ же самыя страсти, ту же самую метительность, т. е. простѣйшую форму справедливости и тѣ же самыя склонности, какія онъ чувствуетъ въ себѣ. Какъ кажется, жители Огненной Земли находятъ въ этомъ отношеніи въ среднемъ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, когда врачъ корабля «Бигль» застрѣлилъ нѣсколько молодыхъ утокъ для того, чтобы сохранить ихъ въ качествѣ образчиковъ мѣстной фауны, то Йоркъ Минстеръ заявилъ въ очень торжественной формѣ: «О, мистеръ Байно, много дождя, много снѣга, много пузырей!», и это, очевидно, понималось, какъ грозящее наказаніе за уничтоженіе человѣческой пищи. Такъ, напримѣръ, дальше Йоркъ Минстеръ рассказывалъ, что когда его братъ убилъ «дикаго человѣка», то долгое время бушевали бури, шло много дождя и снѣга.

И все же мы не могли подмѣтить, чтобы жители Огненной Земли вѣрили въ то, что мы называемъ богомъ, или чтобы они выполняли какіе-нибудь религіозные обряды. Джемми Беттонъ гордо заявлялъ, что въ его странѣ нѣтъ чорта, и это замѣчаніе его тѣмъ болѣе интересно, что у дикарей куда болѣе распространена вѣра въ злыхъ духовъ, чѣмъ вѣра въ добрыхъ.

Чувство религіозной преданности, смиренія представляетъ собою въ высшей степени сложное явленіе: оно состоитъ изъ любви, полного подчиненія какому-то возвышенному и таинственному «неизвѣстному», сильнаго чувства зависимости, страха, уваженія, благодарности, надежды на

*) См. Тэйлоръ «Первобытная исторія человечества» (Tylor „Early History of Mankind“ 1886 г.), а также три интересныя главы о развитіи религіи въ книгѣ Луббока „Возникновеніе цивилизаціи“ (Lubbock „Origin of civilisation“ 1870 г.). Точно такъ же образцомъ Гербертъ Спенсеръ объясняетъ въ своей остроумной статьѣ, помѣщенной въ журналѣ Fortnightly Review (1 мая 1870 г.) первобытныя формы религіозной вѣры въ то, что подвліяніемъ сновидѣній, неясныхъ образовъ и т. п. человѣкъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на двойное существо, а именно: тѣлесное и духовное. Предполагая, что послѣ смерти духовное существо продолжаетъ жить и что оно очень могущественно, человѣкъ старается расположить его къ себѣ при помощи различныхъ подарковъ и церемоній и проситъ у него помощи. Дальше Спенсеръ указываетъ на то, что данныя самымъ первоначальнымъ предкамъ или основателямъ рода имена или клички (а эти имена давались по какому-нибудь животному или предмету) разсматривались, на простетствіи болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени, какъ обозначенія дѣйствительнаго первоначальнаго предка рода; и тогда люди думали, что эти животныя или предметы еще и теперь существуютъ въ качествѣ духовъ; ихъ считаютъ святыми, передъ ними преклоняются, какъ передъ богами. Но я предполагаю, что существовало еще болѣе раннее и болѣе грубое состояніе, когда все, обнаруживавшее силу или движеніе, разсматривалось какъ нѣчто одаренное жизнью и духовными способностями, аналогичными нашимъ собственнымъ способностямъ.

ли Вы въ то, что если ласточка проглотила мошку, то богъ имѣлъ въ виду, чтобы эта именно ласточка проглотила эту именно мошку въ этотъ специальный моментъ? Мнѣ кажется, что человѣкъ и мошка находились въ одинаковомъ положеніи. Если ни смерть человѣка, ни смерть мошки не представляли собою результата преднамѣренности, то я не вижу никакихъ достаточно сильныхъ основаній для допущенія того, что ихъ рожденіе или происхожденіе должны были непременно быть предопредѣлены. П. (Грѣю) I.

Я надѣюсь, что Вы не сочтете за навязчивость съ моей стороны, если я Васъ отъ души поблагодарю за удовольствіе, доставленное мнѣ чтеніемъ вашего прекраснаго труда «Вѣра Науки». Я не дочиталъ его еще до конца, такъ какъ теперь на старости лѣтъ я читаю очень медленно. Уже давно ни одна книга не заинтересовывала меня такъ сильно, какъ ваша. Вашъ трудъ потребовалъ, должно быть, нѣсколькихъ лѣтъ упорной работы при возможности свободно отдаваться ей. Вы, по всей вѣроятности, и не ожидали, чтобы кто-нибудь былъ цѣликомъ согласенъ съ вашими мнѣніями, высказываемыми по поводу такого множества запутанныхъ вопросовъ, хотя въ вашей книгѣ имѣется нѣсколько пунктовъ, подъ которыми я не могъ подписаться. Главнымъ образомъ, я не могу согласиться съ вашимъ утвержденіемъ, что въ существованіи такъ называемыхъ законовъ природы кроется наличность цѣли. Это для меня непонятно. Я не стану говорить о томъ, что, по мнѣнію многихъ людей, различные великіе законы будутъ въ одинъ прекрасный день объяснены, какъ неизбѣжные результаты одного единственнаго великаго закона. Но если мы даже возьмемъ законы въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ мы ихъ въ настоящее время знаемъ, и если мы станемъ созерцать луну, для которой имѣетъ силу законъ тяготѣнія и, безъ сомнѣнія, законъ сохраненія энергіи, законъ атомистической теоріи и т. д., то тутъ я не вижу, чтобы со всѣмъ этимъ по необходимости была связана какая-нибудь цѣль. Была ли бы на лицо какая-нибудь цѣль, если бы на лунѣ существовали только низшіе организмы, у которыхъ нѣтъ сознанія? Но я не опытенъ въ абстрактномъ (отвлеченномъ) мышленіи, и я могу въ своихъ мысляхъ идти по совершенно ложному пути. Во всякомъ случаѣ, Вы выразили мое внутреннее убѣжденіе и при томъ въ значительно болѣе живой и ясной формѣ, чѣмъ я это могъ бы сдѣлать, убѣжденіе въ томъ, что вселенная не представляетъ собою результата случайности. Но тутъ въ моей головѣ возникаетъ постоянно ужасное сомнѣніе, можно ли приписывать какую-либо цѣльность или вообще полагаться на убѣжденія, возникающія въ умѣ человѣка, развившемся изъ ума низшихъ животныхъ? Сталъ ли бы кто-нибудь полагаться на убѣжденія, возникающія въ умѣ обезьяны, если бы въ ней имѣлись налицо убѣжденія? Кромѣ того, я думаю, что можно кое-что возразить противъ того громаднаго значенія, которое вы приписываете нашимъ великимъ людямъ. Я привыкъ приписывать большее значеніе (по крайней мѣрѣ постольку, поскольку дѣло идетъ о наукѣ) ученымъ второй, третьей и четвертой величины. Наконецъ, я могъ бы выступить съ самой энергичной защитой того факта, что естественный отборъ сдѣлалъ и дѣлаетъ для цивилизаціи больше, чѣмъ вы склонны допустить. Вспомните о томъ, какъ велика была для европейскихъ народовъ много столѣтій тому назадъ опасность быть поработанными турками, и какъ смѣшна въ настоящее время подобная идея! Такъ называемыя кавказскія цивилизованныя расы преодолѣли турокъ въ борьбѣ за существованіе. Если Вы заглянете въ болѣе или менѣе близкую будущность, то Вы увидите, какое безчисленное множество низшихъ расъ будетъ уничтожено на землѣ высшими, цивилизованными расами. Но я не стану

больше писать, не стану даже упоминать всѣхъ тѣхъ пунктовъ, которые меня очень заинтересовали. Какъ бы тамъ ни было, я долженъ, во всякомъ случаѣ, просить у Васъ извиненія за то, что обратился къ вамъ съ изложеніемъ выясненныхъ мною впечатлѣній. Меня извиняетъ мое вызванное Вашей книгой умственное возбужденіе. П. (Грѣюму) I.

Вашъ вопросъ о томъ, что могло бы меня убѣдить въ существованіи цѣли, очень шекотливъ. Если бы я видѣлъ, какъ на землю спускается ангелъ, чтобы научить насъ добру, и если бы его видѣли также и другіе люди, такъ что я былъ бы убѣжденъ въ томъ, что я не сошелъ съ ума, — то тогда я бы вѣрилъ въ преднамѣренность. Если бы я могъ быть вполне увѣренъ въ томъ, что жизнь и духъ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ образомъ являются функцией другихъ невѣсомыхъ силъ, то я былъ бы убѣжденъ. Если бы человѣкъ былъ сдѣланъ изъ латуни или желѣза и не находился бы ни въ какой связи съ какимъ-либо другимъ организмомъ, жившимъ когда-либо, то я, пожалуй, былъ бы убѣжденъ. Но все это дѣтскія бредни. П. (Ляйэллю) II.

Что касается вопроса о преднамѣренности, то я скорѣе склоненъ вывѣсить бѣлый флагъ, чѣмъ пускать заряды изъ своихъ дальнобойныхъ орудій. Я хочу попытаться предложить Вамъ одинъ нескромный вопросъ: но если Вы мнѣ отвѣтите этимъ же, то, какъ мнѣ кажется, такой путь аргументаціи будетъ неправильнымъ. Если ужъ что-нибудь представляетъ собою результатъ предопредѣленія или преднамѣренности, такъ это безусловно человѣкъ. Это говоритъ намъ наше «внутреннее сознаніе» (являющееся, правда, плохимъ руководителемъ). И все-таки я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы рудиментарныя груди мужчины были предопредѣлены. Если бы я сказалъ, что я вѣрю въ это, то эта вѣра моя была бы такъ же невѣроятна, какъ и вѣра ортодоксальнаго христіанина въ единство трехъ лицъ. Вы говорите, что Вы ходите въ туманѣ. Я же погрязъ въ болотѣ. Ортодоксальный христіанинъ сказалъ бы, что я погрязъ въ ужасномъ зловонномъ болотѣ, и все же я не могу распутать вопроса. Милый Грай, я написалъ какую-то безмыслицу...

Вчера я внимательно прочиталъ третью статью, и она, какъ и прежде, кажется мнѣ восхитительной. Но, къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что я не могу пойти такъ же далеко, какъ Вы въ вопросѣ о «преднамѣренности». Я сознаю, что совершенно застрялъ въ болотѣ безъ всякой надежды выбраться изъ него. Я не могу допустить, чтобы міръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ представляется, былъ результатомъ случайности, и тѣмъ не менѣе я не могу смотрѣть на каждую отдѣльную вещь, какъ на результатъ преднамѣренности. Изъ вашихъ словъ я долженъ заключить, что, по вашему мнѣнію, «измѣненіе совершается въ извѣстныхъ благотворныхъ направленіяхъ подъ извѣстнымъ руководствомъ». Я не могу это допустить, и мнѣ кажется, что разъ Вы думаете такъ, то Вы должны также думать, что хвостъ трубаастаго голубя долженъ быть измѣненъ въ отношеніи числа и направленія своихъ перьевъ для того, чтобы удовлетворить капризу человѣка. И тѣмъ не менѣе, если бы трубаастый голубь былъ дикой птицей и пользовался своимъ ненормальнымъ хвостомъ для какой-нибудь специальной цѣли (напримѣръ, какъ парусомъ), то каждый человѣкъ сказалъ бы: «что за дивное и преднамѣренное приспособленіе!» Еще разъ повторю, я навѣки застрялъ въ болотѣ безъ надежды выбраться изъ него... П. (Грѣю) II.

Что касается богословскаго взгляда на данный вопросъ, то онъ всегда доставляетъ мнѣ непріятности. Я совершенно ошеломленъ. Я абсолютно не имѣю въ виду писать въ атеистическомъ духѣ. Но я сознаюсь, что не могу повсюду видѣть доказательства предназначенности и благотворности съ такою ясностью, съ какою это видятъ другіе, и съ какою я бы самъ хотѣлъ это видѣть. Мнѣ кажется, что въ мірѣ существуетъ слишкомъ много горя. Я не могу убѣдить себя въ томъ, что всеблагій и всемогущій Богъ сталъ бы преднамѣренно создавать ихнеймонидъ съ назначеніемъ, чтобы онъ росъ внутри тѣла живыхъ гусеницъ; я не могу допустить, чтобы такой Богъ предназначилъ кошкѣ играть съ мышами прежде, чѣмъ убивать ихъ. Не будучи въ состояніи допустить этого, я не считаю также необходимымъ вѣрить въ то, что строеніе нашего глаза является ясно выраженнымъ результатомъ предназначенности. Но, съ другой стороны, я не могу чувствовать себя внутренне удовлетвореннымъ мыслью о томъ, что вся наша дивная вселенная и, особенно, человѣческая природа являются результатомъ грубой силы. Я склоненъ разсматривать все, какъ результатъ предопредѣленныхъ законовъ, при чемъ частныя, детальныя явленія, будь они хороши или плохи, представляютъ собою продуктъ того, что мы называемъ случайностью.

Изъ этого не слѣдуетъ, что это понятіе меня цѣлкомъ удовлетворяетъ. Я прекрасно чувствую, что этотъ предметъ слишкомъ глубокъ для человѣческаго ума. Съ такимъ же успѣхомъ собака могла бы судить о духѣ Ньютона. Дайте каждому человѣку надѣяться и вѣрить въ то, во что онъ можетъ вѣрить. Я совершенно согласенъ съ Вами въ томъ, что мои воззрѣнія не являются непременно атеистическими. Независимо отъ того, добръ ли или плохъ данный человѣкъ, молнія убиваетъ его вслѣдствіе крайне сложной дѣятельности законовъ природы. Еще болѣе сложные законы опредѣляютъ рожденіе ребенка (который впоследствии можетъ оказаться идиотомъ), и я не вижу, почему какой-нибудь человѣкъ или какое-нибудь другое животное не могъ бы быть первоначально созданъ по другимъ законамъ. Я не вижу, почему всѣ эти законы могли бы быть заранее предопредѣлены всевидящимъ творцомъ, предвидящимъ каждое будущее событіе и его послѣдствія. Но чѣмъ больше я надъ этимъ задумываюсь, тѣмъ больше я запутываюсь, какъ я это, по всей вѣроятности, достаточно доказалъ настоящимъ письмомъ... П. (Грѣю) II.

Я много раздумывалъ надъ вашими словами о необходимости допущенія постояннаго внимательства творческой силы. Я не вижу въ этомъ никакой необходимости, и допущеніе такого внимательства должно слѣдовать, по моему мнѣнію, всю теорію естественнаго подбора безцѣльной. Если вы признаете существованіе простаго первобытнаго существа, какъ *Protopterus* или *Lepidosiren*, съ пятью чувствами и зачатками духа, то тогда я думаю, что естественный подборъ можетъ объяснить существованіе всѣхъ позвоночныхъ животныхъ... П. (Ляйэллю) II.

Я долженъ еще кое-что сказать по поводу нашего квази-богословскаго спора объ естественномъ отборѣ. Выскажите мнѣ свое мнѣніе, когда мы встрѣтимся въ Лондонѣ. Придерживаетесь ли Вы того взгляда, что постепенно возникающія измѣненія въ величинѣ зоба дутыша, накопленныя человѣкомъ для удовлетворенія каприза, являются результатомъ «творческой и сохраняющей силы Брамъ?» Если мы полагаемъ, что всемогущее и всевѣдущее божество должно было все устроить и все знать, то тогда на этотъ вопросъ надо отвѣтить утвердительно. И все же я долженъ сознаться, что не могу отвѣтить на него утвердительно. Мнѣ кажется без-

смысленнымъ, что творецъ вселенной долженъ былъ позаботиться о зобѣ голубя просто для удовлетворенія глупаго каприза человѣка. Если же вы согласны со мною въ томъ, что въ данномъ случаѣ не надо считать необходимымъ внимательство божества, то тогда я не вижу никакихъ основаній для вѣры во внимательство божества въ жизнь существъ, для блага которыхъ выбраны естественнымъ путемъ какія-нибудь важныя и поразительныя способности. Представьте себѣ дикаго дутыша, который входитъ въ воду и, благодаря раздутому зобу, въ состояніи удержаться на водѣ во время поисковъ пищи. Сколько удивленія вызвало бы это явленіе. Тутъ мы имѣли бы дѣло съ приспособленіемъ къ закону гидростатическаго давленія и т. д., и т. д. Я лично не вижу никакихъ трудностей и противорѣчій въ мысли о томъ, что естественный отборъ производитъ самыя изысканныя преобразованія, если только эти преобразованія возникаютъ путемъ постепенныхъ переходовъ. А изъ опыта я знаю, какъ трудно указать на какое-либо усовершенствованіе, для котораго не было бы извѣстно, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ переходныхъ ступеней.

Какъ я уже говорилъ А. Грѣю, я пришелъ къ тому выводу, что вопросы вродѣ того, который я упоминаю въ настоящемъ письмѣ, выходятъ за предѣлы человѣческаго разума, подобно вопросамъ о «предопредѣленіи» и «свободной волѣ» или о «происхожденіи зла». П. (Ляйэллю) II.

Пройдетъ еще нѣкоторое время, пока мы увидимъ, что «слизь, протоплазма и т. д.»... создаютъ новое животное. Но я уже давно жаль о томъ, что уступилъ публикѣ и пустилъ въ ходъ выраженіе «сотвореніе» въ той формѣ, въ какой его употребляетъ пятикнижіе. Я подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвалъ только «появленіе» жизни въ результатѣ совершенно неизвѣстнаго намъ процесса. Въ настоящее время думать о происхожденіи жизни такъ же бессмысленно, какъ думать о происхожденіи материнъ. П. (Гукеру) III.

О продолжающемся сотвореніи монады.—По теоріи естественнаго отбора, не содержащей необходимой склонности къ прогрессу, такое допущеніе излишне (и безпочвенно). Если какое-нибудь отклоненіе въ строеніи не представляетъ для монады при ея крайне простыхъ жизненныхъ условіяхъ какой-либо выгоды, то можно предположить, что она осталась неизмѣнной, начиная съ эпохи, значительно предшествовавшей силурійскому періоду и кончая настоящимъ днемъ. Я признаю, что въ общемъ у всѣхъ существъ имѣется на лицо склонность къ усовершенствованію ихъ организаціи хотя у существъ, приспособленныхъ къ очень простымъ жизненнымъ условіямъ, эта склонность должна быть незначительна и будетъ проявляться крайне медленно. Въ какомъ отношеніи могла бы быть выгодной для монады сложная организація? Если бы она не была ей выгодна, то мы не имѣли бы дѣла съ прогрессомъ. Основная форма монады могла бы прекрасно оставаться жить неизмѣнной и приспособленной къ своимъ простымъ условіямъ, между тѣмъ какъ потомки этой простой монады могли приспособиться къ болѣе сложнымъ условіямъ. Первобытный основной типъ всѣхъ живущихъ и вымершихъ существъ могъ бы и теперь еще жить! Это вполне возможно! Кромѣ того, высшія формы, какъ вы говорите, могутъ иногда уйти назадъ въ своемъ развитіи. Змѣя *Turhloris* изъ подотряда червеобразныхъ змѣй, какъ кажется (?), обнаруживаетъ жизненныя привычки дождевыхъ червей. Такимъ образомъ, новыя созданія простыхъ формъ кажутся мнѣ совершенно излишними.

«Не должны ли Вы допустить существованіе первоначальной творческой силы, дѣйствующей неравномѣрно?»

Какимъ же образомъ въ противномъ случаѣ человѣкъ могъ бы вмѣшиваться? Я не твердо увѣренъ въ томъ, что правильно понялъ Ваши замѣчания, слѣдующія за этою фразою. При современномъ состояніи нашихъ знаній мы должны допустить сотвореніе одной или нѣсколькихъ немногихъ формъ, точно такъ же, какъ физики допускаютъ существованіе силы притяженія безъ всякаго объясненія ея. Но я совершенно отвергаю всякое дальнѣйшее прибавленіе «новыхъ способностей, атрибутовъ и силъ», или прибавленіе какого-либо «принципа усовершенствованія». По моему мнѣнію, такое прибавленіе совершенно излишне. Исключеніе имѣется тутъ налицо постольку, поскольку каждое отобранное или сохранившееся своеобразие должно какимъ-нибудь образомъ представлять выгоду или усовершенствованіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно не было бы подобрано. Если бы я былъ убѣжденъ въ томъ, что теорія естественнаго отбора нуждается въ вышеуказанныхъ прибавленіяхъ, то я бы ее отвергъ, какъ непригодный хламъ. Я же твердо вѣрю въ нее, такъ какъ не могу допустить, что бы она, будучи неправильной, могла бы объяснить такъ много фактовъ, какъ она это дѣлаетъ. П. (Лайэллю) II.

Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ духовныя силы развиваются въ опредѣленной постепенности, подумайте хоть разъ о томъ, что до сихъ поръ всѣ нашли совершенно невозможнымъ опредѣлить духовное различіе между человѣкомъ и стоящими ниже его животными. Животныя, какъ кажется, обладаютъ тѣми же самыми атрибутами, что и стоящіе на низшей ступени развитія дикари, съ тою разницею, что у послѣднихъ они находятся въ куда болѣе совершенномъ состояніи. Теорія естественнаго отбора не имѣла бы въ моихъ глазахъ никакой цѣны, если бы она требовала чудесныхъ прибавленій на какой-нибудь ступени развитія... П. (Лайэллю) II.

Мы много смѣялись недавно, такъ какъ Джорджъ пригласилъ медіума, который заставлялъ скакать стулья, флейту, колокольчикъ и подсвѣчникъ, а также разныя огненные точки въ столовой брата. При видѣ этого мы всѣ пришли въ страшное удивленіе, и у насъ даже захватило духъ. Въ комнатѣ было темно, но Джорджъ и Генселэй Веджвудъ держали все время медіума за руки и слѣдили также за его ногами. Я былъ такъ утомленъ, что ушелъ прежде, чѣмъ кончились всѣ эти удивительныя фокусы. Я совершенно не могу понять, какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Я потомъ спустился внизъ и осмотрѣлъ стулья, флейту и другіе предметы, подымавшіеся во время сеанса на воздухъ.

Дасмилостивится надъ нами Господь, если намъ придется вѣрять во всѣ эти вещи. На сеансѣ присутствовалъ Ф. Гальтонъ, говорившій, что сеансъ былъ удаченъ. П. III.

Поразительно, какъ позитивисты ненавидятъ всѣхъ людей науки. Какъ мнѣ кажется, они начинаютъ смутно сознавать, какіе смѣшныя и крупныя промахи сдѣлалъ ихъ пророкъ при предсказываніи развитія науки. П. (Спенсеру) III.

Положа руку на сердце, могу вамъ сказать, что я чувствую себя польщеннымъ вашимъ предложеніемъ дать статьи для вашего «Index» (Указателя). Я подписываюсь также цѣликомъ подъ вашимъ мнѣніемъ, что каждый человѣкъ обязанъ предавать широкой гласности то, что по его мнѣнію является истиной, и я долженъ выразить вамъ свое глубокое уваженіе за то, что вы это дѣлаете съ такимъ самозавѣніемъ и усердіемъ. Но я не

могу исполнить вашего желанія по цѣлому ряду причинъ. Извините меня, пожалуйста, за то, что я привожу ниже всѣ эти причины, такъ какъ мнѣ было бы очень непріятно показаться въ вашихъ глазахъ неблагодарнымъ. Здоровье мое сильно расшатано: не проходитъ дня, чтобы я въ теченіе многихъ часовъ не чувствовалъ себя настолько скверно, что не могу ничего дѣлать. Благодаря этому, я въ настоящемъ году (1871, прим. Бруно Вилле) потерялъ цѣлыхъ два мѣсяца подъ рядъ. Вслѣдствіе этой слабости и частыхъ головокруженій я не въ состояніи осилить новые предметы, требующіе значительнаго умственнаго напряженія, и могу работать только надъ старыми вещами. Я никогда не былъ человѣкомъ, умѣвшимъ мыслить или писать быстро. Все, сдѣланное мною для науки, является результатомъ долгаго размышленія, терпѣнія и усердія.

Я никогда, вообще, не думалъ много и систематически объ отношеніи религіи къ наукѣ или объ отношеніи нравственности къ обществу *), и, если я въ теченіе продолжительнаго времени не буду направлять свои мысли на эти предметы, то я, дѣйствительно, не буду въ состояніи написать что-либо такое, что обладало бы цѣнностью для «Index».

П. (Эбботу) I.

Что касается моихъ собственныхъ воззрѣній, то это—вопросъ, не имѣющій ни для кого кромѣ меня какого-либо значенія: но такъ какъ вы меня объ этомъ спрашиваете, то я долженъ вамъ сказать, что я часто колеблюсь въ своемъ мнѣніи... Въ самые крайніе моменты колебанія я никогда не былъ атеистомъ въ томъ смыслѣ, чтобы отрицать существованіе Бога **). Въ общемъ, хотя и не всегда, мнѣ кажется (и чѣмъ старше становлюсь, тѣмъ чаще мнѣ это кажется), что слово агностикъ ***) правильно всего выражало бы мое душевное состояніе.

П. (Фордайсу) I.

*) Въ этомъ отношеніи важны слѣдующія слова, написанныя сыномъ Дарвина одному иѣмечному студенту (въ 1879 г.) по порученію самого Дарвина: «Мой отецъ... придерживается того мнѣнія, что эволюціонная теорія совместима съ вѣрою въ Бога, но Вы не должны забывать, что различныя люди даютъ различныя опредѣленія того, что они подразумѣваютъ подъ Богомъ... П. I. Это письмо написано тому самому студенту, которому Дарвинъ написалъ приведенное выше письмо.

**) Тѣмъ не менѣе Дарвинъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что онъ въ 1836—1839 гг. много думалъ надъ религіозными вопросами.

Прим. Бруно Вилле.
***). Агностики думаютъ, что мы, люди, не можемъ ничего знать о вѣншихъ религіозныхъ догматахъ и не можемъ дать никакихъ отвѣтовъ на «метафизическіе» вопросы. Въ существованіи какого-либо бога въ томъ видѣ, какъ это учитъ церковь, агностики совершенно не могутъ быть убѣждены, и поскольку дѣло идетъ объ этомъ, постольку они атеисты. Но они никоимъ образомъ не отрицаютъ въ принципѣ какой-либо идеи «Бога», идеи, которая въ качествѣ предположенія, гипотезы, можетъ выдержать критику разума, и съ этой стороны агностики не являются агрессивными (нападающими) «атеистами». Въ П. I сынъ Дарвина Фрэнсесъ Дарвинъ проводитъ демаркаціонную линію слѣдующими словами: «Докторъ Эвелингъ вынулъ въ свѣтъ изложеніе одного своего разговора съ моимъ отцомъ. (Эвелингъ: «Религіозныя взгляды Чарльза Дарвина. „Aveling: The religious views of Charles Darwin“, Free Thought Publishing Company 1883 г.). Читатели этой брошюры могутъ подумать, что между взглядами моего отца и доктора Эвелинга имѣется болѣе сходства, а между тѣмъ это не такъ. Я утверждаю это, несмотря на свое убѣжденіе въ томъ, что докторъ Эвелингъ перелалъ вполнѣ правильно высказанное имъ впечатлѣніе о воззрѣніяхъ моего отца. Докторъ Эвелингъ пытался показать, что выраженіе „агностикъ“ и „атеистъ“ въ дѣйствительности совпадаютъ. По его мнѣнію, атеистомъ является такой человѣкъ, который, не отрицая существованія Бога, живетъ безъ Бога постольку, поскольку онъ не увѣренъ въ существованіи Божества. Въ своемъ разговорѣ мой отецъ высказался въ томъ смыслѣ, что онъ предпочитаетъ неагрессивную позицію агностика. Докторъ Эвелингъ находитъ, что отсутствіе агрессивныхъ тенденцій въ воззрѣніяхъ моего отца дѣлаетъ ихъ отличными отъ его собственныхъ воззрѣній лишь въ незначительной степени, а по моему мнѣнію, различіе этого рода безусловно проводитъ рѣзкую грань между моимъ отцомъ и тѣмъ классомъ мыслителей, къ которому принадлежитъ докторъ Эвелингъ».

Прим. Бруно Вилле.

Что я писалъ вамъ въ своихъ прежнихъ письмахъ, я совершенно не помню. Мнѣ приходится писать очень много писемъ, и только надъ немногими изъ нихъ мнѣ удается потомъ серьезно подумать; но я твердо убѣжденъ въ томъ, что я никогда не написалъ ни одного слова, котораго бы я въ моментъ писанія письма дѣйствительно не обдумалъ. Я думаю, что вы согласитесь со мной въ томъ, что все, предлагаемое публикѣ, должно быть зрѣло обдумано и изложено въ очень осторожной формѣ. Мнѣ никогда не приходила въ голову мысль, что вы пожелаете напечатать выдержки изъ моихъ писемъ. Если бы я представлялъ себѣ это, то я сохранилъ бы себѣ копию писемъ. Я обыкновенно отмѣчаю письмо выраженіемъ «*privatum*» (частнымъ образомъ), такъ какъ нѣкоторые мои спѣшно набросанныя замѣчанія были напечатаны; а между тѣмъ они совершенно не стоили этого, хотя, въ общемъ, ничего на нихъ возразить нельзя. Просто смѣшно думать, что мое прежнее письмо къ вамъ достойно того, чтобы вы его вернули мнѣ съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя вы хотите опубликовать. Если же вы хотите это сдѣлать, то я долженъ вамъ сказать, что противъ этого я могу кое-что возразить. Я въ значительной степени не расположенъ высказываться публично на религіозныя темы, такъ какъ мнѣ кажется, что я недостаточно основательно думалъ надъ этимъ вопросомъ, чтобы выступить со своимъ мнѣніемъ передъ обществомъ...

II. (Эбботу) I.

Вы меня, навѣрное, простите что я Вамъ такъ долгие писалъ, если узнаете, что я долгое время былъ очень нездоровъ и теперь уѣхалъ изъ дому, чтобы прожить нѣкоторое время въ полномъ покоѣ.

Отвѣтить коротко на вашъ вопросъ нельзя, и я не знаю, сумѣю-ли я отвѣтить на него, если я буду даже очень пространенъ. Я хочу только сказать, что тотъ фактъ, что нельзя себѣ представить возникновенія этой красивой и дивной вселенной съ населяющими ее сознательными существами, какъ результатъ простой случайности,—этотъ фактъ является для меня главнымъ доказательствомъ въ пользу допущенія существованія Бога; но я никогда не былъ въ состояніи рѣшить вопросъ, является-ли это дѣйствительно цѣннымъ доказательствомъ. Я знаю прекрасно, что если мы допустимъ существованіе первопричины, то нашъ духъ на этомъ не успокоится, а начнетъ задумываться надъ тѣмъ, откуда эта причина взялась и какъ она возникла. При этомъ я не могу также не обращать вниманія на наличность безмѣрнаго количества страданія во всемъ мірѣ. Я вынужденъ также преклониться, до известной степени, передъ сужденіемъ цѣлаго ряда выдающихся людей, вѣрившихъ въ Бога, но при этомъ я прекрасно понимаю, какое это слабое доказательство. Какъ мнѣ кажется, единственнымъ вѣрнымъ заключеніемъ, къ которому мы можемъ прийти, является то, что вся эта тема лежитъ внѣ предѣловъ человѣческой способности пониманія. Но человѣкъ можетъ исполнять свой долгъ...

II. (Голландскому студенту) I.

Что касается меня самого, то, какъ мнѣ кажется, я дѣйствовалъ вполне правильно, занявшись наукой и посвятивъ ей свою жизнь. Моя совѣсть не упрекаетъ меня ни въ одномъ крупномъ прегрѣшеніи, но я очень часто

жалѣлъ о томъ, что не могъ принести большаго непосредственного добра своимъ ближнимъ...

II. (Автобіографія) III.

И совсѣмъ не боюсь умирать...

(На смертномъ одрѣ, апрѣль 1882 г.). II. II.

Нѣкоторые изъ моихъ критиковъ говорили: «да, онъ хорошій наблюдатель, но онъ не умѣетъ дѣлать выводы». Я думаю, что это неправильно, такъ какъ мое «Происхожденіе видовъ» является отъ начала до конца лишь пространнымъ доказательствомъ, и оно убѣдило не мало дѣльныхъ людей. Его бы не могъ написать человѣкъ, не обладающій хотя бы незначительной способностью дѣлать логическія умозаключенія. Я обладаю порядочной дозой дара изобрѣтательности и здраваго разсудка. У меня всего этого столько же, сколько у всякаго хорошаго адвоката или врача, но не больше, какъ мнѣ кажется.

Что касается моего дара наблюдательности, то, какъ мнѣ кажется, я превосхожу обычнаго человѣка тѣмъ, что замѣчаю и тщательно наблюдаю такія вещи, которыя легко ускользаютъ отъ вниманія другихъ. Я всегда крайне усердно наблюдалъ и собиралъ факты. Но что куда болѣе важно, такъ это моя постоянная и горячая любовь къ естествознанію.

Однако, эту любовь значительно усиливало честолюбіе, желаніе пользоваться уваженіемъ со стороны другихъ представителей естествознанія. Съ ранняго дѣтства я постоянно испытывалъ сильнѣйшее желаніе понимать или объяснить все, чего бы мнѣ ни приходилось наблюдать; т. е. я всегда старался подвести наблюдаемые факты подъ какіе-нибудь общіе законы. Въѣсть взятыя, эти качества надѣлили меня терпѣніемъ, способностью долго задумываться надъ какой-нибудь необъясненной проблемой.

Насколько я могу судить объ этомъ, я не подчиняюсь легко и слѣпо авторитету другихъ людей. Я всегда стремился сохранить свободу своего духа, чтобы быть въ состояніи отказаться отъ каждой гипотезы, какъ бы она мнѣ ни нравилась, лишь только я смогу себѣ доказать, что факты противорѣчатъ ей. (При этомъ я долженъ сознаться, что у меня всегда имѣется внутреннее стремленіе создавать себѣ гипотезы обо всѣхъ предметахъ). Во всякомъ случаѣ, мнѣ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ отказываться отъ гипотезъ, такъ какъ, за исключеніемъ гипотезы о коралловыхъ рифахъ, я не могу припомнить ни одной вначалѣ установленной гипотезы, которая не должна была черезъ нѣкоторое время быть отвергнута или значительно измѣнена. Вполнѣ естественно, что это обстоятельство заставляло меня относиться съ большимъ недоверіемъ къ дедуктивному методу мышленія въ наукахъ, носящихъ смѣшанный характеръ. Съ другой стороны, у меня не очень сильно развитъ скептицизмъ, а отсутствіе скептицизма, какъ мнѣ кажется, вредно для развитія науки. Человѣку науки порядочная доза скептицизма очень полезна, такъ какъ благодаря этому онъ часто избѣгаетъ ненужной потери времени; я встрѣчалъ не мало людей, которые, какъ мнѣ кажется, не производили вслѣдствіе отсутствія скептицизма такихъ опытовъ или наблюденій, которыя могли бы непосредственно или косвенно принести пользу наукъ.

Для иллюстраціи я могу привести наиболѣе интересный изъ известныхъ мнѣ случаевъ. Одинъ господинъ (который, какъ я послѣ узналъ, является хорошимъ ботаникомъ) написалъ мнѣ изъ одного изъ восточныхъ графствъ, что сѣмена обыкновеннаго боба выросли въ данномъ году на необыч-

ной сторонѣ стручка. Я попросилъ у него дальнѣйшихъ объясненій, такъ какъ я не понималъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но долго я не получалъ отъ него никакого отвѣта. Затѣмъ я нашелъ въ двухъ газетахъ, изъ которыхъ одна издается въ Кентѣ, а другая—въ Йоркширѣ, сообщеніе о томъ поразительномъ фактѣ, что «въ настоящемъ году всѣ сѣмена бобовъ выросли на необычной сторонѣ». Я рѣшилъ, что это сообщеніе, идущее изъ разныхъ источниковъ, должно же имѣть подъ собою какую-нибудь почву. Поэтому я отправился къ своему садовнику, старику, уроженцу Кента и разспросилъ его объ этомъ фактѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ: «О нѣтъ, сударь; это должно быть ошибкою, такъ какъ бобы растутъ на необычной сторонѣ лишь въ высокосные годы, а теперь вѣдь у насъ не высокосный годъ». Тогда я его спросилъ, какъ растутъ бобы обыкновенно и какъ они растутъ въ высокосные годы. Векорѣ я могъ убѣдиться въ томъ, что онъ понятія не имѣетъ, какъ растутъ бобы, а онъ, между тѣмъ, твердо оттаивалъ свое мнѣніе.

Спустя нѣкоторое время я получилъ свѣдѣнія отъ моего перваго корреспондента. Онъ сообщилъ мнѣ, что онъ не сталъ бы мнѣ дѣлать вышеприведеннаго сообщенія, если бы онъ не получилъ его отъ цѣлаго ряда интеллигентныхъ фермеровъ, но что потомъ онъ поговорилъ съ каждымъ изъ нихъ, и никто изъ нихъ не зналъ, что они хотѣли этимъ сказать. Итакъ, въ данномъ случаѣ по всей Англіи распространилось мнѣніе, въ основѣ котораго не лежало слѣда фактическаго доказательства. Я говорю тутъ о мнѣніи постольку, поскольку мнѣніемъ можно назвать сообщеніе, съ которымъ не связана какая-либо опредѣленная идея.

За всю мою жизнь мнѣ пришлось встрѣтиться только съ тремя преднамѣренно ложными свѣдѣніями; на одно изъ нихъ надо смотрѣть, какъ на простую злую шутку; между тѣмъ она была помѣщена на страницахъ одного американскаго сельскохозяйственнаго журнала...

II. (Автобіографія) I.

Въ своихъ привычкахъ я очень методиченъ, и это обстоятельство принесло мнѣ немалую пользу, если принять во вниманіе особый характеръ моей дѣятельности. Кромѣ того, у меня было достаточно свободнаго времени еще потому, что я не былъ вынужденъ зарабатывать себѣ на существованіе. Даже моя болѣзнь, отнявшая у меня нѣсколько лѣтъ, избавила меня отъ общественныхъ развлеченій и удовольствій.

Такимъ образомъ, насколько я въ состояніи судить объ этомъ, мой успѣхъ въ области науки, независимо отъ его размѣровъ, объясняется сложными и разнообразными духовными особенностями и состояніями. Изъ нихъ самыми важными были: любовь къ наукѣ, безграничная способность терпѣливо раздумывать долгое время надъ какимъ-нибудь предметомъ, усердіе въ наблюденіи и собираніи фактовъ и значительная доза дара изобрѣтательности, а также здраваго человѣческаго разсудка. Если принять во вниманіе, что я обладаю очень умѣренными способностями, то нельзя не поразиться тѣмъ, что по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ я оказалъ значительное влияние на взгляды ученыхъ. II. (Автобіографія) I.

Когда я находилъ, что я ошибся или что моя работа оказалась не совершенной, когда меня подвергали ѣдкой критикѣ и даже когда меня хвалили выше всякой мѣры, такъ что я чувствовалъ себя пристыженнымъ,—то я утѣшалъ себя слѣдующей мыслью: «Я работалъ такъ напряженно и такъ хорошо, какъ могъ, и никакой человѣкъ не можетъ сдѣлать больше этого». Когда я былъ на Огненной Землѣ, то, какъ я припоминаю, я подумалъ про себя, что я лучше всего устрою

свою жизнь, если внесу свою лепту въ дѣло развитія естествознанія (въ этомъ духѣ я, кажется, писалъ тогда домой). Это я и сдѣлалъ по мѣрѣ силъ своихъ, и что бы ни стали говорить мои критики, въ этомъ они меня не разубѣдятъ...

II. II.

2. Происхожденіе видовъ.

Постепенное измѣненіе видовъ. Проблема приспособленія. Естественный отборъ. Борьба за существованіе. Расхожденіе, способность приспособленія. Уоллесъ тоже является отцомъ дарвинизма—Какъ возникъ главный трудъ Дарвина, Значеніе отбора. Измѣненныя условія существованія. Естественный отборъ. Замедленіе размноженія подъ вліяніемъ вѣтвистыхъ препятствій. Гибнущія вѣтви на деревѣ жизни. Видъ и разновидность. Нельзя провести рѣзкихъ границъ между видами, подвидами, разновидностями. Какъ росло родословное дерево жизни. Проблема приспособленія и рѣзкаго выраженія особенностей. Борьба за существованіе въ хозяйствѣ природы. Что значить «борьба за существованіе». Размноженіе въ геометрической прогрессіи. Ограниченіе размноженія. Родственные очень часто жестоко конкурируютъ другъ съ другомъ. Выгодныя стороны конкуренціи. Половой подборъ. Полезныя измѣненія. Усовершенствованіе и недостатки въ природѣ. Благодаря развитію, различія выражаются болѣе рѣзко. Естественная система. Развитіе не дѣлаетъ скачковъ. Значеніе различій. Нѣкоторые новообразования дѣйствуютъ подобно новымъ изобрѣтеніямъ. Оплодотвореніе орхидей наѣдомами. Органы мѣняются въ духѣ развитія рода. Цѣлесообразныя органы проходятъ въ своемъ развитіи цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней. Единство типа и условія существованія. Сходство въ общей формѣ строенія вытекаетъ изъ одинаковаго родового развитія. Рудиментарныя органы. Богословскій и схоластическій предразсудокъ. Довѣріе къ будущему. Гипотеза специальныхъ творческихъ безповиновъ. Принципъ развитія объясняетъ виды. У животнаго и растенія одно и то же родословное дерево. Свѣтъ, бросаемаго геологій на данный вопросъ. Въ геологическихъ документахъ имѣются пробѣлы, но ихъ можно заполнить. Великое развивается подъ вліяніемъ простыхъ законовъ природы.

Дерево жизни слѣдовало бы, пожалуй, назвать коралловымъ рифомъ жизни. Основанія вѣтвей отмерли, такъ что переходы не видны... II. II.

До открытія закона тяготѣнія можно было бы сказать, что одинаково трудно объяснить на основаніи одного общаго закона и движеніе всѣхъ планетъ и движеніе каждой отдѣльной планеты. Точно такъ же можно было бы сказать, что допущеніе, что всѣ млекопитающія животныя происходятъ отъ одной родоначальной формы и что они распространялись доступными нашему пониманію путями, ничего не объясняетъ.

Астрономы могли бы прежде говорить, что Богъ заранѣе опредѣлилъ, чтобы каждая планета двигалась сообразно своему специальному назначенію. Точно такъ же можно было бы говорить, что Богъ опредѣлилъ, чтобы каждое животное было сотворено въ опредѣленныхъ формахъ, въ опредѣленныхъ странахъ. Но куда болѣе простая и возвышенная сила провозглашаетъ намъ: дайте взаимному притяженію звѣздъ дѣйствовать по опредѣленнымъ законамъ, и тогда неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то-то и то-то; дайте животнымъ быть созданными, а затѣмъ ужъ ихъ потомки станутъ таковыми-то и таковыми-то.

Если транспортныя средства будутъ таковы-то и таковы-то, тогда органическія формы одной страны будутъ относиться къ формамъ другой страны такъ-то и такъ-то. Если геологическія измѣненія происходятъ съ такой-то и такой-то скоростью, то число и распространеніе видовъ будетъ таково-то и таково-то!..

Когда вы видите грудной сосокъ на груди мужчины, то вы не говорите, что онъ приноситъ ему какую-нибудь пользу, а говорите, что полъ не былъ еще раньше опредѣленъ. Когда вы видите бесполезныя крылышки подъ надкрыльникомъ жука, то вы говорите, что данный жукъ родился отъ крылатыхъ жуковъ и претерпѣлъ опредѣленные измѣненія. Если бы мы имѣли тутъ дѣло только съ простымъ сотвореніемъ, то жуки рождались бы безъ этихъ крыльевъ...

II. II.

Начиная съ сентября 1854 года я цѣликомъ посвятилъ свои досуги приведенію въ порядокъ всей массы накопившихся у меня замѣтокъ, наблюденій и опытамъ по вопросу о превращеніи видовъ. Во время моего путешествія на корабль «Бигль» открытіе крупныхъ ископаемыхъ животныхъ, покрытыхъ, подобно современнымъ животнымъ — броненосцамъ, панциремъ, произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Кромѣ того, меня сильно поразили характеръ замѣненія однихъ животныхъ другими, находящимися въ близкомъ родствѣ съ ними, по мѣрѣ удаленія къ югу по матеріку, и, наконецъ, я не могъ не обратить вниманія на южно-американскій характеръ большей части продуктовъ природы на островахъ Галапагосскаго архипелага и особенно на тотъ фактъ, что эти продукты незначительно отличаются другъ отъ друга на каждомъ островѣ архипелага. Въ геологическомъ отношеніи острова эти казались не особенно старыми.

Было очевидно, что всѣ эти факты а также многіе другіе могутъ быть объяснены только допущеніемъ постепеннаго измѣненія видовъ, и эта мысль стала меня преслѣдовать. Не менѣе очевидно было то, что ни дѣйствіемъ окружающихъ условий, ни волей организмовъ (особенно постольку, поскольку дѣло шло о растеніяхъ) нельзя объяснить всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, когда организмы приспособлены къ своему образу жизни. Для примѣра я упомяну о дятлѣ или древесницѣ, приспособленныхъ для взлѣзанія на деревья; напомнимъ также о сѣмени, распространяющемся при помощи крючковъ или перьевъ. Подобныя приспособленія постоянно обращали на себя мое вниманіе, и до тѣхъ поръ, пока ихъ нельзя было объяснить, мнѣ казалось почти безсмысленной попытка установить, на основаніи косвенныхъ доказательствъ, что виды измѣнялись.

По моемъ возвращеніи въ Англію мнѣ пришла въ голову мысль, что, пожалуй, на всѣ эти явленія можно пролить нѣкоторый свѣтъ, если послѣдовать примѣру Лайялля и собрать всѣ факты, имѣющіе какое-либо отношеніе къ вопросу объ измѣненіи прирученныхъ и дикихъ животныхъ и растеній. Свою первую записную книжку я началъ вести въ іюль 1837 года. Я работалъ въ полномъ смыслѣ слова по принципамъ Бэкона и собиралъ безъ всякой предвзятой теоріи факты, особенно такіе факты, которые имѣли отношеніе къ продуктамъ природы, подвергающимся измѣненіямъ со стороны человѣка. Факты я добывалъ изъ бесѣдъ съ опытными скотоводами и садоводами а также изъ чтенія. Пробѣгая списокъ книгъ всякаго рода, которыя я читалъ и изъ которыхъ дѣлалъ выдержки, и среди которыхъ находится цѣлый рядъ журналовъ и отчетовъ, я не могу не поразиться своимъ прилежаніемъ. Вскорѣ я понялъ, что ключомъ успѣха человѣка въ дѣлѣ создаванія полезныхъ расъ животныхъ и растеній является отборъ. Но вопросъ о томъ, какъ примѣняется отборъ къ организмамъ, живущимъ въ дикомъ состояніи, оставался для меня нѣкоторое время загадкой.

Черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ я приступилъ къ систематическимъ изслѣдованіямъ, а именно въ октябрѣ 1838 года, я сталъ случайно читать книгу Мальтуса о населеніи, и такъ какъ я былъ достаточно подготовленъ къ правильной оцѣнкѣ происходящей повсюду борьбы за существованіе, особенно благодаря моимъ продолжительнымъ наблюденіямъ надъ образомъ жизни животныхъ и растеній, — то мнѣ сразу пришла въ голову мысль, что при такихъ обстоятельствахъ благоприятныя измѣненія обнаруживаютъ тенденцію сохраняться, а неблагоприятныя — тенденцію погибать. Результатомъ этого можетъ быть образованіе новыхъ видовъ. Такимъ образомъ, тутъ въ моемъ распоряженіи оказалась теорія, надъ которой я могъ работать. Я до того боялся стать жертвою какихъ-либо предразсудковъ, что рѣшилъ нѣкоторое время не написать даже и кратчайшаго

очерка этой теоріи. Въ іюня 1842 года я впервые позволилъ себѣ набросать карандашомъ краткій очеркъ своей теоріи, который затѣмъ лѣтомъ 1844 года былъ расширенъ и дополненъ....

Но въ это время я упустилъ изъ виду одну крайне важную проблему и теперь я прямо-таки удивляюсь, какъ я могъ не обратить вниманія на нее и ея рѣшенія. Тутъ у меня какъ бы повторилась исторія съ яйцомъ Колумба. Я имѣю въ виду присущую органическимъ существамъ, происходящимъ отъ одного и того же рода, склонность при своемъ дальнѣйшемъ измѣненіи расходиться въ своихъ характерныхъ особенностяхъ. О томъ, что это расхожденіе приняло очень значительные размѣры, можно судить по тому, какъ различные виды подводятся подъ опредѣленные роды, роды — подъ семейства, семейства — подъ порядки и т. д. Я еще до сихъ поръ помню, на какой улицѣ и въ какомъ мѣстѣ улицы мнѣ пришлось въ голову рѣшеніе этой проблемы. Это произошло много времени спустя послѣ моего переѣзда въ Доунъ. Рѣшеніе этой проблемы, какъ мнѣ кажется, заключается въ томъ, что измѣненные потомки всѣхъ господствующихъ и размножающихся формъ обнаруживаютъ тенденцію приспособляться къ очень многимъ и въ значительной степени разнообразнымъ мѣстамъ въ хозяйствѣ природы.

Въ 1856 году Лайялля совѣтовалъ мнѣ изложить болѣе или менѣе подробно мои взгляды на бумагѣ, и я тотчасъ же приступилъ къ этому. Началъ я свою работу въ масштабѣ, который превосходилъ раза въ три или четыре масштабъ, примѣненный мною послѣ въ моемъ «Происхожденіи видовъ», и тѣмъ не менѣе эта моя работа представляла только извлеченіе изъ собранныхъ мною матеріаловъ. Въ такомъ крупномъ масштабѣ я написалъ, приблизительно, половину своего труда; но мои планы были разрушены. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ 1858 года Уоллесъ, находившійся тогда на Малайскомъ Архипелагѣ, прислалъ мнѣ работу «О склонности разновидностей отклоняться неопредѣленнымъ образомъ отъ первоначальнаго типа», и этотъ трудъ содержалъ теорію, тоже-ственную съ моею. Уоллесъ выразилъ желаніе, чтобы въ случаѣ, если мое мнѣніе о его трудѣ будетъ благопріятно, я отправилъ бы его для прочтенія Лайяллю. О тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я согласился на просьбы Лайялля и Гукера, чтобы одновременно съ трудомъ Уоллеса издать извлеченія изъ моего манускрипта съ приложеніемъ письма къ А. Грѣю, написаннымъ 5 сентября 1857 года, — сообщается въ «Journal of the Proceedings of the Linnean Society» за 1858 г. Сначала я совершенно не хотѣлъ согласиться на это, такъ какъ мнѣ казалось, что Уоллесъ могъ бы счесть мой образъ дѣйствій некорректнымъ: тогда я еще не зналъ благородства его характера...

Въ сентябрѣ 1858 года я, по убѣдительному совѣту Лайялля и Гукера, приступилъ къ разработкѣ книги объ измѣненіи видовъ, но мои занятія часто прерывались изъ-за моей болѣзни, а также вслѣдствіе нѣсколькихъ кратковременныхъ посѣщеній гидротерапевтической клиники доктора Лена въ Муръ-Паркѣ. Я сдѣлалъ изъ начатой въ 1856 году по очень крупному масштабѣ рукописи извлеченіе и закончилъ свою книгу въ такомъ уменьшенномъ масштабѣ. Я проработалъ надъ нею (и усиленно проработалъ) 13 мѣсяцевъ и 10 дней. Въ ноябрѣ 1859 года она была выпущена въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Origin of Species» («Происхожденіе видовъ»). Хотя въ позднѣйшихъ изданіяхъ я сдѣлалъ очень много прибавленій и исправленій, тѣмъ не менѣе въ основѣ своей книга осталась неизмѣнной; она составляетъ, безъ сомнѣнія, главный трудъ моей жизни...

II. (Автобіографія) I.

Прямо-таки удивительно, какихъ результатовъ можетъ достигнуть человекъ, слѣдую принципѣ отбора, т. е., выбирая опредѣленные особи съ опредѣленными желанными свойствами, выращивая ихъ, затѣмъ снова отбирая и т. д. Сами скотоводы и садоводы поражаались достигнутыми ими результатами. Они могутъ достичь такихъ видоизмѣненій, которыя непривычному глазу кажутся поразительными и недоступными. Методическій отборъ примѣняется въ Европѣ только за послѣдніе полъ-столѣтія, но временами его примѣняли уже въ глубокой древности. Иногда это дѣлалось, до извѣстной степени, методически. Очень давно производилось нѣчто вродѣ безсознательнаго отбора, выражавшагося въ томъ, что, не думая о потомкахъ, люди старались сохранить тѣ особи, которыя приносили имъ наибольшую пользу при данныхъ условіяхъ. «Выпалываніе», состоящее въ уничтоженіи отклоняющихся отъ даннаго типа разновидностей, представляетъ собою особаго рода естественный отборъ. Я убѣжденъ въ томъ, что преднамѣренный и случайный отборъ былъ главнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія нашихъ домашнихъ расъ. Но какъ бы ни обстояло дѣло въ этомъ отношеніи, крупное влияние отбора на измѣненіе формъ стало въ новѣйшее время яснымъ и неоспоримымъ. Отборъ дѣйствуетъ только при посредствѣ накопленія болѣе или менѣе крупныхъ несомнѣнныхъ измѣненій, обусловленныхъ внѣшними обстоятельствами или выраженныхъ просто въ томъ фактѣ, что при рожденіи ребенокъ не похожъ, какъ двѣ капли воды, на своихъ родителей. При помощи своего умѣнія накапливать измѣненія, человекъ приспособляетъ живыхъ существъ къ своимъ потребностямъ. Можно сказать, что онъ дѣлаетъ шерсть одной овцы пригодной для производства ковровъ, шерсть другой овцы пригодной для производства сукна и т. д.

Если мы допустимъ, что имѣется такое существо, которое судить не только по внѣшнему виду, но и можетъ изучать всю внутреннюю организацію, если мы допустимъ, что это существо никогда не находилось во власти капризовъ и дѣлало въ теченіи миллионъ поколѣній отборъ среди организмовъ для опредѣленной цѣли,—то, чего, чего въ такомъ случаѣ нельзя было бы достигнуть? Въ природѣ выступаютъ опредѣленные незначительныя измѣненія и, какъ мнѣ кажется, можно доказать, что главною причиною неполнаго схода ребенка съ родителями являются измѣненныя условія существованія. Кромѣ того, геологія показываетъ намъ, какія измѣненія происходили и еще теперь происходятъ въ природѣ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется безгранично много времени. Вполнѣ оцѣнить это можетъ ни кто иной, какъ геологъ-практикъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте хотя бы только о ледниковомъ періодѣ, во время котораго существовали одни и тѣ же виды мягкотѣлыхъ. Въ теченіе этого періода должны были смѣниться миллионы поколѣній.

Какъ мнѣ кажется, можно доказать, что въ естественномъ отборѣ дѣйствуетъ подобная никогда не ошибающаяся сила, производящая отборъ исключительно для блага каждаго органическаго существа. Старшій де-Кандоль, В. Гербертъ и Ляйэлль писали очень хорошо о борьбѣ за существованіе. Но даже они не выражались достаточно убѣдительно. Подумайте только о томъ, что каждое существо (даже слонъ) размножается въ такой пропорціи, что спустя нѣсколько лѣтъ или, самое большее, спустя нѣсколько столѣтій, потомки одной пары не могли бы умѣститься на поверхности земли. Очень трудно, какъ мнѣ удалось въ этомъ убѣдиться, не упускать ни на минуту изъ виду того факта, что размноженіе каждаго вида задерживается въ теченіи нѣкотораго періода его жизни или въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Изъ рождающихся ежегодно особей, только нѣкоторыя могутъ

остаться въ живыхъ для продолженія своего рода. Какого незначительнаго различія часто достаточно при этомъ для опредѣленія того, кто долженъ остаться въ живыхъ и кто долженъ погибнуть!

Допустимъ, что какая-нибудь страна претерпѣла опредѣленное измѣненіе. Это послужитъ для нѣкоторыхъ обитателей ея толчкомъ къ тому, чтобы незначительно измѣниться. (Этимъ я не хочу сказать, что, большая часть существъ не измѣняется постоянно, на каждомъ шагу настолько, что отборъ можетъ на нихъ дѣйствовать). Нѣкоторыя изъ обитателей данной страны будутъ уничтожены, а оставшіеся въ живыхъ будутъ находиться подъ взаимнымъ влияніемъ, и это влияніе, какъ мнѣ кажется, имѣетъ куда большее значеніе для каждаго существа, чѣмъ только климатъ. Если вы присмотритесь къ безконечному разнообразію методовъ, примѣняемыхъ живыми существами при добываніи пищи путемъ борьбы съ другими организмами, при стремленіи избѣгать въ различные эпохи своей жизни опасности, при распространеніи своихъ яицъ или сѣмянъ и т. д., то для васъ станетъ несомнѣннымъ, что среди миллионъ поколѣній иногда рождаются особи какого-нибудь вида, обнаруживающія какія-нибудь незначительныя, но выгодныя для одной какой-нибудь части ихъ хозяйства измѣненія. У такихъ особей имѣется больше шансовъ остаться въ живыхъ и передать потомству свое новое и немного отклоняющееся отъ обычнаго типа строеніе. Это измѣненіе будетъ также увеличиваться, насколько это выгодно, подъ влияніемъ накапливающей дѣятельности естественнаго отбора. Образовавшаяся такимъ путемъ разновидность будетъ жить рядомъ съ своей родительской формой или, что встрѣчается еще чаще, вытѣснитъ ее. Органическое существо вродѣ дятла или омыли можетъ, такимъ образомъ, быть приспособленнымъ во многихъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что естественный отборъ накапливаетъ именно тѣ незначительныя измѣненія во всѣхъ частяхъ его строенія, которыя полезны ему въ какой-нибудь періодъ его жизни.

Въ связи съ этой теоріей передъ каждымъ изъ насъ раскрываются многія трудности. Я думаю, что на многія изъ нихъ можно дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Нѣкоторыя наиболее бросающіяся въ глаза трудности устраняются принципомъ «*Natura non facit saltum*» («природа не дѣлаетъ скачка»). Другія трудности устраняются тѣмъ фактомъ, что измѣненія совершаются медленно, и что въ данную эпоху измѣняются лишь очень немногія особи. Третьи трудности устраняются тѣмъ фактомъ, что наши геологическія данныя очень не полны.

При возникновеніи видовъ крупную роль, какъ мнѣ кажется, играетъ еще другой принципъ, который можно назвать принципомъ расхожденія. Въ одной и той же мѣстности можетъ существовать значительно больше живыхъ формъ, если формы очень различны. Мы видимъ это въ томъ множествѣ родовыхъ формъ, которое располагается на одномъ квадратномъ ярдѣ дерна. Мы можемъ это наблюдать на небольшихъ островахъ, природа которыхъ отличается извѣстной равномерностью и на которыхъ растенія или насѣкомыя относятся, почти безъ всякаго исключенія, къ такому же количеству семействъ, какъ и видовъ. Мы можемъ разобраться въ значеніи этихъ фактовъ у высшихъ животныхъ, образъ жизни которыхъ намъ понятенъ. Какъ мы знаемъ, путемъ опыта удалось установить, что если вы засѣете участокъ земли нѣсколькими видами и родами травъ, то отъ него получается больше сѣна, чѣмъ если на немъ было засѣяно только два или три вида. О каждомъ органическомъ существѣ можно сказать, что оно съ особенной силою стремится къ размноженію. То же самое будетъ имѣть мѣсто и у потомковъ каждаго вида послѣ того, какъ

они стали отличными другъ отъ друга и образовали особыя разновидности, или подвиды, или настояще виды. И изъ предыдущихъ фактовъ, какъ мнѣ кажется, вытекаетъ, что мѣняющіеся потомки каждаго вида пытаются занять по возможности больше мѣста и болѣе разнообразныя мѣста въ хозяйствѣ природы (причемъ только у немногихъ эти попытки увѣнчиваются успѣхомъ). Послѣ своего образованія каждая новая разновидность или видъ займетъ, по большей части, мѣсто своихъ менѣ приспособленныхъ родительскихъ формъ и заставитъ ихъ погибнуть.

Я думаю, что въ этомъ заключается источникъ классификацій и родства органическихъ существъ во все время. Въ самомъ дѣлѣ, органическія существа, какъ кажется, всегда образуютъ вѣтви и вѣточки, подобно тому, какъ отъ общаго ствола дерева отходятъ сплетенія сучьевъ и вѣтвей; при этомъ хорошо процвѣтающія и расходящіяся вѣтви уничтожили менѣ дѣеспособныя, и отмершія и погибшія вѣтви, въ нѣкоторомъ родѣ, изображаютъ отмершіе рода и семейства... В.

Когда молодой естествоиспытатель приступаетъ къ изученію совершенно неизвѣстной ему группы организмовъ, то вначалѣ его приводитъ въ сильное замѣшательство вопросъ о томъ, какія различія отнести къ разряду видовыхъ различій и какія принадлежать только къ разновидностямъ. Это объясняется тѣмъ, что онъ еще не знаетъ ничего о характерѣ и размѣрахъ измѣненій, на которыя способна данная группа. И этотъ фактъ опять-таки показываетъ, какъ распространена, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая измѣнчивость. Когда же онъ сосредоточитъ свое вниманіе исключительно на какомъ-нибудь одномъ классѣ организмовъ въ предѣлахъ опредѣленной страны, то тогда ему очень скоро станетъ вполне яснымъ, какъ смотрѣть на большую часть этихъ сомнительныхъ формъ. Онъ будетъ, въ общемъ, склоненъ разбить данный классъ на много видовъ, такъ какъ различія постоянно изучаемыхъ имъ формъ покажутся ему очень значительными, и такъ какъ у него еще мало общихъ свѣдѣній объ аналогичныхъ различіяхъ, имѣющихся налицо въ другихъ группахъ и другихъ странахъ и могущихъ внести опредѣленные поправки въ вынесенныя имъ сначала впечатлѣнія. Если онъ затѣмъ расширитъ кругъ своихъ наблюденій, то онъ натолкнется на дальнѣйшія трудности, такъ какъ онъ столкнется съ цѣлымъ рядомъ формъ, находящихся въ близкомъ родствѣ одна съ другой. Если же его знанія еще болѣе расширятся, то, наконецъ, ему станетъ яснымъ, что слѣдуетъ называть разновидностью и что—видомъ. Но этой цѣли онъ достигнетъ только въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ за организмами значительную способность къ измѣненіямъ; и очень часто дѣлаемые имъ допущенія будутъ подвергаться сомнѣнію со стороны другихъ естествоиспытателей. Если же онъ сверхъ того окажется въ состояніи изучить теперь родственныя формы другихъ странъ, не граничащихъ непосредственно другъ съ другомъ, то въ такомъ случаѣ онъ врядъ-ли можетъ надѣяться найти промежуточные звенья между его сомнительными формами, и тогда онъ долженъ будетъ дѣлать свои выводы почти исключительно по аналогіи, и трудности его достигнуть апогея.

До настоящаго времени не проведена рѣзкая грань между видами и подвидами (т. е. такими формами, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ естествоиспытателей, значительно приближаются къ степени вида, но все же не представляютъ собою вида, какъ такового), ни между подвидами и яено выраженными разновидностями, ни между незначительными разновидностями и индивидуальными различіями. Эти различія незамѣтно переходятъ одно въ другое, и если сопоставить рядъ ихъ, то у васъ создается представление о дѣйствительномъ переходѣ. В.

Придерживаясь того воззрѣнія, что виды представляютъ собою лишь сильно развитыя и устойчивыя разновидности, и что каждый видъ существовалъ вначалѣ въ качествѣ разновидности, мы поймемъ, почему нельзя провести рѣзкой грани между видами, разсматриваемыми обыкновенно, какъ продукты специальныхъ творческихъ актовъ, и разновидностями, на которыя смотрятъ, какъ на продукты второстепенныхъ законовъ. Придерживаясь этого же воззрѣнія, мы можемъ также понять, почему въ такой мѣстности, въ которой образовалось и въ настоящее время процвѣтаетъ много видовъ одного и того же семейства, эти виды обнаруживаютъ еще много разновидностей. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ образованіе видовъ совершалось очень дѣятельно, тамъ можно ожидать, что еще и теперь это образованіе совершается; а это проявляется въ образованіи большого количества разновидностей, представляющихъ собою зачатки видовъ. Кромѣ того, виды большихъ семействъ, содержащіе много разновидностей, или зачатковъ видовъ, сохраняютъ, до извѣстной степени, характеръ разновидностей, такъ какъ они отличаются другъ отъ друга въ значительно меньшей степени, чѣмъ виды болѣе мелкихъ семействъ. Къ тому же, находящіеся въ близкомъ родствѣ виды крупныхъ семействъ отличаются болѣе ограниченной распространенностью и образуютъ вслѣдствіе своего взаимнаго родства небольшія группы, скучивающіяся вокругъ другихъ видовъ. Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ они тоже похожи на разновидности. Если стоять на той точкѣ зрѣнія, что каждый видъ созданъ независимо отъ другихъ видовъ, то эти явленія должны показаться странными, между тѣмъ какъ они вполне соответствуютъ тому допущенію, что все виды развились изъ разновидностей. В.

Все животныя и растенія находятся вездѣ и всегда въ такомъ родствѣ другъ съ другомъ, что они образуютъ группы, подчиненныя другимъ группамъ; такимъ образомъ, мы видимъ повсюду, что разновидности одного вида находятся въ крайне близкой связи одна съ другой, что виды одного рода уже меньше связаны и обнаруживаютъ не одинаковую степень родства и образуютъ подроды, что виды различныхъ родовъ еще менѣ связаны другъ съ другомъ и что роды съ различной степенью родства образуютъ подсемейства, семейства, порядки, подклассы и классы. Этотъ фактъ можно назвать чудомъ, хотя мы всегда упускаемъ это чудо изъ виду вслѣдствіе того, что слишкомъ привыкли къ нему. Различныя, подведенныя подъ одинъ классъ группы, не могутъ быть сопоставлены въ одинъ рядъ, а группируются, скорѣе, вокругъ опредѣленныхъ точекъ, которыя, въ свою очередь, группируются вокругъ другихъ центровъ и такъ далѣе, чуть-ли не до безконечности. Если бы каждый видъ былъ сотворенъ независимо отъ другихъ видовъ, то нельзя было бы дать какое-либо объясненіе этому характеру классификаціи. Объясняется онъ наслѣдственностью и сложнымъ дѣйствіемъ естественнаго отбора, обусловливающаго вымирание и расхождение формъ. В.

Взаимное родство всѣхъ существъ одного класса иногда изображалось въ формѣ большого дерева. Я думаю, что эта картина въ значительной степени соответствуетъ истинѣ. Зеленныя и пускающія почки вѣтви представляютъ современные виды, а вѣтви, возникшія въ минувшіе годы, изображаютъ длинный рядъ исчезнувшихъ видовъ. Въ каждый періодъ роста все развивавшіяся вѣтви старались разростись во всѣхъ направленіяхъ, перерости и подавить окружающіе ихъ вѣтви и сучья; подобно этому, виды и группы видовъ преодолевали другіе виды въ великой борьбѣ за существованіе. Большіе сучья, раздѣленные на вѣтви и распадающіеся на все

меньшія и меньшія развѣтвленія, были во время юности ствола сами вѣтвями, пускавшими почки. И это соединеніе прежнихъ почекъ съ современными при посредствѣ развѣтвляющихся сучьевъ, прекрасно изображаетъ объединеніе всѣхъ исчезнувшихъ и живущихъ видовъ въ группы, подчиненныя другимъ группамъ. Изъ тѣхъ многихъ вѣтвей, которыя вѣсело росли, когда дерево было еще только кустарникомъ, въ настоящее время остались въ живыхъ только двѣ или три вѣтви, являющіяся теперь могучими сучьями, отъ которыхъ отходятъ всѣ остальные развѣтвленія. Такимъ же образомъ изъ тѣхъ видовъ, которые жили въ давно прошедшія геологическія времена, только у очень немногихъ имѣются въ настоящее время еще живущіе и измѣнившіеся потомки. Со времени перваго развитія дерева не одинъ сукъ, не одна вѣтвь зачахла и исчезла; и эти погибшія вѣтви различной величины могутъ изображать всѣ тѣ порядки, семейства и роды, которые извѣстны намъ только въ качествѣ ископаемыхъ формъ и у которыхъ нѣтъ живыхъ представителей. Подобно тому, какъ тамъ и сямъ мы можемъ замѣтить глубоко внизу на стволѣ дерева единичныя тоненькія вѣточки, продолжающія еще жить, благодаря счастливой случайности, — точно такъ же мы временами сталкиваемся съ животными въ родѣ утконоса (*Ornithorhynchus*) или лепидосирены (*Lepidosiren*), которыя своимъ разнообразнымъ родствомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, связываютъ двѣ крупныя вѣтви живого міра одну съ другою. Эти животныя расположились между этими двумя вѣтвями и спаслись во время губительной борьбы за существованіе, очевидно благодаря тому, что они жили въ защищенной мѣстности. Подобно тому, какъ почки путемъ роста создаютъ новыя почки и, подобно тому, какъ эти, окрѣпнувъ, разрастаются во всѣхъ направленіяхъ и перерастаютъ много болѣе слабыя вѣтви, — точно такъ же обстояло и обстоитъ дѣло, какъ мы кажется, съ великимъ деревомъ жизни. Умершія и отпавшія вѣтви его лежатъ массами въ земной корѣ, а великолѣпныя и все дальше развѣтвляющіяся вѣтви покрываютъ земную поверхность. В.

Для насъ совсѣмъ не существенъ вопросъ о томъ, можно ли приписать много сомнительныхъ формъ къ особымъ видамъ, подвидамъ или разновидностямъ. Для насъ, напимѣръ, совсѣмъ не важно опредѣлить, какое мѣсто въ естественнонаучной табели о рангахъ, если такъ можно выразиться, должны занять сомнительныя формы британскихъ растений (а число этихъ сомнительныхъ формъ колеблется между 200 и 300), если допустимо существованіе ясно выраженныхъ разновидностей. Но простая наличность индивидуальной и нѣкоторыхъ немногихъ ясно выраженныхъ разновидностей, не оказываетъ намъ особенной помощи въ дѣлѣ выясненія того, какимъ образомъ въ природѣ возникаютъ виды. Какимъ путемъ образовались всѣ имѣющіеся налицо выдающіеся приспособленія одной части организмовъ къ другой и къ вѣншимъ жизненнымъ условіямъ, приспособленія одного органическаго существа къ другому? У дятла и омыла мы видимъ крайне ясно это красивое приспособленіе. У низшаго паразита, прицѣпляющагося къ волосамъ млекопитающаго или къ перьямъ птицы, фактъ приспособленія бросается въ глаза не такъ рѣзко. Мы видимъ это приспособленіе въ строеніи жука, ныряющаго въ водѣ; мы видимъ его въ оперенномъ сѣмени, которое можетъ быть унесено слабѣйшимъ вѣтеркомъ. Однимъ словомъ, повсюду и въ каждой части органическаго міра мы видимъ прекраснѣйшіе случаи приспособленія.

Дальше можно спросить: какимъ образомъ, разновидности, названныя мною зачатками видовъ, превращаются, въ концѣ концовъ, въ ясно выраженные виды, которые отличаются по всѣмъ видимостямъ другъ отъ друга куда сильнѣе, чѣмъ разновидности одного и того же вида? Какъ

возникаютъ тѣ группы видовъ, которые образуютъ то, что мы называемъ различными родами, отличающимися другъ отъ друга больше, чѣмъ виды этихъ родовъ?

Всѣ эти результаты вытекаютъ изъ борьбы за существованіе. Въ этой борьбѣ какъ бы ни были малы и какимъ бы путемъ ни возникали измѣненія, все же они будутъ содѣйствовать сохраненію данныхъ особей и будутъ, по большей части, по наслѣдству передаваться ихъ потомкамъ, если только они хоть нѣкоторымъ образомъ выгодны этимъ особямъ въ ихъ безконечно запутанныхъ отношеніяхъ къ другимъ органическимъ существамъ и физическимъ жизненнымъ условіямъ. И, подобно самимъ особямъ, ихъ потомки будутъ имѣть больше шансовъ остаться въ живыхъ, такъ какъ изъ безчисленнаго множества особей даннаго вида, рождающихся время отъ времени, въ живыхъ можетъ остаться только незначительное число...

Очень легко признавать на словахъ истинность теоріи всеобщей борьбы за существованіе, но очень трудно, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось наблюдать это, постоянно имѣть ее въ виду, постоянно считаться съ нею. Если мы не усвоимъ себѣ этой истины во всей ея полнотѣ, то тогда мы или смутно поймемъ или совсѣмъ не поймемъ всего хозяйства природы со всѣми фактами размноженія, умиранія и измѣненія формъ. Мы видимъ ликъ природы въ ея веселомъ сіяніи, мы видимъ часто избытокъ пищи, но мы не видимъ или забываемъ, что птицы, беззаботно порхающія и летающія вокругъ насъ кормятся, по большей части, насѣкомыми или сѣмянками и этимъ самымъ постоянно разрушаютъ жизнь. Мы забываемъ о томъ, что хищныя птицы и животныя уничтожаютъ безчисленное множество этихъ пернатыхъ пѣвцовъ, или ихъ яицъ и птенцовъ; мы не всегда принимаемъ во вниманіе тотъ фактъ, что если въ настоящее время кормъ имѣется на лицо въ избыткѣ, то вѣдь не всегда дѣло обстоитъ такъ.

Я долженъ предпослать своему изложенію то замѣчаніе, что выраженіе «борьба за существованіе» употреблено мною въ широкомъ и метафорическомъ смыслѣ. Подъ этимъ выраженіемъ надо подразумѣвать какъ зависимость существъ другъ отъ друга, такъ и жизнь особи и успѣхъ въ дѣлѣ оставленія послѣ себя потомства. Мы имѣемъ полное право сказать, что два хищныхъ животныхъ борются въ періоды нужды другъ съ другомъ изъ-за пищи и жизни. Но мы можемъ также говорить, что растеніе борется на краю пустыни противъ засухи за свое существованіе, хотя вѣрнѣе было бы сказать, что растеніе зависитъ отъ сырости. Съ еще болѣе широкимъ правомъ мы можемъ говорить, что растеніе, производящее ежегодно тысячу сѣмянъ, изъ которыхъ, въ среднемъ, только одному удается развиться, борется за свое существованіе съ растеніями того же или другихъ видовъ, успѣвшихъ уже найти мѣстечко на поверхности земли. Омела находится въ зависимости отъ яблони и нѣкоторыхъ другихъ видовъ деревьевъ. Но мы можемъ только въ очень и очень переносномъ смыслѣ сказать, что она борется съ этими растеніями. Въ самомъ дѣлѣ, если на одномъ и томъ же деревѣ начнетъ расти слишкомъ много этого паразита, то дерево зачахнетъ и погибнетъ. А съ другой стороны, если на одномъ и томъ же суку близко другъ отъ друга растетъ нѣсколько особей нашей омелы, то мы можемъ спокойно сказать, что онѣ борются другъ съ другомъ. Такъ какъ сѣмена омелы разбрасываются птицами, то ея существованіе зависитъ, слѣдовательно, отъ существованія птицъ, и мы можемъ въ переносномъ смыслѣ сказать, что омела борется съ другими растеніями, несущими ягоды и стремится къ тому, чтобы птицы сѣли

скорѣе ея ягоды, чѣмъ ягоды другихъ растений и, такимъ образомъ, разсѣяли скорѣе ея сѣмена, чѣмъ сѣмена другихъ. Въ этихъ различныхъ смыслахъ я для удобства—употребляю общее выраженіе «борьба за существованіе».

Борьба за существованіе неизбежно возникаетъ вслѣдствіе того, что всѣ организмы стремятся къ размноженію въ очень сильной пропорціи. Каждое существо, производящее въ теченіе своей жизни нѣсколько яицъ или сѣмянъ, должно въ теченіе какого либо періода своей жизни, или въ какое-нибудь опредѣленное время года, или иногда разъ въ годъ подвергнуться разрушенію. Въ противномъ случаѣ число представителей данного вида разрослось бы очень скоро до такихъ размѣровъ, что никакая страна не могла бы ихъ прокормить. Такимъ образомъ, въ виду того, что на свѣтъ рождается больше особей, чѣмъ сколько можетъ существовать, должна возникнуть борьба за существованіе или между особями одного и того же вида, или между особями различныхъ видовъ, или между особями и внѣшними жизненными условиями. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ ученіемъ Мальтуса, перенесеннымъ на все царство животныхъ и растений. Въ данномъ случаѣ это ученіе выступаетъ съ большою силою, такъ какъ тутъ невозможно ни искусственное увеличеніе количества пищевыхъ продуктовъ, ни воздержаніе отъ заключенія браковъ. Такимъ образомъ, хотя нѣкоторые виды въ настоящее время размножаются съ большей или меньшей скоростью, тѣмъ не менѣе всѣ виды одновременно не могутъ этого дѣлать, такъ какъ міръ не могъ бы вмѣстить ихъ.

Каждое органическое существо размножается естественнымъ путемъ съ такою силою, что если бы не выступали разрушительные процессы, то земля была бы вскорѣ покрыта потомствомъ одной единственной пары. Это правило не знаетъ никакихъ исключеній. Даже число людей, которые размножаются очень медленно, удваивается въ 25 лѣтъ, и если бы размноженіе шло постоянно такимъ же шагомъ, то меньше чѣмъ въ 1000 лѣтъ на землѣ больше не было бы, въ буквальномъ смыслѣ слова, мѣста для человеческого потомства...

В.

Виды одного и того же семейства обыкновенно, хотя и не всегда, очень похожи другъ на друга по образу жизни и тѣлосложенію и всегда обнаруживаютъ много чертъ сходства по строенію. Слѣдовательно, если виды, принадлежащіе къ одному и тому же семейству, вступаютъ въ взаимную борьбу, то обыкновенно эта борьба носитъ болѣе бурный характеръ, чѣмъ борьба между видами различныхъ семействъ. Мы можемъ, хотя и не вполне ясно, понять, почему борьба между наиболее родственнымъ формами, занимающими въ хозяйствѣ природы почти одно и то же мѣсто, отличается наибольшею рѣзкостью. Но, по всей вѣроятности, мы не будемъ въ состояніи точно указать для какого-нибудь отдѣльнаго случая, какимъ образомъ въ великой борьбѣ за существованіе одна форма одержала верхъ надъ другою...

В.

Присмотритесь къ растенію въ центрѣ мѣстности его распространенія. Почему число представителей его не удваивается и не учетверяется? Мы знаемъ, что оно прекрасно можетъ перенести немного большую жару или холодъ, немного большую влажность или сухость, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ это же растеніе размножается, несмотря на то, что эти мѣста болѣе теплы или холодны, болѣе сухи или влажны. Въ этомъ случаѣ мы прекрасно понимаемъ, что если бы мы мысленно захотѣли снабдить это растеніе способностью къ дальнѣйшему размноженію, то мы должны были бы надѣлать его какой-нибудь выгодной стороной по отношенію къ дру-

гимъ конкурирующимъ съ нимъ растеніямъ или по отношенію къ животнымъ, питающимся имъ. На границахъ географическаго распространенія данного растенія для него было бы, очевидно, очень выгодно опредѣленное измѣненіе его строенія, имѣющее отношеніе къ климату. Однако, очень немногіе виды растений или животныхъ распространяются такъ далеко, чтобы на нихъ сталъ оказывать разрушающее дѣйствіе одинъ только суровый климатъ. Только въ томъ случаѣ, когда мы достигаемъ крайнихъ границъ жизни вообще, въ полярныхъ странахъ или на краю самой сухой пустыни, мы можемъ наблюдать конецъ конкуренціи. Какой бы холодъ, какая бы сухость ни царилъ въ данной странѣ, все же мы найдемъ въ ней нѣсколько видовъ или особей одного и того же вида борющимися за самое теплое или влажное мѣстечко.

Поэтому мы понимаемъ, что если какой-нибудь растительный или животный видъ попадаетъ въ новую мѣстность и долженъ имѣть дѣло съ новыми конкурентами, то внѣшнія жизненные условія его становятся, по большей части, совершенно иными, въ сравненіи съ прошлыми, хотя климатъ мѣстности могъ остаться такимъ же, какимъ онъ былъ на старой родинѣ. Если бы мы захотѣли увеличить среднее число представителей этого вида на его новой родинѣ, то мы должны были бы измѣнить его природу въ иномъ направленіи, чѣмъ въ какомъ это надо бы сдѣлать на его старой родинѣ. Вѣдь намъ надо было бы въ данномъ случаѣ надѣлать его какими-нибудь преимуществами надъ тѣмъ рядомъ иныхъ конкурентовъ или враговъ, чѣмъ съ какими этотъ видъ имѣлъ дѣло на старой родинѣ.

Очень полезно иногда мысленно попытаться дать какія-либо преимущества одной формѣ передъ другой. По всей вѣроятности, мы бы не знали, что намъ надо было бы дѣлать для достиженія успѣха въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Этотъ фактъ долженъ былъ бы внушить намъ убѣжденіе въ нашемъ невѣжествѣ по вопросу о взаимоотношеніяхъ, существующихъ между всѣми органическими существами. Это убѣжденіе намъ необходимо, но мы приходимъ къ нему, обыкновенно, съ трудомъ. Все, что мы можемъ сдѣлать, заключается въ слѣдующемъ: мы должны постоянно имѣть въ виду, что каждое органическое существо стремится къ размноженію въ геометрической прогрессіи; что каждое существо вынуждено въ какой-нибудь періодъ своей жизни или въ какое-нибудь время года въ каждомъ поколѣніи или черезъ опредѣленные промежутки времени вести борьбу за существованіе; и что каждое существо подвергается крупнымъ разрушительнымъ процессамъ. Задумываясь надъ этою борьбою за существованіе, мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что война въ природѣ ведется не непрерывно, что ведя эту борьбу, организмы не ощущаютъ страха, что смерть, въ общемъ, быстра и что сильный, здоровый и счастливый организмъ остается въ живыхъ и размножается.

В.

Когда мы имѣемъ дѣло съ домашними животными или растениями, то часто своеобразныя черты обнаруживаются на представителяхъ одного какого-нибудь пола и передаются по наслѣдству этому же полу. То же самое имѣетъ, безъ сомнѣнія, мѣсто у органическихъ существъ, находящихся въ дикомъ состояніи. Благодаря этому, возможенъ тотъ фактъ, что естественный отборъ вноситъ измѣненія въ представителей обоихъ половъ въ отношеніи различныхъ жизненныхъ привычекъ, или что естественный отборъ измѣняетъ представителей одного пола по отношенію къ представителямъ другого пола. Первый случай встрѣчается иногда, а второй представляетъ обычное явленіе. Это обстоятельство побуждаетъ меня остановиться немного на томъ, что я назвалъ половымъ подборомъ. Эта форма

подбора не находится въ связи съ борьбой за существованіе по отношенію къ другимъ органическимъ существамъ или по отношенію къ внѣшнимъ условіямъ. Она находится въ связи съ борьбою, происходящею между особями одного пола, по большей части между самцами, за обладаніе другимъ поломъ. Результатомъ этой борьбы является не смерть, а появленіе незначительнаго потомства у побѣжденнаго конкурента; иногда этотъ конкурентъ остается даже совсѣмъ безъ потомства. Такимъ образомъ, этотъ половой подборъ менѣе жестокъ, чѣмъ естественный подборъ. Въ общемъ, больше всего потомковъ оставляютъ послѣ себя наиболѣе сильные самцы, лучше всего выполняющіе свою роль въ природѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, побѣда будетъ зависѣть не только отъ силы вообще, но и отъ особыхъ оружій, которыми обладаетъ только самецъ. Олень безъ рогъ и пѣтухъ безъ шпоръ не особенно могутъ разсчитывать на то, что они оставятъ большое потомство. Половой подборъ, дающій постоянно побѣдителя возможность размноженія, снабдить его неукротимымъ духомъ, длинными шпорами и крѣпкими крыльями, подобно тому, какъ это дѣлаетъ человѣкъ, занимающійся разведеніемъ турухтановъ путемъ тщательнаго выбора лучшихъ экземпляровъ... В.

* *

Не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря измѣняющимся жизненнымъ условіямъ почти во всѣхъ частяхъ организма выступаютъ индивидуальныя различія; несомнѣнно также и то, что вслѣдствіе размноженія всѣхъ видовъ въ геометрической прогрессіи, имъ приходится въ извѣстномъ возрастѣ въ извѣстное время года или въ опредѣленный годъ вести ожесточенную борьбу за свое существованіе. А если это такъ, и если мы будемъ также имѣть въ виду безконечную сложность отношеній всѣхъ органическихъ существъ другъ къ другу и къ ихъ жизненнымъ условіямъ, отношеній, обуславливающихъ выгодность для этихъ существъ безконечнаго разнообразія организаціи, тѣлосложенія и образа жизни,—то тогда, какъ мнѣ кажется, было бы крайне необычнымъ фактомъ, если бы временами не проявлялись нѣкоторыя измѣненія, служащія на благо каждаго существа. Подобно тому, какъ очень часто обнаруживались измѣненія, оказывавшіяся выгодными для человѣка. Если же такія полезныя для какого-нибудь органическаго существа измѣненія дѣйствительно когда-нибудь проявляются, то обладающія ими особи могутъ безусловно разсчитывать на побѣду въ борьбѣ за существованіе, и эти особи будутъ, согласно мощному принципу наслѣдственности, стремиться къ тому, чтобы производить на свѣтъ подобныхъ имъ потомковъ. Этотъ принципъ сохраненія болѣе пригодныхъ элементовъ я назвалъ для краткости естественнымъ отборомъ. Этотъ принципъ ведетъ къ усовершенствованію каждаго созданія по отношенію къ его органическимъ и неорганическимъ жизненнымъ условіямъ. Слѣдовательно, онъ, въ большинствѣ случаевъ, ведетъ къ тому явленію, которое мы должны разсматривать, какъ усовершенствованіе организаціи. Несмотря на это, простыя и стоящія на низшей ступени развитія формы будутъ долго жить, если онѣ хорошо приспособлены къ своимъ простымъ жизненнымъ условіямъ. В.

* *

Такъ какъ естественный отборъ дѣйствуетъ черезъ посредство конкуренціи, то онъ улучшаетъ и облагораживаетъ организмы каждой мѣстности только въ сравненіи съ другими организмами, населяющими данную мѣстность. Поэтому насъ не можетъ поражать тотъ фактъ, что виды, живущіе въ какой-нибудь области и кажущіеся, какъ обыкновенно думаютъ, специально созданными для данной области и приспособленными къ ней, выходятъ побѣжденными изъ борьбы съ организмами другихъ странъ,

освоившимися въ данной мѣстности. Точно такъ же насъ не можетъ удивлять, что не всѣ продукты природы представляютъ собою, насколько мы можемъ судить объ этомъ, верхъ совершенства, и что нѣкоторые продукты значительно уступаютъ даже нашимъ понятіямъ соразмѣрности; въ этомъ отношеніи даже нашъ человѣческій глазъ оставляетъ желать очень многого. Насъ не должно поражать то обстоятельство, что, будучи пущено въ ходъ въ качествѣ оружія борьбы съ врагомъ, жало пчелы вызываетъ смерть своей обладательницы. Насъ не должно поражать, что трутни производятся на свѣтъ въ такомъ неизмѣримомъ количествѣ лишь для одного единичнаго факта и затѣмъ, по большей части, убиваются своими безплодными сестрами. Насъ не должно поражать, что наши хвойныя деревья расточаютъ безконечно большое количество плодотворной пыли. Насъ не должно удивлять, что пчелиная матка ощущаетъ инстинктивную ненависть къ своимъ собственнымъ плодовитымъ дочерямъ, или что ихнеймиды воспитываются въ живомъ тѣлѣ гусеницъ и т. д. Съ точки зрѣнія естественнаго подбора, мы должны были бы куда больше удивляться тому, что наблюдается еще больше случаевъ отсутствія абсолютнаго совершенства. В.

Естественный отборъ не ведетъ неизбѣжно къ абсолютному совершенству, и этого совершенства, поскольку мы можемъ судить на основаніи нашихъ ограниченныхъ чувствъ, нѣтъ нигдѣ... В.

Согласно основному положенію, гласящему, что качества передаются по наслѣдству въ соответствующемъ возрастѣ,—естественный подборъ можетъ такъ же легко измѣнить яйцо, сѣмя или дѣтеныша, какъ и взрослую особь. У многихъ животныхъ половой подборъ, по всей вѣроятности, содѣйствовалъ обыкновенному подбору, обезпечивая наиболѣе сильному и годному самцу наиболѣе многочисленное потомство. Половой подборъ можетъ также снабжать особей такими особенностями, которыя полезны только самцамъ въ ихъ борьбѣ или соревнованіи съ другими самцами; и въ зависимости отъ той или иной формы наслѣдственности, эти особенности будутъ передаваться представителями одного или обоихъ половъ. В.

Размножаясь въ геометрической прогрессіи, каждый видъ стремится увеличить число своихъ представителей до безконечности. А измѣненные потомки каждаго вида могутъ тѣмъ быстрѣ размножаться, чѣмъ больше они расходятся между собою по образу жизни и организаціи, т. е. чѣмъ больше мѣста и чѣмъ болѣе разнообразныя мѣста они будутъ занимать въ хозяйствѣ природы. Слѣдовательно, въ естественномъ отборѣ будетъ постоянно проявляться стремленіе сохранить наиболѣе рѣзко расходящихся потомковъ каждаго вида. Вслѣдствіе этого незначительныя различія, характеризующія простыя разновидности вида, разроутятся съ теченіемъ времени и превратятся въ крупныя различія, характеризующія разныя виды одного и того же семейства. Новыя и улучшенныя разновидности замѣтятъ и уничтожатъ представителей болѣе старыхъ, менѣе усовершенствованныхъ и промежуточныхъ разновидностей. И благодаря этому, виды, по большей части, рѣзко отграничиваются другъ отъ друга и принимаютъ ясно выраженные черты. Господствующіе виды изъ болѣе крупныхъ группъ каждаго класса стремятся, въ свою очередь, производить новыя и господствующія формы, такъ что каждая значительная группа склонна стать еще болѣе значительной и производить еще болѣе расходящихся по своимъ свойствамъ потомковъ. Но не всѣ группы могутъ постоянно разрастаться такимъ путемъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, для нихъ не нашлось бы мѣста въ мірѣ. Поэтому менѣе господствующія группы вытѣсняются болѣе гос-

подствующими. Этимъ стремленіемъ большихъ группъ разрастаться въ объемъ и производить все болѣе расходящихся по своимъ свойствамъ потомковъ, стремленіемъ, связаннымъ съ неизбѣжной, по большей части, гибелью другихъ группъ, объясняется расположеніе всѣхъ жизненныхъ формъ въ группахъ, подчиненныхъ въ предѣлахъ нѣсколькихъ крупныхъ классовъ другимъ группамъ. Такое расположеніе жизненныхъ формъ имѣлось налицо во все время. Этотъ замѣчательный фактъ расположенія всѣхъ органическихъ существъ въ такъ называемую естественную систему остается совершенно необъяснимымъ съ точки зрѣнія обыкновенной теоріи творенія.

Дѣйствуя только путемъ накопленія незначительныхъ слѣдующихъ другъ за другомъ благоприятныхъ измѣненій, естественный отборъ не можетъ вызывать крупныхъ и внезапныхъ преобразованій. Онъ можетъ двигаться впередъ только небольшими и медленными шагами. Такимъ образомъ, эта теорія дѣлаетъ вполне понятнымъ положеніе: «*Natura non facit saltum*» («природа не дѣлаетъ скачковъ»), положеніе, все болѣе и болѣе подтверждающееся по мѣрѣ расширенія нашихъ знаній. Кромѣ того, мы можемъ теперь понять, почему въ природѣ одна и та же общая цѣль достигается при помощи самыхъ различныхъ средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, пріобрѣтенная своеобразность передается долгое время по наслѣдству, и образованія, отличающіяся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ другъ отъ друга, должны приспособляться къ одной и той-же общей цѣли. Однимъ словомъ, теперь мы понимаемъ, почему природа такъ расточительна въ дѣлѣ создаванія измѣненій и въ то же время такъ скупа въ дѣлѣ создаванія новообразованій. Если бы каждый видъ былъ сотворенъ независимо отъ другихъ видовъ, то никто не могъ бы объяснить того, откуда взялся этотъ законъ природы.

В.

Съ перваго взгляда намъ можетъ показаться крайне невѣроятнымъ, чтобы самые сложные органы и инстинкты могли достигнуть своего совершенства не подъ вліяніемъ вышихъ, хотя и подобныхъ человѣческому разуму силъ, а лишь путемъ накопленія безчисленнаго множества незначительныхъ измѣненій, полезныхъ своимъ обладателямъ. Эта трудность можетъ показаться прямо-таки непреодолимой нашему воображенію, но она не можетъ считаться существенной, если мы признаемъ истинными слѣдующія положенія, а именно, что всѣ части организмовъ и всѣ инстинкты обнаруживаютъ, по меньшей мѣрѣ, индивидуальныя различія; что существуетъ борьба за существованіе, ведущая къ сохраненію каждаго полезнаго отклоненія отъ прежнихъ образованій или инстинктовъ; и что, наконецъ, въ процессѣ усовершенствованія каждаго органа имѣлись налицо опредѣленные постепенныя измѣненія, которыя всѣ были хороши на свой манеръ. По моему мнѣнію, противъ этихъ положеній нельзя ничего возразить. Безъ сомнѣнія, трудно, крайне трудно высказать хоть одно какое-нибудь предположеніе относительно того, черезъ какія ступени измѣненій прошли нѣкоторые образованія въ дѣлѣ своего усовершенствованія, особенно трудно это сказать относительно такихъ группъ, которыя значительно пострадали въ борьбѣ за существованіе. Но мы видимъ очень и очень много поражающихъ насъ постепенныхъ измѣненій въ природѣ, и поэтому мы должны быть крайне осторожны прежде чѣмъ сказать, что какой-нибудь органъ или инстинктъ, или цѣлое образованіе достигло современнаго своего строенія не путемъ постепеннаго прогресса...

В.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что органическія существа созданы различными путемъ, чуть ли не подобно тому, какъ приготовляются игрушки

въ лавкѣ. Это свое мнѣніе они обосновываютъ наличностью разнообразія. Но такой взглядъ на природу не выдерживаетъ критики. Для оплодотворенія однополыхъ растений, а также тѣхъ растений, которыя являются гермафродитами, но у которыхъ, однако, цвѣточная пыль попадаетъ на рыльце не сама собою, требуется какая-нибудь помощь. У многихъ видовъ эту помощь оказываетъ вѣтеръ, такъ какъ легкія и не находящіяся въ связи другъ съ другомъ зернышки пыли переносятся вѣтромъ случайно на рыльце растенія; почти такъ же просто, но совершенно отлеченъ отъ этого другой планъ, состоящій въ томъ, что цвѣтокъ выделяетъ нѣсколько капелекъ нектара, вслѣдствіе чего онъ привлекаетъ къ себѣ наѣдомыхъ, эти послѣднія переносятъ пыль отъ пыльника на рыльце.

Начиная съ этой простой формы, можно наблюдать неисчерпаемое множество различныхъ приспособленій, которыя всѣ служатъ одной и той же цѣли и устроены, въ существенныхъ чертахъ своихъ, одинаково, но которыя тѣмъ не менѣе влекутъ за собою измѣненія въ каждой части цвѣтка: нектаръ накапливается въ цвѣтоложахъ, обнаруживающихъ различнѣйшія формы. Тычинки и пестики очень часто измѣнены и представляютъ собою иногда аппараты въ родѣ клапановъ, а иногда они вслѣдствіе раздражимости или упругости способны къ опредѣленнымъ движеніямъ. Отъ этихъ образованій мы переходимъ затѣмъ къ такимъ формамъ, которыя представляютъ собою верхи совершенства въ дѣлѣ приспособленія, какъ это недавно описалъ Крюгеръ у *Coryanthes*. У этой группы орхидныхъ нижняя губа (*Zabellum*) выдолблена и представляетъ собою похожій на ведро сосудъ, въ который постоянно попадаютъ изъ двухъ, находящихся надъ нимъ придатковъ капли почти чистой воды. Когда «ведро» заполняется наполовину водой, то вода по опредѣленной сточной трубочкѣ вытекаетъ на одной сторонѣ. Часть губы изгибается надъ «ведромъ» и сама тоже выдолблена въ видѣ камеры. Она снабжена двумя боковыми входами. Внутри камеръ находится нѣсколько мясистыхъ полостей. Не будучи свидѣтелемъ того, что тутъ происходитъ, вы никогда не сможете представить себѣ, будь вы хоть самымъ гениальнымъ человѣкомъ въ мірѣ, какой цѣли служатъ всѣ эти части. Крюгеръ же видѣлъ, какъ шмели раннимъ утромъ посѣщали гигантскіе цвѣты этихъ орхидей не для того, чтобы высосать изъ нихъ нектаръ, а для того чтобы обглаживать мясистыя полосы поверхъ ведра. При этомъ они часто сталкивали другъ друга въ ведро. Отъ этого ихъ крылья мокли, такъ что они не могли летать и должны были пролѣзть по ходу, образованному вышеупомянутой сточной трубочкой. Крюгеръ видѣлъ цѣлую процессію шмелей, вылѣзавшихъ изъ невольно принятой ванны. Ходъ тѣсенъ и покрытъ колонкой, такъ что протискивающейся черезъ отверстіе шмель сначала третъ спинкой о липкое рыльце и затѣмъ задѣваетъ железки пыльцевыхъ массъ. Такимъ путемъ пыльцевыя массы прилипаютъ къ спинкѣ перваго шмеля, прошедшаго случайно сквозь ходъ недавно распустившагося цвѣтка. Затѣмъ шмель уноситъ пыль съ собой. Крюгеръ прислалъ мнѣ цвѣтокъ въ спирту вмѣстѣ со шмелемъ, убитымъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ совѣсть проползти черезъ отверстіе. Если теперь шмель улетаетъ къ другому цвѣтку или возвращается къ первому цвѣтку и снова попадаетъ въ «ведро», то при его пролѣзаніи по ходу, прежде всего пыль приходитъ въ соприкосновеніе съ липкимъ рыльцемъ и цвѣтокъ оплодотворяется. И теперь только мы понимаемъ, въ чемъ заключается польза всѣхъ частей цвѣтка, и видимъ, какую роль выполняютъ придатки, выделяющіе воду; видимъ какую роль исполняетъ «ведро», наполовину наполненное водой, мѣшающее шмелямъ улетѣть и заставляющее ихъ, такимъ образомъ, проползти по стоку и потереться о пыльцевыя массы и липкое рыльце; а эти послѣднія установлены какъ разъ въ подходящемъ мѣстѣ.

Отъ строения только что описаннаго цвѣтка значительно отличается строение другой орхидеи, находящейся съ нимъ въ близкомъ родствѣ, а именно *Catasetum*, но и тутъ цвѣтокъ служитъ той же цѣли: строение его крайне интересно. Пчелы посѣщаютъ эти цвѣтки тоже для того, чтобы обладывать губою. При этомъ онѣ вынуждены коснуться длиннаго заостреннаго чувствительнаго отростка, который я назвалъ шупальцемъ (*Antenna*.) При прикосновеніи антенна передаетъ ощущение или колебаніе извѣстной перепонкѣ, которая сейчасъ же лопается. Вслѣдствіе этого освобождается какая-то пружина, которая выталкиваетъ пылецевую массу точно стрѣлу въ подходящемъ направленіи, и пылецевая масса прилипаетъ своимъ липкимъ концомъ къ спинѣ пчелы. Пылецевая масса мужского растенія переносится затѣмъ на цвѣтокъ женскаго растенія, гдѣ она приходится въ соприкосновеніе съ рыльцемъ. Это послѣднее достаточно липко, чтобы разорвать извѣстныя эластическія нити и удержать пылецевую массу, которая затѣмъ совершаетъ процессъ оплодотворенія.

Мы можемъ спросить о томъ, какъ объяснить себѣ въ вышеизложенныхъ случаяхъ, а также въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ постепенное измѣненіе сложности, а также разнообразныя средства, служащія для достиженія одной и той же цѣли. Безъ сомнѣнія, мы можемъ на этотъ вопросъ отвѣтить, что если двѣ уже отличающіяся другъ отъ друга въ незначительной степени формы измѣняются, то измѣненія ихъ будутъ не одинаковы, а слѣдовательно, результаты, обусловленные естественнымъ отборомъ въ его стремленіи къ одной и той же общей цѣли, тоже не будутъ одинаковы. Мы должны также не упускать изъ виду, что каждый высоко развитый организмъ уже претерпѣлъ длинный рядъ измѣненій, и что каждое измѣненіе какой-нибудь части организма стремится передаваться по наслѣдству. Такимъ образомъ, это измѣненіе не погибаетъ, а постоянно мѣняется все дальше и дальше. Строение каждой части любого вида, независимо отъ того, какой цѣли эта часть служить, представляетъ собою, слѣдовательно, сумму всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ унаслѣдованныхъ измѣненій, которыя претерпѣвались даннымъ видомъ въ теченіе его послѣдовательныхъ приспособленій къ измѣнившимся жизненнымъ условіямъ.

Хотя во многихъ случаяхъ очень трудно даже высказать предположеніе о томъ, сколько переходныхъ стадій пережили многіе органы, прежде чѣмъ они приняли свой современный видъ, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе незначительное число живущихъ въ настоящее время и извѣстныхъ формъ въ сравненіи съ числомъ погибшихъ и неизвѣстныхъ, я былъ очень удивленъ, когда нашелъ, что очень рѣдко встрѣчаются органы, для которыхъ неизвѣстна ни одна переходная ступень, ведущая къ его современной формѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что новые органы никогда или почти никогда не появляются у какого-нибудь существа внезапно, какъ будто они созданы для какой-нибудь специальной цѣли; это признается уже старымъ естественно-научнымъ правиломъ «*Natura non facit saltum*», правиломъ, которое толкуется слишкомъ широко. Эту мысль мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ чуть ли не всѣхъ опытныхъ естествоиспытателей. Мильнъ Эдвардъ выразилъ ее удачно слѣдующими словами: природа расточительна при создаваніи измѣненій, но скупа при создаваніи новообразованій. Какъ объяснить теорія сотворенія тотъ фактъ, что совершается очень много измѣненій и очень мало дѣйствительно новыхъ образованій? Чѣмъ объяснить то явленіе, что всѣ части и органы цѣлага ряда независимыхъ другъ отъ друга существъ, созданныхъ, какъ это многіе думаютъ, для своихъ специальныхъ мѣстъ въ природѣ, тѣмъ не менѣе находятся въ тѣсной взаимной связи благодаря постепеннымъ переходамъ? Почему природѣ не перескакивать внезапно отъ одной формы къ другой?

Стоя на точкѣ зрѣнія теоріи естественнаго отбора, мы можемъ прекрасно понять, почему природа этого не дѣлала. Въ самомъ дѣлѣ, естественный отборъ употребляетъ въ свою пользу лишь незначительныя, постепенныя измѣненія; онъ никогда не можетъ дѣлать большихъ и внезапныхъ скачковъ, а долженъ всегда идти впередъ небольшимъ и медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ...

* *

Достаточно обосновать то мнѣніе, что такой совершенный органъ, какъ глазъ, могъ быть созданъ путемъ естественнаго подбора, чтобы поколебать всякаго человѣка. Если разсуждать логично, то нельзя не признать возможности того, что при мѣняющихся жизненныхъ условіяхъ какой-нибудь органъ будетъ подвергаться цѣлому ряду постепенныхъ измѣненій въ своемъ составѣ, измѣненій, очень полезныхъ ему, и, наконецъ, путемъ естественнаго отбора достигнетъ очень высокой степени совершенства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ не извѣстны переходныя состоянія или промежуточныя формы, мы не должны торопиво дѣлать тотъ выводъ, что такія переходныя формы никогда не существовали. Въ самомъ дѣлѣ, метаморфозы многихъ органовъ показываютъ, какія прямо-таки чудесныя измѣненія возможны въ ихъ функціяхъ (отправленіяхъ). Такъ, напримѣръ, плавательный пузырь превратился въ легкое, вдыхающее воздухъ. Переходы должны были совершаться легче всего особенно тамъ, гдѣ одному и тому же органу приходилось выполнять одновременно очень различныя функціи, и онъ затѣмъ частью или цѣликомъ специализировался на одной изъ этихъ функцій. Точно также возможность переходовъ значительно облегчалась въ тѣхъ случаяхъ, когда два различныхъ органа выполняли одну и ту же функцію и одинъ изъ нихъ могъ совершенствоваться при поддержкѣ другого...

* *

Наука признаетъ, что всѣ органическія существа построены по двумъ великимъ законамъ, а именно, по законамъ единства типа и условій существованія. Подъ единствомъ типа мы понимаемъ сходство въ основномъ планѣ строения, находимое нами у членовъ одного и того же класса и не находящееся въ зависимости отъ ихъ образа жизни. По моей теоріи единство типа объясняется единствомъ происхожденія. Выраженіе «условія существованія», употреблявшееся особенно часто знаменитымъ Кювье, вполнѣ охватывается моимъ принципомъ естественнаго отбора. Вѣдь естественный отборъ или приспособляетъ въ настоящее время или приспособлялъ въ давно минувшія времена измѣничивыя части всякаго существа къ его органическимъ и неорганическимъ жизненнымъ условіямъ. Эти приспособленія могутъ быть во многихъ случаяхъ подкрѣплены усиленнымъ употребленіемъ или неупотребленіемъ; они могутъ быть легко затронуты непосредственнымъ влѣяніемъ вѣшнихъ жизненныхъ условій. Во всѣхъ случаяхъ они подчинены различнымъ законамъ роста и измѣненія. Такимъ образомъ, законъ условій существованія представляетъ собою въ дѣйствительности высшій законъ, такъ какъ вслѣдствіе наслѣдственной передачи прежнихъ измѣненій и приспособленій онъ охватываетъ собою законъ единства типа.

* *

Тотъ фактъ, что костный скелетъ одинаковъ въ рукѣ человѣка, какъ и въ крылѣ летучей мыши, въ ногѣ голубя и въ ногѣ лошади; тотъ фактъ, что шея жираффа, какъ и шея, слона состоитъ изъ одинаковаго количества позвонковъ.—эти факты, да и безчисленное множество другихъ, имъ подобныхъ, объясняются сразу изъ теоріи происхожденія возникновеніемъ незначительныхъ и медленно слѣдующихъ другъ за другомъ измѣненій.

Сходство строения крыла и ноги летучей мыши, предназначенных для совершенно различных функций, сходство строения челюстей и ног краба, сходство строения лепестковъ вѣтника, тычинокъ и пестиковъ цвѣтовъ—все это тоже объясняется допущеніемъ постепенныхъ измѣненій частей или органовъ, бывшихъ первоначально въ общей родовой формѣ каждаго изъ этихъ классовъ одинаковыми. Если мы будемъ придерживаться того взгляда, что постепенно возникающія измѣненія не всегда происходятъ уже въ раннемъ возрастѣ, и что они по наслѣдству тоже передаются не въ слишкомъ раннемъ, а приблизительно въ одинаковомъ возрастѣ, то тогда намъ станетъ ясно, почему зародыши млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ такъ похожи другъ на друга и такъ не похожи на свои взрослые формы. Тогда мы не станемъ больше удивляться по поводу того, что зародышъ вдыхающаго воздухъ млекопитающаго или птицы обладаетъ жаберными щелями и артеріями, тянущимися въ видѣ дугъ, подобно рыбѣ, которой приходится дышать при помощи хорошо развитыхъ жабръ растворенный въ водѣ воздухъ.

Если при измѣнившемся образѣ жизни или при мѣняющихся жизненныхъ условіяхъ какой-нибудь органъ становится бесполезнымъ, то часто онъ начинаетъ чахнуть вслѣдствіе неупотребленія, поддерживаемаго иногда естественнымъ отборомъ. Считаюсь съ этимъ, мы можемъ получить правильное представление о значеніи рудиментарныхъ органовъ. Но неупотребленіе и естественный отборъ будутъ обыкновенно дѣйствовать на каждое существо лишь тогда, когда оно созрѣло и вынуждено принимать самостоятельное участіе въ борьбѣ за существованіе. Поэтому оба эти фактора будутъ оказывать лишь очень незначительное вліяніе на какой-нибудь органъ въ его раннемъ возрастѣ. Вслѣдствіе этого въ раннемъ возрастѣ органъ не чахнетъ, не уменьшается. Такъ, напримѣръ, у тельца въ верхней челюсти есть рѣзцы, которые, однако, никогда не прорѣзываются; эти рѣзцы тельцовъ унаслѣдовали отъ какого-нибудь стараго предка съ хорошо развитыми зубами. Мы можемъ предположить, что вслѣдствіе неупотребленія рѣзцы уменьшались и вырождались у взрослого животнаго въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, такъ какъ для поѣданія пшеницы прекрасно приспособились языкъ и небо или губы путемъ естественнаго отбора. У тельца эти зубы не подвергались вліянію, и по принципу наслѣдственной передачи особенностей для одинаковыхъ ступеней возраста, онъ до настоящаго времени получаетъ ихъ по наслѣдству. Если мы будемъ придерживаться того взгляда, что каждое органическое существо представляетъ собою со всеми своими отдѣльными частями продуктъ особаго творческаго акта, то для насъ остается совершенно необъяснимымъ тотъ фактъ, что очень часто встрѣчаются органы, носящіе ясно выраженную печать бесполезности. органы въ родѣ никогда не прорѣзывающихся рѣзцовъ тельца или въ родѣ сморщенныхъ крыльевъ, находящихся подъ сросшимися надкрыльниками многихъ жуковъ. Мы можемъ сказать, что природа позаботилась о томъ, чтобы при посредствѣ рудиментарныхъ органовъ, эмбріональных и однородныхъ образованій открыть передъ нами планъ своей дѣятельности, но что мы слишкомъ слѣпы для того, чтобы познать его... В.

Такъ какъ мои выводы нерѣдко изображались въ ложномъ свѣтѣ, и такъ какъ высказывалась мысль, будто я приписываю измѣненіе вида исключительно естественному отбору, то я позволяю себѣ указать, что въ первомъ изданіи своего труда, а также и въ другихъ изданіяхъ, я высказываю въ очень важномъ мѣстѣ своей книги, а именно, въ концѣ введенія, слѣдующее: «я убѣжденъ въ томъ, что естественный отборъ былъ самымъ главнымъ, хотя и не единственнымъ факторомъ измѣненія жизненныхъ

формъ». Эти мои слова однако нисколько не помогли. Ложное толкованіе всегда держится упорно, пока его постоянно повторяютъ. Но исторія науки учитъ насъ, что оно, къ счастью, держится недолго.

Врядъ ли можно допустить, чтобы ложная теорія объясняла различные значительныя группы вышеперечисленныхъ фактовъ такъ же удовлетворительно, какъ это дѣлаетъ моя теорія естественнаго отбора. Въ послѣднее время мнѣ возражали, что построенные на такой почвѣ выводы не основательны; но я примѣнялъ въ данномъ случаѣ тотъ самый методъ, который примѣняется при сужденіяхъ объ обычныхъ событіяхъ въ жизни и который часто примѣнялся величайшими естествоиспытателями. Такимъ путемъ дошли до эфирной теоріи свѣта, а также теорія вращенія земли вокругъ себя и врядъ ли подкрѣплялась до послѣдняго времени какимъ-нибудь непосредственнымъ доказательствомъ. Если вы станете возражать, что наука до настоящаго времени не освѣтила еще болѣе высокую проблему о сущности или происхожденіи жизни, то это будетъ неосновательнымъ возраженіемъ. Кто могъ бы объяснить, что такое сущность притяженія или тяготѣнія? Хотя Лейбницъ и обвинялъ когда-то Ньютона въ томъ, что онъ ввелъ «въ философію скрытыя качества и чудеса», тѣмъ не менѣе мы безъ всякихъ возраженій принимаемъ результаты, вытекающіе изъ этого неизвѣстнаго намъ элемента притяженія.

Я не вижу никакихъ уважительныхъ основаній, которые бы говорили намъ, что выставленные въ этой книгѣ взгляды оскорбляютъ чьи-нибудь религіозныя чувства. Если мы вспомнимъ, что величайшее открытіе, когда-либо сдѣланное человѣкомъ, а именно, законъ тяготѣнія, тоже подвергался нападкамъ со стороны Лейбница, «потому что онъ подкапывается подъ естественную религію и отрицаетъ религію, полученную нами путемъ откровенія»,—то этотъ фактъ насъ можетъ успокоить, такъ какъ изъ него мы видимъ, какъ преходящи подобныя впечатлѣнія. Какъ мнѣ писалъ одинъ знаменитый писатель и священникъ, «онъ постепенно научился понимать, что мысль о сотвореніи нѣсколькихъ основныхъ типовъ, способныхъ къ саморазвитію и переходу въ другія формы, вызываетъ въ насъ такое же возвышенное представленіе о божествѣ, какъ та мысль, что Богъ постоянно нуждается въ новыхъ творческихъ актахъ для заполнения пробѣловъ, возникшихъ подъ дѣйствіемъ имъ же установленныхъ законовъ».

Но почему, спросите вы меня, почти всѣ выдающіеся живые естествоиспытатели и геологи отвергали до послѣдняго времени этотъ взглядъ на измѣнчивость вида? Вѣдь нельзя утверждать, что органическія существа не подвергаются въ дикомъ, природномъ состояніи измѣненіямъ. Нельзя доказать, что въ теченіе долгаго промежутка времени размѣры измѣненій представляютъ собою ограниченную величину. До сихъ поръ не было указано, да и не можетъ быть указано определенное различіе между видами и ясно выраженными разновидностями. Нельзя утверждать, что при скрещиваніи виды, безъ исключенія, неплодородны, а разновидности неизмѣнно плодородны. Нельзя также утверждать, что неплодородность представляетъ собою особый даръ и является признакомъ того, что данное существо сотворено. Въра въ то, что виды представляютъ собою неизмѣнные продукты, была почти неизбежна до тѣхъ поръ, пока землѣ приписывалась кратковременная исторія развитія. Теперь, когда мы знаемъ, какъ стара исторія земли, мы очень склонны признать безъ всякихъ доказательствъ, что геологическіе документы очень полны и что, если бы виды претерпѣвали какія-нибудь измѣненія, то въ этихъ документахъ мы нашли бы ясное доказательство этихъ измѣненій.

Но, главнымъ образомъ, мы не склонны признать возможность созданія одного вида другимъ, отличнымъ отъ него видомъ потому, что мы

всегда съ большой опаской допускаемъ возможность значительныхъ измѣненій, разъ мы не знаемъ ихъ промежуточныхъ ступеней. Тутъ передъ нами та же трудность, съ которою считались геологи тогда, когда Ляйэлль впервые выступилъ съ утвержденьемъ, что материковые горные хребты и большія долины образовались подъ влияниемъ тѣхъ же самыхъ силъ, дѣятельность которыхъ мы наблюдаемъ еще и въ настоящее время. Нашъ умъ не въ состояніи понять всего значенія выраженія «милліонъ лѣтъ». Онъ не можетъ вычислить и понять всѣ размѣры слѣдствій, вытекающихъ подъ влияниемъ накопленія множества мелкихъ измѣненій въ теченіе почти безконечнаго ряда поколѣній.

Будучи вполне убѣжденъ въ истинности высказываемыхъ въ этой книгѣ взглядовъ, я тѣмъ не менѣе совершенно не питаю надежды на то, что мнѣ удастся убѣдить въ этомъ опытныхъ естествоиспытателей, умъ которыхъ заполненъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, разсматриваемыхъ ими по укоренившейся привычкѣ съ такой точки зрѣнія, которая совершенно противоположна моей. Очень легко прикрывать наше невѣжество выраженіями въ родѣ «творческій планъ», «единство типа» и т. д., и думать при этомъ, что мы даемъ какое-нибудь объясненіе, между тѣмъ какъ мы только повторяемъ фактъ. Тотъ, кто отъ природы склоненъ придавать больше цѣнности необъясненнымъ трудностямъ, чѣмъ объясненію опредѣленнаго ряда фактовъ, тотъ безусловно отвергнетъ мою теорію. На нѣкоторыхъ немногихъ естествоиспытателей, обладающихъ болѣе гибкимъ умомъ и уже раньше усумнившихся въ неизмѣнності видовъ, эта книга, по всей вѣроятности, произведетъ нѣкоторое впечатлѣніе. Но я гляжу съ вѣрой въ будущее, когда появятся молодые и стремящіеся впередъ естествоиспытатели, которые будутъ въ состояніи подвергнуть безпристрастному, безпартійному суду обѣ стороны вопроса. Всякій, кто склоненъ къ тому взгляду, что виды измѣнчивы, окажетъ чистосердечнымъ признаніемъ своего убѣжденія большую услугу наукѣ, такъ какъ только такимъ путемъ можно будетъ постепенно снести гору предразсудковъ, подъ которыми похоронена эта проблема.

Нѣкоторые выдающіеся естествоиспытатели высказывались еще недавно въ томъ смыслѣ, что очень многіе виды въ каждомъ семействѣ не представляютъ собою дѣйствительныхъ видовъ и что, напротивъ, другіе виды являются дѣйствительными, т. е. самостоятельно созданными видами. Мнѣ кажется удивительнымъ, какимъ образомъ можно придти къ такому выводу. Эти господа признаютъ, что многія формы, разсматривавшіяся ими до послѣдняго времени, какъ спеціальныя творенія, и разсматриваемыя большинствомъ естествоиспытателей еще и въ настоящее время, какъ таковыя, (т. е. такія формы, которыя обладаютъ ясно выраженнымъ характеромъ видовъ), произошли путемъ измѣненія. И въ то же время они не хотятъ распространить это воззрѣніе на другія формы, которыя отличаются только очень незначительнымъ образомъ отъ этихъ первыхъ формъ. Тѣмъ не менѣе они не утверждаютъ, что могутъ дать какое-нибудь опредѣленіе или даже высказать какое-нибудь предположеніе относительно того, какія жизненныя формы созданы и какія возникли подъ дѣйствіемъ вторичныхъ законовъ. Въ одномъ случаѣ они признаютъ измѣненія, а въ другомъ—они ихъ произвольно отвергаютъ, не указывая на тѣ причины, которыми обосновывается это различіе въ обоихъ случаяхъ. Въ будущемъ этотъ фактъ будетъ приводиться, какъ своеобразная иллюстрація слѣпоты предвзятаго мнѣнія. Какъ мнѣ кажется, эти писатели приходятъ не въ большее удивленіе по поводу чудеснаго творческаго акта, чѣмъ по поводу обычныхъ родовъ. Но неужели они дѣйствительно думаютъ, что въ очень многіе моменты исторіи нашей земли каждый разъ

атомамъ опредѣленныхъ элементовъ отдавался приказъ соединиться другъ съ другомъ для образованія живыхъ тканей? Придерживаются ли они того взгляда, что каждый творческій актъ создавалъ лишь одну особь или—многихъ особей? Были ли всѣ эти безчисленные виды растений и животныхъ сотворены въ формѣ сѣмянъ и яицъ или они были созданы въ видѣ взрослыхъ особей? И были ли, особенно млекопитающія, сотворены со всѣми ложными признаками питанія во чревѣ матери? Безъ сомнѣнія, на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ смогутъ дать отвѣтъ тѣ люди, которые вѣрятъ въ сотвореніе лишь немногихъ первоначальныхъ формъ или какой-нибудь одной единственной формы организмовъ. Различные писатели старались увѣрить насъ въ томъ, что въ сотвореніе милліона существъ можно вѣрить такъ же легко, какъ и въ сотвореніе одного существа. Но философскій принципъ «самаго незначительнаго дѣйствія», установленный Мопертюи, заставляетъ насъ предпочесть небольшое число. И во всякомъ случаѣ, мы не можемъ вѣрить въ то, чтобы одинъ единичный творецъ создалъ безчисленное множество существъ въ каждомъ крупномъ классѣ съ очевидными и тѣмъ не менѣе обманчивыми признаками общаго происхождения.

Мнѣ приходилось прежде говорить съ очень многими естествоиспытателями на тему объ эволюціи, и я ни разу не наталкивался на сочувственное отношеніе къ этой идеѣ. По всей вѣроятности тогда нѣкоторые вѣрили въ эволюцію, но или они молчали, или они выражались такъ двусмысленно, что понять ихъ мнѣніе было нелегко. Теперь положеніе вещей совершенно измѣнилось, и чуть ли не каждый естествоиспытатель признаетъ принципъ постепеннаго развитія. Однако, нѣкоторые естествоиспытатели и теперь еще думаютъ, что виды создавали изъ себя внезапно совершенно новыя и отличныя формы при помощи какихъ-то необъясненныхъ средствъ. Но, какъ я уже показалъ, противъ допущенія значительныхъ и внезапныхъ измѣненій можно привести очень всѣкія возраженія. Съ научной точки зрѣнія, а также для дальнѣйшихъ изслѣдованій, изъ гипотезы о томъ, что новыя формы развивались внезапно необъяснимымъ путемъ изъ старыхъ и очень отличныхъ отъ нихъ формъ, можно извлечь немногимъ больше выгоды, чѣмъ изъ старой вѣры въ возникновеніе видовъ изъ земной пыли.

Мнѣ могутъ еще задать вопросъ о томъ, какъ далеко я распространяю свое ученіе объ измѣненіи видовъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ трудно, такъ какъ тѣмъ болѣе различны формы, разсматриваемыя нами, тѣмъ меньше аргументовъ можно привести въ пользу общаго происхожденія ихъ и тѣмъ меньшую доказательную силою обладаютъ эти аргументы. Но нѣкоторыя очень всѣкія доказательства распространяются далеко. Всѣ члены цѣлыхъ классовъ могутъ быть соединены другъ съ другомъ узлами родства и расположены въ группѣ по одному и тому же принципу, при чемъ эти группы подчинены другимъ группамъ. Нерѣдко ископаемые остатки въ состояніи заполнить крупныя пробѣлы между существующими порядками системы.

Часто рудиментарные органы доказываютъ намъ, что у какого-нибудь древняго предка эти органы были вполне развиты. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ наличность этихъ органовъ говорить за значительные размѣры измѣненій потомковъ даннаго предка. Нѣкоторые образованія построены у цѣлыхъ классовъ по одному и тому же плану, и въ раннемъ возрастѣ зародыши крайне похожи другъ на друга. Поэтому я не сомнѣваюсь въ томъ, что теорія общаго происхожденія охватываетъ всѣ члены одного и того же класса или одного и того же царства. Мнѣ думается, что животныя, а также и растенія происходятъ не больше, чѣмъ отъ четырехъ или пяти родовыхъ формъ.

Я бы пошелъ, основываясь на аналогіи, еще дальше, а именно, я бы высказалъ то мнѣніе, что все растенія и животныя происходятъ только отъ одной основной формы. Но аналогія можетъ оказаться обманчивой руководительницей. Однако, все живыя существа обнаруживаютъ много общихъ чертъ въ своемъ химическомъ составѣ, кѣлѣточномъ строеніи, законахъ роста и чувствительности къ вреднымъ влияніямъ. Это мы можемъ наблюдать даже на томъ незначительномъ явленіи, что одинъ и тотъ же ядъ дѣйствуетъ на растенія и животныя одинаковымъ образомъ или что выдѣленный орѣхотворкой ядъ вызываетъ чудовищные наросты, какъ на дикой розѣ, такъ и на дубѣ. У всехъ органическихъ существъ, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, половое размноженіе, какъ кажется, по существу своему сходно. У всехъ у нихъ, поскольку это до сихъ поръ извѣстно, зародышевый пузырекъ одинаковъ. Поэтому-то каждое индивидуальное органическое существо отходитъ отъ общаго корня. И если мы даже остановимся на томъ фактѣ, что органическія существа раздѣляются на два царства, а именно, на царство растеній и царство животныхъ, то и тутъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми низшими формами, стоящими по своимъ свойствамъ настолько посрединѣ между этими обоими царствами, что естественныя испытатели еще спорятъ между собою по поводу того, къ какому царству отнести эти формы. Профессоръ А. Грэй замѣтилъ, что «споры и другія восприимчивыя органы нѣкоторыхъ несовершенныхъ водорослей ведутъ сначала характерное для животныхъ существованіе и затѣмъ лишь начинаютъ вести ясно выраженное растительное существованіе». Согласно принципу естественнаго отбора, ведущаго къ расхожденію свойствъ, намъ кажется не невѣроятнымъ, что изъ такихъ низшихъ промежуточныхъ формъ развились оба царства: и царство растеній, и царство животныхъ. И если мы признаемъ это, то мы должны также признать, что все органическія существа, жившія когда-либо на этой землѣ, происходятъ отъ какой-нибудь одной основной формы. Но этотъ выводъ основанъ, главнымъ образомъ, на аналогіи, и поэтому несущественно, признаете ли вы его или нѣтъ...

Если мы можемъ считать себя увѣренными въ томъ, что все особи одного вида и все находящіяся въ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ виды большей части семействъ произошли не въ очень отдаленномъ прошломъ отъ одного общаго предка и расселились по землѣ изъ одной общей родины; если мы еще лучше ознакомимся съ тѣми средствами, которыя оказывали благотворное влияние на эти виды при ихъ расселеніи,—то тогда свѣтъ, пролитый и еще проливаемый теперь геологіей на вопросъ о прежнихъ измѣненіяхъ климата и отношеній уровня земной поверхности, чудеснымъ образомъ сдѣлаетъ возможнымъ для насъ изученіе прежнихъ странствованій обитателей земли. Уже въ настоящее время сравненіе обитателей моря у двухъ противоположныхъ береговъ какого-нибудь материка и сравненіе средствъ переселенія разнообразныхъ обитателей самого материка въ можетъ послужить для освѣщенія вопроса о старой географіи.

Благородная геологія теряетъ немного отъ своего блеска вслѣдствіе чрезвычайной неполноты своихъ документовъ. Земную кору съ содержащимися въ ней органическими остатками надо разсматривать не какъ хорошій музей, въ которомъ все представлено, а лишь какъ случайную, бѣдную коллекцію, въ которую вещи вносились только время отъ времени. Отложенія каждой крупной системы, содержащей ископаемыхъ, представляють собою результатъ необычайнаго совпаденія благоприятныхъ условий, а пустые промежутки, находящіеся между слѣдующими другъ за другомъ періодами отложеній, соответствуютъ очень и очень значитель-

нымъ промежуткамъ времени. Однако, мы будемъ въ состояніи измѣрить нѣкоторымъ образомъ длину этихъ эпохъ путемъ сравненія предшествующихъ органическихъ формъ съ послѣдующими. Согласно законамъ послѣдовательности органическихъ существъ, мы должны быть крайне осторожными въ своихъ попыткахъ разсматривать двѣ системы, не содержащія большого количества одинаковыхъ видовъ, какъ вполне одновременныя явленія. Виды возникали и погибали подъ влияніемъ медленно дѣйствовавшихъ и еще нынѣ дѣйствующихъ причинъ, а не отъ чудесныхъ творческихъ актовъ. Кромѣ того, самая важная причина органическихъ измѣненій, а именно, взаимоотношенія между организмами (а въ результатъ этихъ взаимоотношеній улучшеніе одного организма обуславливаетъ улучшеніе или гибель другого).—почти совершенно независима отъ измѣненія физическихъ условий, при чемъ это измѣненіе физическихъ условий могло происходить и внезапно. А разъ это такъ, то степень измѣненія ископаемыхъ существъ между двумя системами можетъ служить хорошимъ масштабомъ для опредѣленія длины времени, отдѣляющаго одну систему отъ другой. Но мы не должны переоцѣнивать этотъ масштабъ, взятый нами изъ органическихъ измѣненій. Въ самомъ дѣлѣ, очень многіе виды, жившіе вмѣстѣ массами, могли долгое время оставаться неизмѣнными, а въ то же время цѣлый рядъ этихъ же видовъ, переселившихся въ новыя мѣстности и вступившихъ въ борьбу съ новыми конкурентами, могли претерпѣть измѣненія.

Въ отдаленномъ будущемъ я вижу, какъ раскроются области для другихъ еще болѣе важныхъ изслѣдованій. Психологія будетъ безусловно опираться на хорошо обоснованномъ Гербертомъ Спенсеромъ положеніи, что каждая способность можетъ по необходимости быть приобрѣтена лишь постепенно. Свѣтъ прольется на происхожденіе и исторію человѣчества.

Очень выдающіеся писатели кажутся вполне удовлетворенными тѣмъ взглядомъ, что каждый видъ сотворенъ независимо отъ другихъ. По моему мнѣнію, съ законами, внесенными въ матерію творцомъ, куда болѣе сходится та мысль, что возникновеніе и гибель прежнихъ и современныхъ обитателей земли обусловлены вторичными причинами, подобными тѣмъ причинамъ, которыя опредѣляютъ рожденіе и смерть особи. Если я разсматриваю все существа не какъ особыя продукты творчества, а какъ потомковъ нѣкоторыхъ немногихъ предковъ, уже имѣвшихъ на лицо за долго до отложенія кембрийскихъ пластовъ, то мнѣ кажется, что этимъ я облагораживаю эти существа. И судя по прошлому, мы можемъ со спокойною совѣстью предположить, что ни одинъ изъ живущихъ въ настоящее время видовъ не передастъ своего неизмѣннаго облика отдаленному будущему. Вообще, только у очень немногихъ изъ живущихъ въ настоящее время видовъ будутъ потомки въ отдаленномъ будущемъ, такъ какъ характеръ группировки всехъ органическихъ существъ въ системы показываетъ намъ, что большая часть видовъ каждого семейства и все виды многихъ семействъ не оставляли послѣ себя потомства, а совершенно погибли. Мы можемъ бросить пророческій взглядъ въ будущее и предсказать, что самые обычные и наиболѣе распространенные виды, относящіеся къ крупнымъ и господствующимъ группамъ класса, въ концѣ концовъ переживутъ другіе виды и дадутъ начало новымъ господствующимъ видамъ. Такъ какъ все современныя жизненныя формы являются прямыми потомками формъ, жившихъ задолго до кембрийскаго періода, то мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что правильная регулярная послѣдовательность поколѣній никогда не прерывалась, и что никогда какой-либо потокъ не уничтожалъ всего міра. Слѣдовательно, мы можемъ съ полною вѣрою смотрѣть въ будущее, которое тоже будетъ непрерывно длиннымъ. И такъ какъ естественный

отборъ дѣйствуетъ цѣликомъ на благо каждаго существа, то каждое дальнѣйшее тѣлесное и духовное измѣненіе существъ будетъ содѣйствовать ихъ усовершенствованію.

Приятно глядѣть на береговую полосу, покрытую цвѣтущими растеніями различнаго рода, съ поющими птицами въ кустахъ, съ носящимися въ воздухѣ насѣкомыми, съ ползущими въ сырой почвѣ червями и при этомъ размышлять надъ тѣмъ, что всѣ эти искусственно построенныя жизненные формы, отличающіяся такъ сильно другъ отъ друга и находящіяся въ то же время въ такой сложной взаимной зависимости, созданы на свѣтъ законами, которыя еще и теперь дѣйствуютъ вокругъ насъ безпрестанно. Эти законы, взятые въ самомъ широкомъ смыслѣ, гласятъ: ростъ и размноженіе; наследственность, чуть ли не охватываемая понятіемъ размноженія; измѣнчивость, обусловленная косвеннымъ или непосредственнымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ жизненныхъ условий и употребленія или неупотребленія органовъ; быстрое размноженіе, ведущее къ борьбѣ за существованіе и къ естественному отбору, какъ результату этой борьбы, при чемъ естественный отборъ обуславливаетъ расхожденіе свойствъ и гибель менѣ совершенныхъ формъ. Такимъ образомъ, изъ борьбы природы, изъ голода и смерти вытекаютъ рѣшеніе высшей проблемы, которую мы въ состояніи охватить, а именно, проблемы образованія все вышшихъ и болѣе совершенныхъ животныхъ. По истинѣ величественъ тотъ фактъ, что творецъ вдохнулъ зачатки всей жизни, окружающей насъ, лишь въ немногія формы или даже только въ одну единичную форму, и что въ то время, когда наша планета, слѣдуя строжайшимъ законамъ тяготѣнія, начала свое вращательное движеніе, изъ простыхъ началъ развился и еще теперь развивается безконечный рядъ прекраснѣйшихъ и дивнѣйшихъ формъ.

В.

3. Происхожденіе человѣка.

По строенію и функціямъ тѣла человѣкъ является животнымъ. Онъ размножается такъ же, какъ и млекопитающее животное. Рудиментарные органы. Рудиментарные мускулы. Волосы. Слѣпая кишка. Атавизмъ. Общее родословное дерево человѣка и животного. Человѣкъ не сотворенъ, а развился изъ низшаго животного. Его развитіе обусловлено естественнымъ оборотомъ. Расы. Человѣкъ происходитъ отъ вида обезьянъ. Умъ человѣка отличается отъ ума животного только по степени. Языкъ. Соціальныя инстинкты. Правдивость. Совѣсть. Общее благо. Похвала и порицаніе. «Наибольшее счастье». Правдивая культура. Вѣра въ бога. Вѣра въ безсмертіе. Дарвинизмъ не противорѣчитъ. Половой подборъ. Приманки при ухаживаніи. Половые характеры. Половая борьба. Наследственность и измѣненіе. Чувство красоты въ любовномъ выборѣ. Различія между мужчиной и женщиной. Борьба изъ-за женщины. Духовныя различія между мужчиной и женщиной. Женщина болѣе пѣжна. Мужчина превосходитъ женщину творческимъ духомъ. Геніальный ухаживатель побѣждаетъ. Благодаря чему духовная дифференціалія мужчины и женщины постоянна. Мѣсто человѣка въ ряду животныхъ. У муравья тоже есть культура. Сходство между человѣкомъ и обезьяной. Прогрессъ, какъ улучшеніе, дифференціалія и специализація. Родословное дерево видовъ. Человѣкъ, какъ продуктъ своего ряда предковъ. Опрометчивость при заключеніи браковъ. Свободная конкуренція способностей. Варварство нашихъ предковъ. Отъ низшихъ ступеней развитія къ высшимъ.

Мнѣ казалось вполне достаточнымъ сдѣланное мною въ первомъ изданіи моего «Происхожденія видовъ» указаніе на то, что эта книга проливаетъ также свѣтъ на вопросъ о происхожденіи и исторіи человѣчества. Въдѣ въ этомъ указаніи заключалась та мысль, что въ нашихъ общихъ выводахъ о способѣ появленія человѣка на землѣ человѣкъ долженъ быть связанъ во-едино съ другими органическими существами... Ч.

Часто отбѣнялась та мысль, что происхожденіе человѣка никогда нельзя

будетъ разгадать. Но отцомъ увѣренности является куда чаще невѣжество, чѣмъ знаніе. Увѣренное и положительное заявленіе о томъ, что та или иная проблема никогда не будетъ рѣшена глупой, вы можете всегда услышать отъ тѣхъ, которые мало знаютъ, а не отъ тѣхъ, которые много знаютъ. Мысль о томъ, что человѣкъ, подобно другимъ видамъ, является потомкомъ какихъ-нибудь другихъ низшихъ и вымершихъ формъ, совсѣмъ не нова. Уже давно Ламаркъ пришелъ къ этому выводу. А въ послѣднее время его придерживаются многіе выдающіеся естествоиспытатели и философы, какъ, напримѣръ, Уоллестъ, Гексли, Лайэлль, Фогтъ, Лэббокъ, Бюхнеръ и, особенно, Геккель... Ч.

Достоверно извѣстно, что человѣкъ построенъ по тому же общему типу, по той же модели, что и остальные млекопитающія. Всѣ кости его скелета могутъ быть сравнены съ костями обезьяны или летучей мыши, или тюленя. То же самое относится къ его мышцамъ, нервамъ, кровеноснымъ сосудамъ и внутренностямъ. Тѣмъ же законамъ образованія подчиняется, какъ это показали Гексли и другіе анатомы, мозгъ, этотъ наиболѣе замѣчательный изъ всѣхъ органовъ. Бишофъ, находящійся въ ряду моихъ противниковъ, признаетъ, что для каждой существенной щели и складки въ мозгу человѣка можно найти аналогичную щель и складку въ мозгу орангутанга; но онъ прибавляетъ къ этому, что ни въ одинъ изъ періодовъ развитія мозгъ человѣка не сходитъ вполне съ мозгомъ орангутанга. Полнаго сходства и нельзя было ожидать, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ духовныя способности были бы тождественны...

Однако, стоить специально указать на нѣкоторые пункты, которые не находятся въ непосредственной или очевидной связи съ строеніемъ тѣла, и изъ которыхъ въ то же время ясно вытекаетъ это совпаденіе или родство.

Человѣкъ можетъ перенимать отъ другихъ животныхъ или передавать другимъ животнымъ извѣстныя болѣзни, какъ, напримѣръ, водобоязнь, оспу, сифилисъ, холеру, лишаи и т. д. И этотъ фактъ доказываетъ значительное сходство въ ихъ тканяхъ и крови. Онъ доказываетъ наличность сходства какъ въ болѣе тонкихъ деталяхъ ихъ строенія, такъ и въ ихъ составѣ, и при этомъ онъ доказываетъ это сходство куда янѣе, чѣмъ это можно сдѣлать путемъ сравненія тканей подъ лучшимъ микроскопомъ или при посредствѣ самаго тщательнаго химическаго анализа... Ч.

Человѣка мучаютъ какъ внутренніе паразиты, вызывающіе временами смерть его, такъ и внѣшніе паразиты. Всѣ эти паразиты принадлежатъ къ тѣмъ же родамъ или семействамъ, какъ и паразиты, живущіе на другихъ млекопитающихъ. Что же касается вызывающаго зудъ клеща, то и на человѣкѣ и на животномъ находитъ себѣ пріютъ одинъ и тотъ же видъ его. Подобно другимъ млекопитающимъ, птицамъ и даже насѣкомымъ, человѣкъ подчиненъ тому таинственному закону, согласно которому извѣстныя нормальныя явленія, какъ, напримѣръ, беременность, а также продолжительность извѣстныхъ болѣзней слѣдуютъ луннымъ фазамъ. Его раны излѣчиваются посредствомъ тѣхъ же процессовъ, а оставшіеся послѣ ампутаціи его члены остатокъ обладаютъ иногда, а особенно во время болѣе ранняго зародышеваго состоянія, извѣстною способностью регенераціи, подобною той, которую мы наблюдаемъ у низшихъ животныхъ.

Все явленіе размноженія, представляющаго собою важнѣйшую функцію, тождественно у всѣхъ млекопитающихъ, начиная съ того момента, какъ самецъ домогается самки и кончая рожденіемъ и вскармливаніемъ дѣтеныша. Обезьяны рождаются въ чуть ли не такомъ же безпомощномъ состояніи,

какъ наши собственныя дѣти, и у извѣстныхъ родовъ обезьянъ дѣтеныши по своему внѣшнему виду отличаются точно такъ же отъ взрослыхъ, какъ человѣческія дѣти отъ своихъ взрослыхъ родителей. Нѣкоторые писатели считаютъ очень важнымъ тотъ отличительный признакъ, что у человѣка дѣти становятся зрѣлыми въ куда болѣе позднемъ возрастѣ, чѣмъ у какого-либо другого животнаго. Но если мы бросимъ взглядъ на человѣческія расы, живущія въ тропическихъ странахъ, то мы увидимъ, что различіе это незначительно. Въ самомъ дѣлѣ, orangutanъ, какъ принято думать, становится зрѣлымъ не раньше, чѣмъ въ 10—15 лѣтъ. Мужчина отличается отъ женщины своею физическою силою, волосатостью и т. д. точно такимъ же образомъ, какъ отличаются у многихъ млекопитающихъ представители обоихъ половъ другъ отъ друга. То же самое можно сказать о духовныхъ различіяхъ. Вообще, какъ по строенію, такъ и по тонкой структурѣ тканей, какъ по химическому составу, такъ и по тѣлосложенію, человѣкъ очень близко подходитъ къ высшимъ животнымъ и, особенно, къ человекообразнымъ обезьянамъ...

Человѣкъ развивается изъ яичка, длина поперечника котораго равняется, приблизительно, $\frac{1}{125}$ дюйма (0,2 миллиметра). Это яичко ничѣмъ не отличается отъ яичекъ другихъ животныхъ. Даже зародышъ человѣка можно на раннихъ ступеняхъ его развитія еле-еле отличить отъ зародышей другихъ членовъ царства позвоночныхъ. Въ этотъ періодъ шейныя артеріи тянутся въ видѣ дугообразныхъ вѣтвей, какъ будто онѣ подводятъ кровь къ жабрамъ, которыхъ у высшихъ позвоночныхъ нѣтъ. Однако, щели остаются по бокамъ шеи и указываютъ на прежнее положеніе жабръ. Немного позже, когда начинаютъ развиваться члены, изъ одной и той же основной формы возникаютъ, какъ замѣчаетъ знаменитый фонъ-Беръ, ноги ящерицъ и млекопитающихъ животныхъ, крылья и ноги птицъ, а также руки и ноги человѣка. «Лишь на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія», говоритъ профессоръ Гексли, «молодое человѣческое существо обнаруживаетъ ясно выраженныя отличія отъ молодой обезьяны, которая въ своемъ развитіи такъ же сильно отклоняется отъ собаки, какъ и человѣкъ. Хотя это послѣднее утвержденіе можетъ показаться крайне страннымъ, но оно правильно, и правильность его можно доказать...». Ч.

Вы не найдете ни одного высшаго животнаго, у котораго одна какая-нибудь часть организма не находилась бы въ рудиментарномъ состояніи, и человѣкъ не составляетъ исключенія изъ этого правила. Рудиментарныя органы надо отличать отъ органовъ, находящихся на пути къ образованію, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ нелегко провести между ними грань.

Рудиментарныя органы или совершенно бесполезны, какъ, напримѣръ, соски самцовъ млекопитающихъ, никогда не прорѣзывающіеся верхніе рѣзцы жвачныхъ и т. п., или они приносятъ такую незначительную пользу своему обладателю, что мы не можемъ допустить, чтобы они развились при господствующимъ въ настоящее время условіяхъ. Строго говоря, органы, находящіеся въ такомъ состояніи, нельзя назвать рудиментарными, но они обнаруживаютъ тенденцію къ тому, чтобы стать рудиментарными. Что же касается органовъ, находящихся на пути къ развитію, то хотя они и не совсѣмъ еще развиты, но тѣмъ не менѣе они приносятъ громадную пользу своимъ обладателямъ и способны къ дальнѣйшему развитію. Рудиментарныя органы крайне измѣнчивы, и это можно, отчасти, объяснить тѣмъ, что они бесполезны или почти бесполезны и вслѣдствіе этого не подлежатъ болѣе естественному отбору. Часто они совершенно подавляются; но и тогда они тѣмъ не менѣе могутъ иногда вновь появиться, и на этотъ фактъ нельзя не обращать вниманія.

Главными причинами, приведшими органы въ рудиментарное состояніе, являлись, какъ кажется, неупотребленіе этихъ органовъ въ тотъ жизненный періодъ, когда органъ находитъ главное свое употребленіе (а это имѣетъ, по большей части, мѣсто въ періодъ зрѣлости) въ связи съ наследственной передачей, относящейся къ соответствующему возрасту... Ч.

Во многихъ частяхъ человѣческаго тѣла были найдены различныя мускулы въ рудиментарномъ состояніи, и у человѣка можно найти въ значительно упадочномъ состояніи много мускуловъ, имѣющихся налицо у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ. Каждому изъ насъ, должно быть, приходилось наблюдать, съ какою силою многія животныя, особенно лошади, приводятъ въ движеніе или заставляютъ дрожать свою кожу. Тутъ дѣйствуетъ мускулъ *Panniculus carnosus*. Остатки этого мускула, обладающіе еще способностью дѣйствовать, можно найти въ различныхъ частяхъ нашего тѣла, какъ, напримѣръ, на лбу, гдѣ имъ приводятся въ движеніе брови.

Нѣкоторые люди обладаютъ способностью сокращать поверхностныя мускулы кожи головы. Эти мускулы находятся въ состояніи измѣненія, а отчасти въ рудиментарномъ состояніи. А де-Кандолль сообщилъ мнѣ интересный примѣръ продолжительнаго сохраненія или продолжительной наследственной передачи этой способности, оказавшейся притомъ чрезвычайно сильно развитой. Онъ знаетъ семью, одинъ изъ членовъ которой (являющійся въ настоящее время главой семьи) умѣлъ въ молодости бросать своей головой тяжелыя книги, приводя при этомъ въ движеніе только кожу своей головы. Выполненіемъ этого фокуса онъ выигрывалъ разныя пари. Этою же способностью обладаютъ въ такой же значительной степени его отецъ, дядя, дѣдушка и всѣ его трое дѣтей. Восемь поколѣній тому назадъ эта семья раздѣлилась на двѣ вѣтви, такъ что теперешній глава вышеупомянутой вѣтви приходится семияроднымъ братомъ главѣ другой вѣтви. Этотъ отдаленный родственникъ живетъ въ другой части Франціи, и когда его спросили, обладаетъ ли онъ этою же способностью, то онъ тотчасъ же на опытъ показалъ это. Этотъ случай даетъ намъ прекрасное разъясненіе того, съ какимъ упорствомъ передается по наследству какая-нибудь совершенно бесполезная способность, перешедшая, по всей вѣроятности, къ даннымъ лицамъ отъ нашихъ старыхъ получеловѣческихъ предковъ. Дѣло въ томъ, что многія обезьяны обладаютъ способностью двигать назадъ и впередъ кожу своей головы и пользуются этою своею способностью... Ч.

Человѣкъ рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ приматовъ тѣмъ, что онъ почти не покрытъ волосами. Однако, на большей части тѣла можно найти волосы, при чемъ у мужчинъ эти волосы коротки и жестки, а у женщинъ они тонки и нѣжны, какъ пухъ. Различныя расы значительно отличаются одна отъ другой по своей волосатости, да и у одной и той же расы волосы различны какъ по своему числу, такъ и по своему положенію. Такъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ европейцевъ плечи совершенно свободны отъ волосъ, между тѣмъ какъ у другихъ они покрыты густыми пучками волосъ. Врядъ ли можно усомниться въ томъ, что разсыпанные такимъ образомъ по всему тѣлу волосы представляютъ собою остатки равномѣрнаго волосяного покрова низшихъ животныхъ. Этотъ взглядъ пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе вѣроятія, что, какъ извѣстно, тонкіе, короткіе и свѣтлые волосы на конечностяхъ и другихъ частяхъ тѣла развиваются иногда и превращаются въ густые, длинные, жесткіе, темные волосы; это имѣетъ мѣсто тогда, когда они получаютъ ненормальное питаніе близъ хронически воспаленныхъ поверхностей.... Ч.

Что касается пищеварительного канала, то тутъ мнѣ пришлось столкнуться лишь съ однимъ примѣромъ рудимента, а именно, съ червевиднымъ отросткомъ слѣпой кишки... Иногда его совершенно нѣтъ или онъ, напротивъ, сильно развитъ. Иногда половина или двѣ трети его полости закрыты. Въ такомъ случаѣ конечная часть его состоитъ изъ сплюсненнаго расширенія. У оранга этотъ отростокъ длиненъ и извивается. У человѣка онъ отходитъ отъ конца короткой слѣпой кишки; его длина равняется, обыкновенно, 4—5 дюймамъ, а длина поперечника составляетъ лишь одну треть дюйма; онъ не только бесполезенъ, но даже вызываетъ иногда смерть... Это обусловлено тѣмъ, что въ каналъ попадаютъ небольшія твердыя тѣла, которыя вызываютъ воспаленія... Ч.

Всякій разъ, когда какое-нибудь образование задерживается въ своемъ развитіи, но все же продолжаетъ расти до тѣхъ поръ, пока не становится похожимъ на соответствующее образование у низшаго и взрослого члена той же самой группы. — тогда мы можемъ разсматривать это образование, какъ случай реверси (атавизма). Низшіе члены группы даютъ намъ представление о томъ, какъ, по всей вѣроятности, былъ построенъ общій предокъ группы; и врядъ ли можно думать, чтобы остановившаяся въ своемъ ростѣ на болѣе ранней ступени развитія часть была въ состояніи уйти въ своемъ ростѣ настолько далеко, чтобы, въ концѣ концовъ, быть въ состояніи выполнять свою специальную функцію. Это можетъ быть только въ томъ случаѣ, если данная часть приобрѣла эту способность дальнѣйшаго роста въ какой-нибудь болѣе ранній періодъ существованія; и тогда это состояніе, являющееся въ настоящее время исключительнымъ или недоразвитымъ, было нормальнымъ. Поскольку простой мозгъ идиотовъ микроцефаловъ похожъ на мозгъ обезьяны, постольку его можно разсматривать въ этомъ смыслѣ, какъ случай атаксизма. Но есть еще другіе случаи, которые можно съ еще большимъ основаніемъ отнести къ области атаксизма. Нѣкоторые образования, встречающіяся, обыкновенно, у низшихъ членовъ той группы, къ которой принадлежитъ человѣкъ, появляются иногда и у человѣка, хотя при этомъ они не имѣются у нормальнаго человѣческаго зародыша. Иногда бываетъ также и такъ, что эти образования имѣются у нормальнаго человѣческаго зародыша, а у отдѣльныхъ людей они развиваются ненормальнымъ образомъ, хотя этотъ путь развитія и является вполне нормальнымъ для низшихъ членовъ той же группы... Ч.

Профессоръ Канестрини указываетъ на скуловую кость, которая у нѣкоторыхъ четверорукихъ и другихъ млекопитающихъ состоитъ въ нормальномъ видѣ изъ двухъ частей. Въ такомъ же состояніи она находится у двухмѣсячнаго человѣческаго зародыша, и таковою она остается временно вслѣдствіе задержки въ развитіи у взрослого человѣка, и особенно у низшихъ расъ. Изъ этого Канестрини заключаетъ, что у какого-нибудь болѣе отдаленнаго предка человѣка эта кость состояла изъ двухъ частей, слившихся впоследствии вмѣстѣ. У человѣка лобная кость состоитъ изъ одного куска, но у зародыша и у дѣтей, а также чуть ли не у всѣхъ низшихъ млекопитающихъ она состоитъ изъ двухъ кусковъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга ясно выраженнымъ швомъ. Этотъ шовъ остается иногда въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ у человѣка уже послѣ періода зрѣлости; онъ находится чаще у череповъ, относящихся къ древности, чѣмъ у череповъ новаго времени. Особенно часто, какъ наблюдалъ Канестрини, этотъ шовъ имѣется у относящихся къ брахицефалическому (короткоголовому) типу череповъ, вырытыхъ изъ наносовъ. И тутъ онъ опять приходитъ къ тому же выводу, къ какому онъ пришелъ по аналогичному

вопросу о скуловой кости. Для этихъ и другихъ примѣровъ причиною того факта, что болѣе старыя расы по извѣстнымъ признакамъ чаще приближаются къ низшимъ животнымъ, чѣмъ болѣе молодыя расы, является, какъ кажется, то, что эти послѣднія отдѣлены въ общемъ ряду развитія отъ своихъ болѣе раннихъ получеловѣческихъ предковъ немного большимъ разстояніемъ, чѣмъ первыя. Ч.

Значеніе сообщенныхъ фактовъ не надо толковать неправильно; но было бы излишне повторять здѣсь всѣ тѣ выводы, которые я подробно сдѣлалъ въ своемъ «Происхожденіи видовъ». Однородность образования всего тѣла у членовъ одного и того же класса становится тотчасъ же понятной, если мы примемъ въ соображеніе ихъ происхожденіе отъ одного общаго предка и одновременно съ этимъ ихъ дальнѣйшее приспособленіе къ условіямъ, принявшимъ различные характеры. Со всякой другой точки зрѣнія сходство между рукою человѣка или обезьяны, ногою лошади, плавникомъ тюленя, крыломъ летучей мыши и т. д., совершенно необъяснимо. Если вы скажете, что всѣ они построены по одному и тому же, идеальному плану, то этимъ вы не дадите научнаго объясненія имъ. Что касается вопроса о развитіи, то, основываясь на принципѣ, гласящемъ, что измѣненія выступаютъ, въ общемъ, на болѣе поздней ступени эмбриональнаго (зародышеваго) развитія, и что они передаются по наследству въ соответствующемъ возрастѣ, мы можемъ ясно понять, какимъ образомъ зародыши совершенно различныхъ формъ сохраняютъ съ большимъ или меньшимъ совершенствѣмъ строеніе своего общаго предка. Нѣ одна другая точка зрѣнія не могла дать объясненія тому удивительному факту, что зародыши человѣка, собаки, тюленя, летучей мыши, пресмыкающагося и т. д. почти ничѣмъ не отличаются вначалѣ другъ отъ друга. Чтобы понять существованіе рудиментарныхъ органовъ, намъ надо только допустить, что у какого-нибудь болѣе древняго предка соответствующій органъ имѣлся налицо въ вполне развитомъ состояніи, и что при измѣнившихся жизненныхъ привычкахъ этотъ органъ значительно уменьшился, редуцировался. Это могло быть обусловлено или простымъ неупотребленіемъ даннаго органа, или естественнымъ отборомъ тѣхъ особей, которыя были меньше всего нагружены, если такъ можно выразиться, лишними органами...

Соответственно этому мы можемъ понять, отчего человѣкъ и всѣ остальные позвоночныя животныя построены по одному и тому же общему плану; мы можемъ также понять, почему они проходятъ одинаковые стадіи первоначальнаго развитія и почему у нихъ сохранились опредѣленные общіе рудименты. Будучи послѣдовательными, мы должны были бы открыто признать общность ихъ происхожденія. Придерживаться другога взгляда—это значило бы допустить, что наше собственное строеніе и строеніе всѣхъ окружающихъ насъ животныхъ является лишь ловушкой, разставленной для того, чтобы ввести въ заблужденіе нашъ разумъ. Правильность сдѣланнаго нами вывода значительно подтверждается при ближайшемъ разсмотрѣніи членовъ всего царства животныхъ, а также при разсмотрѣніи фактовъ ихъ родства или классификаціи, ихъ географическаго распространенія и геологической послѣдовательности. Возражать противъ этого вывода составляетъ насъ только предразсудокъ, и та надменность, та притязательность, подъ вліяніемъ которой наши предки заявляли, что они происходятъ отъ полубоговъ. Но недалеко то время, когда мы будемъ удивляться по поводу того, что естествоиспытатели, знакомые съ строеніемъ и развитіемъ человѣка и другихъ млекопитающихъ, могли думать, будто каждое изъ этихъ существъ является продуктомъ особаго творческаго акта... Ч.

Невѣрные факты крайне вредятъ прогрессу науки, такъ какъ они очень часто остаются долгое время въ силѣ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ ложными взглядами, подкрѣпленными немногими доказательствами: они приносятъ мало вреда, такъ какъ всякій находитъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы доказать ихъ ложность; и лишь только это происходитъ, какъ путь къ заблужденію закрывается, и въ то же время открывается путь къ истинѣ.

Самый главный выводъ, къ которому я пришелъ и который въ настоящее время раздѣляется многими естествоиспытателями, достаточно компетентными въ дѣлѣ науки, заключается въ томъ, что человѣкъ происходитъ отъ менѣе совершенной формы. Основа, на которой покоится этотъ выводъ, никогда не будетъ поколеблена. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя спорить противъ такихъ фактовъ, какъ сходство между человѣкомъ и низшими животными, обнаруживающееся во время зародышевого развитія, а также въ безчисленномъ множествѣ болѣе или менѣе значительныхъ деталей строенія и сложения тѣла. Нельзя спорить противъ такихъ фактовъ, какъ рудиментарныя части тѣла, сохранившіяся у человѣка, противъ такихъ фактовъ, какъ ненормальные случаи атаксизма, наблюдаемые временами у человѣка. Всѣ эти факты были давно уже извѣстны, но до послѣдняго времени они не говорили намъ ничего о происхожденіи человѣка. Если же теперь мы разсматриваемъ ихъ при свѣтѣ нашихъ знаній о всемъ органическомъ мірѣ, то все значеніе ихъ бросается намъ въ глаза. Его нельзя не понять. Великій принципъ развитія выступаетъ вполнѣ ясно и прочно передъ нами, когда мы разсматриваемъ эти группы фактовъ въ связи съ другими фактами, какъ, напримѣръ, въ связи со взаимнымъ родствомъ членовъ одной и той же группы, въ связи съ ихъ географическимъ распределеніемъ въ прошедшія и настоящія времена, въ связи съ ихъ геологическою послѣдовательностью. Нельзя себѣ вообразить, чтобы всѣ эти факты говорили неправду. Каждый человѣкъ, не удовлетворяющийся, подобно дикарю, такимъ воззрѣніемъ на явленія природы, которое разсматриваетъ ихъ, какъ нѣчто безсвязное,—ни одинъ такой человѣкъ, повторяю я, не можетъ больше думать, будто люди являются продуктомъ какого-то особаго творческаго акта. Онъ долженъ будетъ признать, что значительное сходство между человѣческимъ зародышемъ и зародышемъ хотя бы собаки; что тождественность основного плана строенія черепа, членовъ и всего тѣла человѣка со строеніемъ этихъ же частей у другихъ млекопитающихъ, тождественность, не находящаяся въ связи съ тѣмъ употребленіемъ, которое дѣлается изъ этихъ частей; что случайныя появленія у человѣка различныхъ образованій, какъ, напримѣръ различныхъ мускуловъ, которыхъ вы не найдете у нормального человѣка, но которые имѣются у четвероногихъ,—онъ долженъ будетъ признать, что всѣ эти и многіе другіе аналогичные факты заставляютъ насъ прійти къ тому выводу, что человѣкъ и остальные млекопитающіе являются потомками одного и того же предка.

Мы знаемъ, что отдѣльные люди безпрестанно обнаруживаютъ различія, какъ по строенію отдѣльныхъ частей тѣла, такъ и по своимъ духовнымъ качествамъ. Какъ кажется, эти различія или измѣненія обусловлены тѣми же общими причинами и подчиняются тѣмъ же законамъ, какіе мы наблюдаемъ у низшихъ животныхъ. Въ обоихъ случаяхъ господствуютъ одинаковые законы наслѣдственности. Человѣкъ стремится къ размноженію своего рода въ большей степени, чѣмъ къ увеличенію своихъ средствъ существованія. Вслѣдствіе этого онъ временами подверженъ жестокой борьбѣ за существованіе, и естественный отборъ вызываетъ въ данномъ случаѣ тѣ дѣйствія, которыя, вообще, всегда находятся въ предѣлахъ его дѣятель-

ности. Тутъ совсѣмъ не требуется наличность послѣдовательнаго ряда рѣзко выраженныхъ измѣненій; для дѣятельности естественнаго отбора достаточно незначительныхъ, колеблющихся различій особей. Этимъ я не хочу сказать, что у насъ имѣются какія-нибудь основанія для предположенія, будто всѣ части организаціи въ одинаковой степени склонны къ измѣненіямъ. Мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что переданные по наслѣдству результаты долгаго употребленія или неупотребленія частей дѣйствовали часто въ томъ же направленіи, какъ и естественный отборъ. Измѣненія, имѣвшія раньше какое-нибудь значеніе, а теперь уже не приносяція какой-либо специальной пользы, передаются долго по наслѣдству. Когда какая-нибудь часть мѣняется, то, согласно принципу корреляціи (соотношенія), измѣняются также и другія части. Примѣры этого мы можемъ наблюдать во многихъ удивительныхъ случаяхъ коррелятивнаго уродства. Извѣстную роль мы можемъ также приписать непосредственному дѣйствію окружающихъ жизненныхъ условій, какъ, напримѣръ, дѣйствію наличности значительныхъ запасовъ пищи, дѣйствію теплоты или сырости. Кромѣ того, многія особенности, большая часть которыхъ обладаетъ незначительнымъ физиологическимъ значеніемъ, но изъ которыхъ нѣкоторыя крайне важны, являются продуктомъ полового отбора.

Подъ вліяніемъ только что приведенныхъ факторовъ, а также, можетъ быть, и другихъ моментовъ, до настоящаго времени еще не открытыхъ, человѣкъ достигъ своего современнаго состоянія. Но съ того времени, какъ онъ поднялся на ступень человѣчности, онъ распался на различныя расы или, какъ въ настоящее время было бы правильнѣе сказать, на различные подвиды. Нѣкоторые изъ этихъ подвидовъ, какъ, напримѣръ, негры и европейцы, такъ отличны другъ отъ друга, что если бы естествоиспытателю принесли экземпляры этихъ обоихъ подвидовъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній, то онъ, безъ сомнѣнія, счелъ бы ихъ за два настоящихъ вида. Тѣмъ не менѣе всѣ расы настолько сходятся по многимъ деталямъ строенія и по многимъ духовнымъ особенностямъ, что это сходство можно только объяснить наслѣдственностью, полученною отъ одного общаго прародителя, и прародитель, охарактеризованный такимъ образомъ, пожалуй, заслужилъ бы того, чтобы въ классификаціи быть подведеннымъ подъ рубрику «человѣкъ».

Не надо думать, что можно прослѣдить расхожденіе каждой расы съ остальными расами, а также расхожденіе всѣхъ расъ съ общей родоначальной формой вплоть до пары прародителей. Напротивъ, въ процессѣ измѣненія на каждой ступени развитія всѣ особи, бывшія наилучше приспособленными въ какомъ-нибудь отношеніи къ окружающимъ ихъ жизненнымъ условіямъ, остались жить въ большемъ количествѣ, чѣмъ хуже приспособленные; при этомъ степень приспособленности могла быть, конечно, различна. Весь процессъ носилъ, по всей вѣроятности, такой же характеръ, какой онъ носитъ у человѣка, который выбираетъ не намѣренно среди своихъ животныхъ отдѣльныхъ особей и разводитъ лишь самыя лучшіе экземпляры, не обращая вниманія на всѣхъ худшихъ особей. Этимъ онъ медленно, но прочно мѣняетъ данную форму и безсознательно создаетъ новую породу. То же самое относится и къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя создались, независимо отъ отбора и которыя являются результатомъ измѣненій, вытекающихъ изъ природы организма и изъ дѣйствія окружающихъ условій, или изъ измѣненныхъ жизненныхъ привычекъ: тутъ измѣненіе не коснется въ болѣе сильной степени одной какой-нибудь пары, чѣмъ другихъ паръ, населяющихъ ту же страну, такъ какъ вслѣдствіе свободнаго скрещиванія всѣ эти пары постоянно смѣшиваются.

Если мы разсмотримъ эмбриональное развитіе человѣка, если мы разсмотримъ черты сродства, обнаруживаемаго имъ съ низшими животными,

если мы рассмотрим сохраненные имъ рудиментарныя части и случаи атавизма, которому онъ подчиненъ, — то мы можемъ, отчасти, въ своей фантазіи создать обликъ нашихъ древнихъ предковъ и можемъ, приблизительно, указать въ ряду животныхъ подобающее имъ мѣсто. Человѣкъ происходитъ, какъ это показываютъ вышеприведенные факты, отъ волосяного, четвероногаго животнаго, обладавшаго хвостомъ, жившаго, по всей вѣроятности, на деревьяхъ; родиною этого животнаго былъ, какъ надо думать, Старый Свѣтъ. Если бы зоологъ изслѣдовалъ все строеніе этого существа, то онъ отнесъ бы его къ группѣ четверорукихъ, и это онъ сдѣлалъ бы съ такою же увѣренностью, съ какою онъ отнесъ бы къ той же группѣ общаго и еще болѣе древняго прародителя обезьянъ Старога и Новаго Свѣта. Четверорукія и всѣ высшія млекопитающія происходятъ, по всей вѣроятности, отъ какого-нибудь древняго сумчатого животнаго; это послѣднее связано цѣлымъ рядомъ различнѣйшихъ формъ съ какимъ-нибудь существомъ, похожимъ на земноводныхъ; что же касается земноводнаго, то оно, въ свою очередь, происходитъ отъ какого-нибудь, похожего на рыбу животнаго. Въ отдаленномъ густомъ мракѣ прошлаго мы можемъ видѣть, что древній прародитель всѣхъ позвоночныхъ животныхъ былъ морскимъ животнымъ, которое было снабжено жабрами, оба пола котораго были соединены въ одной особи, главные органы тѣла котораго (какъ, напримѣръ, сердце) были еще не совсѣмъ или совсѣмъ не развиты. Какъ кажется, это животное было болѣе похоже на личинки существующихъ въ настоящее время морскихъ асцидій, чѣмъ на какую-либо другую изъ извѣстныхъ намъ формъ.

Будучи вынуждены прийти къ только что указанному выводу относительно происхожденія человѣка, мы наталкиваемся на значительныя трудности въ вопросѣ о томъ, какъ человѣкъ достигъ своей современной высокой ступени развитія умственныхъ силъ и нравственныхъ задатковъ. Но если вы признаете общій принципъ развитія, то вы должны согласиться съ тѣмъ, что духовныя силы высшихъ животныхъ, тождественныя по характеру съ духовными силами человѣка, хотя отличныя отъ нихъ по степени, способны къ прогрессированію. Такъ, напримѣръ, различіе между духовными силами высшей обезьяны и рыбы или между духовными силами муравья и червеца крайне велико. Однако, понять развитіе этихъ силъ у животныхъ не особенно трудно, такъ какъ у нашихъ домашнихъ животныхъ умственные способности безусловно измѣнчивы, а измѣненія передаются по наслѣдству. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что для животныхъ въ дикомъ состояніи эти способности имѣютъ громаднѣйшее значеніе. Слѣдовательно, условія ихъ развитія путемъ естественнаго отбора имѣются налицо, и эти условія крайне благоприятствуютъ ихъ развитію. Этотъ же выводъ можетъ быть распространенъ и на человѣка. Даже въ очень отдаленный періодъ умъ долженъ былъ имѣть для человѣка крайне важное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ умъ далъ ему возможность изобрѣсть рѣчь, пользоваться ею, изготовлять оружіе, орудія, ловушки и т. д., а при помощи этихъ средствъ и при поддержкѣ своихъ социальныхъ привычекъ онъ уже давно, давно сталъ господиномъ всѣхъ земныхъ существъ.

Крупный шагъ въ развитіи ума былъ, по всей вѣроятности, сдѣланъ тогда, когда въ употребленіе вошла рѣчь, на которую надо смотрѣть наполовину, какъ на продуктъ искусства, а на половину, какъ на продуктъ инстинкта. Дѣло въ томъ, что постоянное употребленіе рѣчи должно было оказать дѣйствіе на мозгъ, и это дѣйствіе должно было передаваться по наслѣдству и, въ свою очередь, воздѣйствовать на усовершенствованіе языка. Тотъ фактъ, что величина мозга человѣка по отношенію къ вели-

чинѣ его тѣла значительно превосходить относительную величину мозга низшихъ животныхъ, можетъ быть, главнымъ образомъ, приписанъ, какъ удачно замѣчаетъ мистеръ Чонси Райтъ (Mr. Chauncey Wright), раннему употребленію какой-нибудь простой формы рѣчи. Въдѣ рѣчь это — та дивная машина, которая снабжаетъ знаками всякаго рода предметы и свойства; рѣчь вызываетъ потоки мыслей, которые не возникли бы подъ влияніемъ простыхъ чувственныхъ впечатлѣній; а если бы даже эти мысли и возникли, то безъ рѣчи за ними нельзя было бы услѣдить. Высшія силы человѣка, какъ, напримѣръ, сила размышленія, абстракціи, самосознанія и т. д., по всей вѣроятности, развивались вслѣдъ за усовершенствованіемъ и развитіемъ остальныхъ духовныхъ способностей.

Еще болѣе интересна проблема развитія нравственныхъ качествъ. Въ основѣ развитія этихъ качествъ лежатъ социальные инстинкты, при чемъ подъ этимъ выраженіемъ мы подразумѣваемъ, между прочимъ, также привязанность къ семьѣ. Социальные инстинкты по своей природѣ крайне сложны, и у низшихъ животныхъ они вызываютъ спеціальныя склонности къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ. Для насъ болѣе важными элементами ихъ являются любовь и отличное отъ любви чувство симпатіи. Животныя, надѣленные социальными инстинктами, чувствуютъ извѣстное удовольствіе, находясь въ обществѣ другихъ, они предупреждаютъ другъ друга о грозящей опасности, защищаютъ и помогаютъ одинъ другому различными способами. Эти инстинкты распространяются не на всѣхъ особей вида, а лишь на особей одного и того же общества. Будучи въ значительной степени благотворными для вида, данные инстинкты, по всей вѣроятности, являются продуктомъ естественнаго отбора.

Нравственнымъ существомъ мы называемъ такое существо, которое въ состояніи задумываться надъ своими прежними поступками и ихъ мотивами и которое въ состояніи нѣкоторые изъ нихъ одобрять, а другіе — порицать; и тотъ фактъ, что человѣкъ является единственнымъ существомъ, которое мы можемъ съ полною увѣренностью назвать нравственнымъ, — этотъ фактъ составляетъ самое крупное различіе между человѣкомъ и низшими животными. Но я попытался показать, что нравственное чувство является, во-первыхъ, слѣдствіемъ непрерывности и постоянной наличности социальныхъ инстинктовъ; что оно, во-вторыхъ, является результатомъ оцѣнки, одобренія или неодобренія со стороны сородичей; и что, въ-третьихъ, оно является слѣдствіемъ значительной дѣеспособности духовныхъ силъ человѣка и крайней живости впечатлѣній, получаемыхъ имъ о прошедшихъ событіяхъ. Въ этихъ отношеніяхъ человѣкъ отличается отъ низшихъ животныхъ. Вслѣдствіе такого духовнаго состоянія человѣкъ не можетъ не оглядываться назадъ и не заглядывать впередъ; онъ не можетъ не сравнивать новыхъ впечатлѣній со старыми. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ какое-нибудь временное стремленіе или страсть одержитъ верхъ надъ его социальными инстинктами, онъ непремѣнно задумается надъ этимъ и сравнитъ постоянно имѣющийся въ немъ на лицо социальный инстинктъ съ поблѣднѣвшимъ, если такъ можно выразиться, въ данную минуту впечатлѣніемъ отъ прошлыхъ душевныхъ волненій; и тогда онъ будетъ испытывать то чувство недовольства, которое оставляютъ послѣ себя всѣ неудовлетворенные инстинкты. Вслѣдствіе этого онъ рѣшится дѣйствовать въ будущемъ иначе, чѣмъ онъ поступилъ въ данномъ случаѣ, — а это и есть совѣсть. Каждый инстинктъ, оказывающійся постоянно болѣе сильнымъ и прочнымъ, чѣмъ какой-нибудь другой инстинктъ, даетъ начало чувству, о которомъ мы говоримъ какъ о чемъ-то, чему мы должны повиноваться. Если бы понтеръ былъ въ состояніи размышлять по поводу своего прежняго поведенія, то онъ говорилъ бы себѣ слѣдующее: я дол-

женъ былъ бы сдѣлать стойку надъ этимъ зайцемъ (такъ мы о ней и говоримъ) и не уступить мимолетному искушенію погнаться за нимъ.

Какое-то внутреннее побужденіе отчасти заставляетъ социальныхъ животныхъ вообще помогать членамъ ихъ общества; но чаще всего это чувство побуждаетъ ихъ выполнять опредѣленные дѣйствія. Человѣкъ испытываетъ то-же самое общее желаніе помогать людямъ, но у него меньше специальныхъ инстинктовъ, или ихъ совѣтъ нѣтъ. Онъ отличается отъ низшихъ животныхъ также тѣмъ, что онъ въ состояніи выражать свои желанія словами; вслѣдствіе этого онъ можетъ получать требуемую помощь. Къ тому же причина, побуждающая оказывать помощь, не состоитъ больше изъ одного только слѣпого инстинкта, а въ значительной степени обусловлена похвалой или порицаніемъ другихъ людей. И то, и другое, т. е. и похвала и порицаніе, покоятся на симпатіи, и это чувство является, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ значительныхъ элементовъ социальныхъ инстинктовъ. Будучи по своей природѣ инстинктомъ, симпатія тѣмъ не менѣе значительно усиливается вслѣдствіе упражненія или привычки. Такъ какъ люди желаютъ своего собственнаго блага, то похвала или порицаніе высказывается за тѣ или иные поступки и мотивы въ той мѣрѣ, въ какой они служатъ этой цѣли. А такъ какъ счастье является существенной частью общаго блага, то принципъ «наибольшаго счастья» косвенно служитъ почти правильнымъ масштабомъ для оцѣнки справедливаго и несправедливаго. По мѣрѣ того, какъ силы разсудка развиваются, и человѣчество становится болѣе опытнымъ, люди начинаютъ принимать въ соображеніе также и болѣе отдаленныя дѣйствія, оказываемыя извѣстнымъ родомъ поведения на характеръ особи и на общее благо, и тогда добродѣтели, имѣющія отношеніе къ самой особи, попадаютъ въ сферу общественнаго мнѣнія, высказывающаго за одни изъ нихъ похвалу, а за противоположныя — порицанія. Но у менѣе цивилизованныхъ народовъ умъ часто ошибается и многіе скверные обычаи и формы суевѣрія разсматриваются ими, какъ добродѣтели, а нарушеніе этихъ обычаевъ разсматривается, какъ тяжелое преступленіе.

Нравственныя способности считаются обыкновенно (и, притомъ, вполне основательно) болѣе цѣнными, чѣмъ умственные силы; но мы не должны забывать того, что вслѣдствіе живого воспоминанія прошедшихъ впечатлѣній дѣятельность ума является одною изъ фундаментальныхъ, хотя и вторичныхъ основъ совѣсти. Этотъ фактъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу всяческаго воспитанія и развитія умственныхъ способностей каждаго человѣческаго существа. Безъ сомнѣнія, если у человѣка съ коснымъ умомъ социальные склонности и симпатіи хорошо развиты, то онъ можетъ быть направленъ къ хорошимъ дѣйствіямъ и можетъ обладать довольно чуткой совѣстью. Но тотъ элементъ, который дѣлаетъ воображеніе человѣка болѣе живымъ и сильнымъ и усиливаетъ въ немъ привычку вспоминать прежнія впечатлѣнія и сравнивать ихъ съ новыми, — этотъ элементъ сдѣлаетъ также совѣсть болѣе чуткой и можетъ даже, до извѣстной степени, замѣнить слабыя социальные склонности и симпатіи.

Нравственная природа человѣка достигла своей современной высокой степени развитія отчасти вслѣдствіе прогресса умственныхъ силъ, а слѣдовательно и вслѣдствіе развитія правильнаго общественнаго мнѣнія. Особенно же человѣкъ обязанъ своимъ значительнымъ нравственнымъ развитіемъ тому факту, что симпатіи стали болѣе богатыми, т. е. расширились подвліяніемъ привычки, примѣра, образованія и мышленія. Вполнѣ вѣроятно, что послѣ долгаго упражненія добродѣтельныя склонности передаются по наслѣдству. У цивилизованныхъ расъ убѣжденіе въ существованіи всевышняго божества оказало могучее вліяніе на развитіе нравственности. Въ

концѣ концовъ, человѣкъ перестаетъ разсматривать похвалу или порицаніе, высказываемыя другими людьми, какъ главную побудительную причину своихъ дѣйствій. Для него становятся болѣе вѣрной руководящей нитью его привычныя убѣжденія, контролируемыя разумомъ. Тогда его верховнымъ судьей становится совѣсть. При этомъ мы должны указать на то, что очень немногіе люди умѣютъ отдѣлаться отъ вліянія похвалы или порицанія другихъ людей. Однако, хотя совѣсть и становится для человѣка верховнымъ судьей, тѣмъ не менѣе первоисточникъ нравственнаго чувства надо искать въ социальныхъ инстинктахъ со включеніемъ симпатіи, а эти инстинкты являлись первоначально, безъ всякаго сомнѣнія, у человѣка, какъ и у низшихъ животныхъ, результатомъ естественнаго отбора.

Очень часто на вѣру въ бога указывали не только какъ на самую крупную, но и какъ на самую рѣзкую черту, отдѣляющую человѣка отъ низшихъ животныхъ. Но, какъ мы видѣли, нельзя утверждать, чтобы эта вѣра была врождена человѣку или являлась чѣмъ-то инстинктивнымъ для него. Съ другой стороны, вѣра въ духовныя силы, проникающая все въ міръ, представляетъ собою, какъ кажется, что-то общераспространенное и является, какъ мнѣ кажется, результатомъ значительнаго прогресса въ силѣ мышленія у человѣка, а также результатомъ еще большаго прогресса въ способностяхъ воображенія, любопытства и удивленія. Я прекрасно знаю, что мнимая инстинктивная вѣра въ бога разсматривается многими людьми, какъ доказательство, говорящее за существованіе самого бога. Но такой выводъ дѣлается слишкомъ поспѣшно, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы должны были бы также повѣрить въ существованіе многихъ жестокихъ и злыхъ духовъ, обладающихъ лишь немного большею силою, чѣмъ человѣкъ. Дѣло въ томъ, что вѣра въ этихъ духовъ куда болѣе распространена, чѣмъ вѣра въ любящее божество. Идея всеобщаго и всеблагаго творца вселенной возникаетъ, какъ кажется, въ умѣ человѣка не раньше, чѣмъ когда человѣкъ поднялся на довольно высокую ступень культуры.

Вѣра въ развитіе человѣка изъ низшей организованной формы, конечно, спросите меня, какъ это относится къ вѣрѣ въ безсмертіе души. Варварскія расы не обнаруживаютъ, какъ показалъ сэръ Д. Леббокъ, ясно выраженной вѣры въ безсмертіе души. Но, какъ мы уже видѣли, аргументы, позаимствованные изъ первоначальныхъ религіозныхъ убѣжденій дикарей, имѣютъ для насъ очень небольшое значеніе, сводящееся иногда даже къ нулю. Очень немногихъ людей смущаетъ невозможность точно опредѣлить тотъ періодъ, въ который во время развитія особи, начиная съ первыхъ слѣдовъ микроскопическаго зародышеваго пузырька и кончая образованіемъ полнаго ребенка, человѣкъ становится безсмертнымъ существомъ. Многіе не задумаются надъ тѣмъ, становится ли человѣкъ безсмертнымъ существомъ до или послѣ рожденія. Нашъ случай не представляетъ собою большихъ трудностей, чѣмъ этотъ, такъ какъ и въ общей скалѣ постепеннаго органическаго развитія нельзя опредѣлить этотъ періодъ.

Я прекрасно знаю, что выводы, къ которымъ я пришелъ въ настоящей книгѣ, будутъ объявлены нѣкоторыми людьми, какъ нѣчто въ высшей степени противорелигіозное. Но тотъ, кто броситъ мнѣ такой упрекъ, обязанъ указать, почему объясненіе рожденія особи на основаніи законовъ обычнаго воспроизведенія менѣе противорелигіозно, чѣмъ объясненіе происхожденія человѣка, какъ особаго вида, изъ какой-нибудь низшей формы, при чемъ это происхожденіе обосновывается законами измѣненія и естественнаго отбора. Оба акта рожденія, а именно, и актъ рожденія вида и актъ рожденія особи являются въ совершенно одинаковой степени частями того великаго ряда явленій, съ которыми нашъ духъ не хочетъ считаться,

какъ съ результатами слѣпного случая. Нашъ умъ возмущается такимъ выводомъ, независимо отъ того, въ состояніи ли мы или не можемъ вѣрить въ то, что каждое измѣненіе въ организмѣ, что соединеніе каждаго съмени и другія тому подобныя явленія созданы для какой-нибудь специальной цѣли...

Какъ я уже пытался показать, половой подборъ сыгралъ въ исторіи органическаго міра крупную роль... Въ низшихъ отдѣлахъ царства животныхъ половой подборъ, какъ кажется, не оказалъ никакого дѣйствія; эти животные часто всю свою жизнь прикрѣплены къ одному и тому же мѣсту, или у нихъ оба пола соединены въ одной и той же особи, или ихъ умственные способности и способности воспріятія еще недостаточно развиты для того, чтобы могли возникнуть чувство любви и ревности, для того, чтобы могла возникнуть способность выбора, а это послѣднее обстоятельство имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ первыя два. Но когда мы подходимъ къ суставчатымъ и позвоночнымъ животнымъ, то тутъ даже у низшихъ классовъ этихъ обѣихъ значительныхъ группъ мы можемъ видѣть, что половой подборъ достигъ значительныхъ результатовъ.

У различныхъ крупныхъ классовъ царства животныхъ, у млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, насекомыхъ и даже ракообразныхъ, различія между полами слѣдуетъ почти однимъ и тѣмъ же правиламъ. Почти всегда помогающимъ элементомъ являются самцы, и они одни снабжены специальными оружіями для борьбы со своими соперниками. Они, въ общемъ, болѣе сильны и болѣе крупны, чѣмъ самки, и одарены необходимыми свойствами отваги и драчливости. Или они одни снабжены пахучими железами и органами для создаванія голосовой или инструментальной музыки, или они снабжены вѣмъ этимъ въ значительно большей степени, чѣмъ самки. Они украшены бесконечно разнообразными придатками и раскрашены въ самые блестящіе или бросающіеся въ глаза цвѣта, образующіе часто изысканные узоры; самка же остается безъ всякихъ украшеній. Если оба пола отличаются другъ отъ друга болѣе значительными образованіями, то специальными чувственными органами для открытія самокъ, органами движенія для достиженія ихъ и часто хватательными органами ихъ снабжены самцы. Эти различныя образованія, дающія возможность плѣнять или удерживать самку, развиваются у самца часто только во время одной части года, а именно въ періодъ скрещиванія. Во многихъ случаяхъ они были въ большей или меньшей степени перенесены также и на самокъ; въ послѣднемъ случаѣ они часто появляются у самокъ въ видѣ простыхъ рудиментарныхъ частей. Послѣ того, какъ самецъ теряетъ способность къ скрещиванію, эти образованія у него исчезаютъ. Въ общемъ, они развиваются у самца не въ ранней юности, а лишь не задолго до того періода, когда онъ становится способнымъ къ воспроизведенію рода. Поэтому-то молодыя особи обоеихъ половъ въ большей части случаевъ похожи другъ на друга, а самка всю свою жизнь похожа на своихъ молодыхъ дѣтенышей. Чуть-ли не въ каждомъ крупномъ классѣ встрѣчаются немногіе нормальные случаи, когда у одного пола появляются особенности противоположнаго пола, и все, такъ сказать, переворачивается вверхъ дномъ, такъ что у самокъ появляются черты, относящіяся, собственно говоря, къ самцамъ. Тотъ фактъ, что законы, регулирующіе различія между полами, такъ однообразны для многихъ значительно отличающихся другъ отъ друга классовъ,—этотъ фактъ становится намъ понятнымъ, когда мы допускаемъ, что тутъ дѣйствовала одна общая причина, а именно половой подборъ.

Половой подборъ зависитъ отъ успѣха однихъ особей надъ другими особями того-же пола въ дѣлѣ размноженія вида, между тѣмъ какъ есте-

ственный подборъ находится въ зависимости отъ успѣха обоеихъ половъ во всѣхъ возрасты по отношенію къ общимъ жизненнымъ условіямъ. Половая борьба бываетъ двоякаго рода: одна форма борьбы заключается въ томъ, что борются особи одного и того-же пола и, притомъ, въ общемъ, особи мужского пола, чтобы прогнать или убить соперниковъ; при этомъ самки остаются вполне пассивными зрительницами борьбы; другая форма борьбы заключается въ томъ, что хотя и тутъ борются особи одного и того-же пола для того, чтобы возбудить или очаровать представителей другого пола, однако, при этомъ представители другого пола, по большей части, самки, не остаются простыми зрителями, а выбираютъ себѣ наиболѣе пріятнаго товарища. Этотъ выборъ во многихъ отношеніяхъ похожъ на выборъ, дѣлаемый человѣкомъ (правда, безсознательно, но не безрезультатно) среди его домашнихъ растений или животныхъ, выборъ, выражающійся въ томъ, что человѣкъ въ теченіе долгаго времени постоянно отбираетъ болѣе всего нравящихся ему или наиболѣе полезныхъ особей, не думая при этомъ объ измѣненіи расы.

Законы наслѣдственности опредѣляютъ, будутъ-ли добытыя путемъ полового подбора однимъ изъ обоеихъ половъ особенности переданы одному и тому-же полу или обоеимъ поламъ. Законы наслѣдственности опредѣляютъ также, въ какомъ возрастѣ эти особенности должны развиваться. Повидимому, измѣненія, выступающія въ поздній періодъ жизни, передаются, обыкновенно, одному и тому же полу. Измѣчивость является необходимой основой для дѣйствія отбора и не находится ни въ какой зависимости отъ него. Изъ этого слѣдуетъ, что измѣненіями одного и того-же общаго характера часто пользуется половой подборъ для своей выгоды. Онъ накопляетъ эти измѣненія постольку, поскольку дѣло идетъ о размноженіи вида. Тутъ мы наблюдаемъ то-же самое, что имѣетъ мѣсто при естественномъ отборѣ, дѣйствующемъ по отношенію къ общимъ цѣлямъ жизни. Такимъ образомъ, если какія-нибудь вторичныя половыя особенности передаются равномерно обоеимъ поламъ, то ихъ можно отличить отъ обычныхъ видовыхъ особенностей только при помощи метода аналогіи. Измѣненія, возникшія подъ вліяніемъ полового подбора, носятъ часто такой рѣзко выраженный характеръ, что не рѣдко представителей обоеихъ половъ разсматривали, какъ различные виды и даже какъ различные роды. Такія рѣзко выраженные различія должны въ какомъ-нибудь отношеніи имѣть громадное значеніе для данныхъ формъ, и мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они пріобрѣтены не только въ ущербъ удобства, но и въ ущербъ защиты противъ дѣйствительныхъ опасностей.

Въра въ могущество полового подбора покоится, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ соображеніяхъ. Нѣкоторыя особенности встрѣчаются у представителей только одного пола, и уже это обстоятельство говоритъ въ значительной степени за то, что въ большей части случаевъ эти особенности должны находиться въ какой-нибудь связи съ актомъ воспроизведенія. Эти особенности окончательно развиваются въ безчисленномъ множествѣ случаевъ лишь въ періодъ половой зрѣлости; часто онѣ развиваются лишь въ какое-нибудь время года, составляющее періодъ скрещиванія для даннаго вида. Если мы оставимъ въ сторонѣ нѣсколько исключительныхъ случаевъ, то мы увидимъ, что при домоганіи самцы обнаруживаютъ большую дѣятельность, чѣмъ самки; они лучше вооружены и у нихъ на различный манеръ развивается стремленіе привлечь самку. Нельзя не обратить особаго вниманія на тотъ фактъ, что самцы щеголяютъ своими прелестями особенно ярко въ присутствіи самокъ, и что, за исключеніемъ періода любви, они ихъ рѣдко или никогда не обнаруживаютъ. Нельзя себѣ представить, чтобы все это было безцѣльно. Кромѣ того, у насъ имѣются положитель-

ныя доказательства того, что у нѣкоторыхъ млекопитающихъ и птицъ особи одного пола способны испытывать сильную антипатію или особую любовь къ опредѣленнымъ особямъ другого пола.

Если мы будемъ постоянно имѣть въ виду эти факты и если мы вспомнимъ о ясно выраженныхъ результатахъ безсознательнаго отбора, производившагося и производимаго человѣкомъ среди домашнихъ животныхъ и культурныхъ растений,—то тогда, какъ мнѣ кажется, мы не сможемъ не высказать своего убѣжденія въ томъ, что если особи одного пола въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній предпочитали скрещиваться съ опредѣленными особями другого пола, отличающимися отъ другихъ особей даннаго пола какими-нибудь своеобразными чертами, то тогда потомки ихъ должны были неизбѣжно измѣниться въ данномъ направленіи. Я не пытаюсь при этомъ скрыть того, что, если мы исключимъ тѣ случаи, когда самцы болѣе многочисленны, чѣмъ самки, или когда господствуетъ многоженство, то для насъ будетъ сомнительнымъ, какимъ образомъ болѣе привлекательныя самцы достигаютъ того, что послѣ нихъ остается большее число потомковъ, унаследовавшихъ ихъ превосходства въ смыслѣ украшенія или другихъ прелестей, чѣмъ послѣ менѣе привлекательныхъ самцовъ. Но, какъ я указалъ, это, по всей вѣроятности, вытекаетъ изъ того, что самки, и особенно болѣе сильныя и способныя къ размноженію самки, предпочитаютъ имѣть дѣло не только съ болѣе привлекательными, но въ то же время съ болѣе сильными и побѣдоносными самцами.

Мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ положительныхъ доказательствъ, говорящихъ за то, что птицы умѣютъ цѣнить красивыя и блестящія предметы. Такъ, напримѣръ, это наблюдалось у австраійскихъ плащеносцевъ. Кромѣ того, мы знаемъ, что птицы безусловно цѣнятъ способность пѣть. Тѣмъ не менѣе я охотно соглашаюсь съ тѣми, которые находятъ прямо-таки поразительнымъ тотъ фактъ, что самки многихъ птицъ и нѣкоторыхъ млекопитающихъ обладаютъ достаточнымъ вкусомъ, чтобы оцѣнивать украшенія, имѣющія, какъ мы это можемъ вполнѣ основательно предположить, отношеніе къ половому подбору. Для пресмыкающихся, рыбъ и насѣкомыхъ этотъ фактъ еще болѣе поразителенъ. Но мы, въ дѣйствительности, очень мало знаемъ о духовныхъ способностяхъ низшихъ животныхъ. Нельзя допустить, что, напримѣръ, самцы райскихъ птицъ и павлины безъ всякой цѣли прилагаютъ много труда для того, чтобы расправить и заставить дрожать свои красивыя перья въ присутствіи самокъ. Мы должны также помнить тотъ сообщенный однимъ очень авторитетнымъ человѣкомъ фактъ, что, когда нѣсколькихъ павъ разлучили съ однимъ павлиномъ, вызвавшимъ ихъ общее восхищеніе, то онѣ предпочли остаться весь годъ вдовами, чѣмъ сблизиться съ какимъ-нибудь другимъ самцомъ.

Однако, я не знаю въ естественнѣйшій ни одного болѣе удивительнаго факта, чѣмъ тотъ, что самка фазана-аргуса, какъ сообщаютъ, въ состояніи оцѣнить изысканныя оттѣнки шарообразныхъ украшеній и изысканные узоры на маховыхъ перьяхъ самца. Если вы придерживаетесь того взгляда, что аргусъ былъ первоначально созданъ въ своемъ современномъ видѣ, то вы должны допустить, что его перья, которыя мѣшаютъ ему употреблять крылья для полета и которыя раздвигаются совершенно особымъ, характернымъ для даннаго вида образомъ во время акта домоганія, и только въ это время,—что эти перья даны самцу для украшенія. Допустивъ это, вы должны далѣе допустить, что самка при ея сотвореніи была одарена способностью цѣнить подобное украшеніе. Отъ этого взгляда мой взглядъ отличается только въ томъ отношеніи, что, по моему мнѣнію, самецъ аргуса приобрѣлъ свою красоту постепенно, и при этомъ благодаря тому, что самки въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній предпочитали сблизиться съ

лучше украшенными самцами; эстетическій вкусъ самокъ развивался подъ вліяніемъ упражненія и привычки точно такимъ же образомъ, какъ нашъ собственный вкусъ облагораживается мало-по-малу. Вслѣдствіе той счастливой случайности, что у самца нѣкоторыя перья не измѣнились, мы въ состояніи ясно видѣть, какъ простыя пятна съ незначительнымъ желтымъ оттѣнкомъ на одной сторонѣ постепенно небольшими, медленными шагами развились до степени дивныхъ шарообразныхъ украшеній. По всей вѣроятности, перья его развивались такимъ образомъ.

Если вы признаете принципъ развитія и въ то же время сильно затрудняетесь признать за самками млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ ту высокую степень вкуса, которая требуется для распознаванія красоты самца и которая, въ общемъ, соответствуетъ нашему собственному вкусу, то вспомните о томъ, что нервныя кѣтки мозга и у высшаго, и у низшаго члена группы позвоночныхъ животныхъ являются прямыми потомками тѣхъ нервныхъ кѣтокъ мозга, которыми обладали общій прародитель всей этой группы. Вѣдь въ такомъ случаѣ мы можемъ понять, отчего извѣстныя духовныя способности развились одинаковымъ образомъ и почти въ одинаковой степени у различныхъ группъ животныхъ, стоящихъ очень далеко другъ отъ друга въ общей системѣ... Ч.

У человѣка различія между полами болѣе значительны, чѣмъ у большинства четвероногихъ, но не такъ значительны, какъ у нѣкоторыхъ другихъ, напримѣръ, у мандрила. Мужчина, въ среднемъ, отличается значительно большимъ ростомъ, вѣсомъ и силой, чѣмъ женщина; у него плечи болѣе широки и мускулы болѣе развиты. Вслѣдствіе отношеній, существующихъ между развитіемъ мускульной системы и выступаніемъ бровныхъ областей, у мужчины, въ общемъ, надбровныя дуги болѣе ясно выражены, чѣмъ у женщины. Тѣло мужчины и, особенно, его лицо болѣе сильно покрыто волосами, а голосъ его болѣе силенъ и отличается совершенно другимъ тономъ. У нѣкоторыхъ расъ женщины, какъ говорятъ, отличаются отъ мужчинъ по своему цвѣту. Такъ напримѣръ, Швейнфуртъ говоритъ о негритянкѣ изъ племени бонбутту, населяющаго Центральную Африку на нѣсколько градусовъ къ сѣверу отъ экватора, слѣдующее: «Какъ и у остальныхъ женщинъ этой расы, ея кожа была на нѣсколько тоновъ свѣтлѣе кожи мужа и, приблизительно, напоминала по своему цвѣту полусырой кофе». Такъ какъ женщины работаютъ на поляхъ и не носятъ никакой одежды, то врядъ ли можно предположить, чтобы отличіе ихъ отъ мужчинъ по цвѣту было результатомъ того, что онѣ менѣе подвержены дѣйствію солнца. У европейцевъ, пожалуй, женщины свѣтлѣе мужчинъ; это можно замѣтить тогда, когда оба пола въ одинаковой степени подвергаются дѣйствію погоды.

Мужчина болѣе отваженъ, энергиченъ, воинствененъ, чѣмъ женщина, его умъ болѣе изобрѣтателенъ; абсолютный вѣсъ его мозга превышаетъ абсолютный вѣсъ мозга женщины. Что же касается вопроса о томъ, превосходитъ ли мужчина женщину и по относительному вѣсу мозга, т. е. по вѣсу мозга, взятому въ отношеніи къ размѣрамъ его тѣла,—то на этотъ счетъ, какъ мнѣ кажется, не добыто еще несомнѣнныхъ данныхъ. У женщины лицо болѣе округло, челюсти и основная часть черепа отличаются меньшими размѣрами, чертанія ея тѣла болѣе округлы и мѣстами болѣе выдаются, а ея тазъ болѣе широкъ, чѣмъ у мужчины. Эта послѣдняя черта можетъ быть, пожалуй, разсматриваема скорѣе какъ первичная, чѣмъ вторичная половая особенность. Женщина достигаетъ также раньше, чѣмъ мужчина, половой зрѣлости.

Какъ у животныхъ всѣхъ классовъ, такъ и у человѣка отличитель-

ные признаки мужского пола окончательно развиваются не раньше, чѣмъ когда онъ становится почти зрѣлымъ въ половомъ отношеніи; когда же его оскопляютъ, то эти признаки совсѣмъ не появляются; такъ, напримѣръ, борода является вторичнымъ половымъ признакомъ, и у мальчиковъ нѣтъ бороды, хотя на головѣ у нихъ имѣется въ раннемъ возрастѣ богатая растительность. Тотъ фактъ, что измѣненія, сообщающія мужчинамъ его мужскія особенности, передаются только мужскому полу,—этотъ фактъ является, по всей вѣроятности, результатомъ того, что данныя измѣненія возникаютъ въ жизни, въ общемъ, очень поздно. Мальчики и дѣвочки очень похожи другъ на друга, подобно дѣтенышамъ многихъ другихъ животныхъ, у которыхъ взрослые представители обоихъ половъ отличны одни отъ другихъ. Дѣтеныши также болѣе похожи на взрослую самку, чѣмъ на взрослого самца. Но, въ концѣ концовъ, женщина приобретаетъ нѣкоторыя опредѣленные черты и занимаетъ, какъ выражаются, по строенію своего черепа среднее мѣсто между ребенкомъ и мужчиной. Дальше мы должны отмѣтить, что молодые представители находящихся въ родствѣ другъ съ другомъ, но не тождественныхъ видовъ, не такъ сильно отличаются другъ отъ друга, какъ взрослые представители данныхъ видовъ. То же самое наблюдается у дѣтей различныхъ человѣческихъ расъ. Нѣкоторые изслѣдователи высказывались даже въ томъ смыслѣ, что на дѣтскихъ черепкахъ нельзя установить расовыхъ различій. Что касается цвѣта кожи, то у новорожденного негритенка онъ колеблется между красноватымъ и коричнево-орѣховымъ и вскорѣ переходитъ въ сѣроватый цвѣтъ. Черный цвѣтъ кожи приобретаетъ въ Суданѣ въ теченіе перваго года, а въ Египтѣ—въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ. Вначалѣ у негра синіе глаза, а волосы скорѣе каштановаго, чѣмъ чернаго цвѣта, и при этомъ только кончики ихъ вытесы. Дѣти австралійцевъ отличаются непосредственно послѣ рожденія желтовато-коричневымъ цвѣтомъ кожи, которая современемъ у нихъ темнѣетъ. Дѣти парагвайскихъ гуарановъ отличаются блѣловато-желтымъ цвѣтомъ кожи, которая, однако, въ нѣсколько недѣль принимаетъ желтовато-коричневый цвѣтъ кожи родителей. Подобныя же наблюденія были сдѣланы и во многихъ другихъ частяхъ Америки. Я подробно остановился на вышеприведенныхъ различіяхъ между мужскимъ и женскимъ полами у человѣка потому, что эти же самыя различія встрѣчаются также у четверо-рукихъ.

* *

Что касается общаго волосянаго покрова тѣла, то женщины всѣхъ расъ покрыты волосами значительно меньше, чѣмъ мужчины; у самокъ нѣкоторыхъ четверорукихъ нижняя часть тѣла менѣе покрыта волосами, чѣмъ у самцовъ. Наконецъ, обезьяны-самцы, какъ и мужчины, значительно смѣлѣе и отважнѣе, чѣмъ обезьяны-самки. Они являются предводителями стада и въ случаѣ опасности становятся въ первыхъ рядахъ его. Отсюда мы видимъ, какъ сходны человѣкъ и четверорукій по своимъ половымъ различіямъ. Но у нѣкоторыхъ видовъ, какъ у павиановъ, гориллы и оранга, половыя различія значительно больше, чѣмъ у человѣка; такъ, самецъ отличается отъ самки по величинѣ клыковъ, по густотѣ и цвѣту волосъ и, особенно, по цвѣту голыхъ частей кожи.

* *

У дикихъ племенъ, какъ, напримѣръ, у австралійцевъ, женщина является постоянной причиной войнъ между различными племенами. Такъ было, безъ сомнѣнія, и въ древности: «*nam fuit ante Helenam mulier deterrima belli causa*» («ибо и до Елены женщина была страшною причиною войны»). У сѣверо-американскихъ индейцевъ борьба за обладаніе женщиной введена прямо-таки въ систему. Гирнъ, являющийся выдающимся наблюдателемъ,

говоритъ: «среди мужчинъ этого народа всегда господствовалъ обычай вести борьбу за каждую женщину, которой они преданы, и, конечно, успѣхъ выпадаетъ всегда на долю болѣе сильнаго. Если слабый мужчина не является хорошимъ охотникомъ и общимъ любимцемъ, то онъ рѣдко получаетъ позволеніе имѣть жену, которую сильный мужчина считаетъ достойной своего вниманія. Этотъ обычай господствуетъ среди всѣхъ племенъ и обуславливаетъ значительное развитіе честолюбія среди юношества, испытывающаго при всякомъ удобномъ случаѣ, начиная съ ранняго дѣтства, свою силу и ловкость въ борьбѣ». У племени гуановъ въ Южной Америкѣ мужчины, по сообщенію Азары, женятся рѣдко прежде, чѣмъ они достигаютъ двадцатилѣтняго возраста, такъ какъ до этого они не въ состояніи одержать побѣду надъ своими соперниками. Можно было бы привести еще и другіе факты того же рода; но если бы даже по этому вопросу у насъ не было на лицо фактическихъ доказательствъ, то и тогда мы могли бы, основываясь на данныхъ о высшихъ четверорукихъ, почти съ полною увѣренностью сказать, что у человѣка на болѣе раннихъ ступеняхъ его развитія тоже царилъ законъ борьбы... Ч.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что болѣе значительный ростъ и сила мужчины сравнительно съ женщиной, а также его болѣе широкія плечи, его болѣе развитая мускулатура, его болѣе угловатая очертанія тѣла, его большая отвага и воинственность является въ значительной степени результатомъ наслѣдственности. Всѣ эти черты переданы ему по наслѣдству его древними получеловѣческими самцами—прародителями. Эти особенности сохранились или даже усилились, по всей вѣроятности, въ теченіе тѣхъ долгихъ временъ, когда человѣкъ находился въ состояніи варварства; сохраненіе и накопленіе этихъ чертъ обуславливалось успѣхомъ болѣе сильнаго и отважнаго мужчины въ общей борьбѣ за жизнь, а также въ борьбѣ за женщину. Благодаря такому успѣху, болѣе сильные и отважные мужчины оставляли послѣ себя болѣе многочисленное потомство, чѣмъ ихъ братья, обреченные судьбою. Нельзя предположить, будто большая сила мужчины является первоначально наслѣдственнымъ результатомъ болѣе значительной дѣятельности, выразившейся въ томъ, что онъ-де больше трудился для поддержанія своего существованія и существованія семьи, чѣмъ женщина; такое предположеніе неправильно потому, что у всѣхъ варварскихъ народовъ женщины вынуждены работать, по меньшей мѣрѣ, такъ же много, какъ и мужчины. У цивилизованныхъ народовъ вопросъ объ обладаніи женщиной давно уже не рѣшается путемъ борьбы. Къ тому же, мужчинамъ приходится теперь больше работать для поддержки существованія, чѣмъ женщинамъ, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что они и теперь еще болѣе сильны. Ч.

* *

Въ психическомъ отношеніи женщина, какъ кажется, отличается отъ мужчины, главнымъ образомъ, своею болѣею нѣжностью и меньшимъ эгоизмомъ. Этотъ фактъ наблюдается даже у дикарей, какъ это видно изъ одного всѣмъ извѣстнаго мѣста въ описаніяхъ Мунго Парка и изъ данныхъ, приводимыхъ многими другими путешественниками. Въ дѣтствѣ своихъ материнскихъ инстинктовъ, женщина обнаруживаетъ эти черты въ чрезвычайно сильной степени по отношенію къ своимъ дѣтямъ. По этому исполнѣ вѣроятно, что она часто будетъ распространять данныя чувства также и на другихъ ближнихъ. Мужчина является соперникомъ другихъ мужчинъ; онъ радъ конкуренціи, а это ведетъ къ развитію честолюбія, которое очень легко переходитъ въ эгоизмъ. Эти послѣднія качества, какъ кажется, являются его природнымъ и печальнымъ наслѣд-

ственнымъ состояніемъ. Обыкновенно признается, что у женщины способности созерцанія, быстрого воспріятія и, пожалуй, подражанія болѣе сильно выражены, чѣмъ у мужчины. Но, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ способностей представляютъ собою характерную черту низшихъ расъ. Слѣдовательно, онѣ являются характерными также для прошлыхъ и низшихъ состояній цивилизаціи.

Главное различіе, проявляемое обоими полами въ умственномъ отношеніи, выражается въ томъ, что мужчина достигаетъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ болѣе крупныхъ результатовъ, чѣмъ это можетъ сдѣлать женщина. И въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія вопросъ о томъ, требуется ли особая работа ума или фантазіи или просто работа органовъ чувствъ и рукъ. Если бы мы составили одинъ списокъ съ выдающимися мужчинами, а другой — съ выдающимися женщинами въ области поэзіи, живописи, скульптуры, музыки (при чемъ одинаково надо принимать въ соображеніе, какъ композиторовъ, такъ и виртуозовъ), исторіи, науки, философіи, и если бы мы для каждаго предмета выбрали по полудюжину именъ, то одинъ списокъ не выдержалъ бы никакого сравненія съ другимъ. А на основаніи закона отклоненій отъ средняго уровня, прекрасно выясненномъ Гальтономъ въ его книгѣ о «Наслѣдственной геніальности» мы можемъ заключить, что такъ какъ мужчины во многихъ отношеніяхъ значительно превосходятъ женщинъ, то средній масштабъ духовныхъ силъ болѣе значителенъ у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ.

У полудельцовъ прародителей человѣка, а также у дикихъ народовъ въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній происходила борьба между мужчинами за обладаніе женщинами. Но простая физическая сила и размѣры тѣла не часто будутъ приводить къ побѣдѣ, если съ ними не связана отвага, энергія и упорство. У общественныхъ животныхъ молодымъ самцамъ приходится выдерживать не одну борьбу, прежде чѣмъ имъ удастся завоевать себѣ самку. А старшіе самцы могутъ сохранить за собою самку лишь путемъ постоянной борьбы. Подобно человѣку, они вынуждены защищать своихъ самокъ и дѣтенышей противъ всевозможныхъ враговъ, и они должны заниматься охотой для пропитанія семьи. Но избѣгать враговъ или успѣшно нападать на нихъ, ловить дикихъ животныхъ, изобрѣтать и изготовлять оружіе можно только при помощи высшихъ духовныхъ способностей, а именно наблюдательности, разума, изобрѣтательности или силы воображенія. Такимъ образомъ, эти различныя способности постоянно подвергались испытанію и подвергались подбору въ зрѣлыя годы. Къ тому же въ этотъ періодъ жизни они должны были крѣпнуть вслѣдствіе упражненія. Слѣдовательно, въ соотвѣтствіи съ часто упоминаемымъ нами принципомъ, мы можемъ ожидать, что эти способности, по меньшей мѣрѣ, обнаруживаютъ склонность передаваться въ опредѣленный періодъ возмужалости, главнымъ образомъ, мужскимъ потомкамъ.

Если мужчина вступаетъ въ борьбу съ другимъ мужчиной или женщиной, и если обѣ борющіяся стороны обладаютъ различными духовными способностями въ одинаковой степени, съ тою разницею, что одна изъ нихъ болѣе энергична, вынослива и отважна, то, въ общемъ, сторона, обладающая болѣе энергіей, выносливостью и отвагой будетъ болѣе настойчиво, стремиться къ цѣли, независимо отъ цѣли, и одержитъ верхъ. Можно сказать, что данная сторона была геніальна, такъ какъ одинъ очень авторитетный человѣкъ объявилъ, что геній представляетъ собою не что иное, какъ терпѣніе, а терпѣніе означаетъ неотступающую неустранимую настойчивость. Но, пожалуй, такой взглядъ на геніальность не исчерпываетъ вопроса, такъ какъ безъ высшихъ силъ воображенія и

ума нельзя, по крайней мѣрѣ, во многихъ областяхъ добиться выдающихся успѣховъ. Но эти способности, подобно вышеупомянутымъ, развились у мужчины, отчасти, подъ влияніемъ полового подбора (т. е. подъ влияніемъ борьбы соперничающихъ самцовъ), а отчасти, подъ влияніемъ естественнаго подбора (т. е. подъ влияніемъ успѣха въ общей борьбѣ за жизнь); а такъ какъ въ обоихъ случаяхъ борьба возникала, по всей вѣроятности, тогда, когда животные находились въ зрѣломъ возрастѣ, то добытыя благодаря ей особенности и передавались въ болѣе совершенномъ видѣ мужскимъ чѣмъ женскимъ потомкамъ. Съ нашей мыслью, сводящейся къ тому, что очень многія изъ нашихъ духовныхъ способностей измѣнялись или крѣпли, подъ влияніемъ полового подбора, вполне сходится тотъ фактъ, что эти духовныя способности во первыхъ, претерпѣваютъ значительное измѣненіе въ періодъ достиженія половой зрѣлости, а во вторыхъ, значительно слабѣе развиты у енуховъ. Вотъ какимъ образомъ мужчина, наконецъ, оказался болѣе развитымъ, чѣмъ женщина. Къ счастью, у млекопитающихъ господствовалъ законъ равномѣрной передачи особенностей представителямъ обоихъ половъ; въ противномъ случаѣ мужчина превосходилъ бы женщину по своимъ духовнымъ способностямъ въ такой же значительной степени, въ какой павлинъ превосходитъ паву по украшеніямъ своихъ перьевъ.

Не надо упускать изъ виду того обстоятельства, что если особенности, приобретенныя однимъ поломъ въ какой либо болѣе поздній періодъ жизни, обнаруживаютъ склонность передаваться тому же полу и въ томъ же возрастѣ, то, хотя мы тутъ и имѣемъ дѣло съ общимъ правиломъ, но это не значитъ, что это общее правило всегда и повсюду дѣйствуютъ. Точно такъ же дѣло обстоитъ съ особенностями, приобретенными въ болѣе раннемъ возрастѣ и обнаруживающими склонность передаваться обоимъ поламъ. Если бы оба эти правила были всегда дѣйствительны, то мы могли бы прийти къ тому выводу, что переданныя по наслѣдству дѣйствія ранняго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ должны были бы передаваться равномѣрно обоимъ поламъ и, такимъ образомъ, современное неравенство между полами въ отношеніи ихъ духовной силы не могло бы быть сглажено одинаковымъ методомъ ихъ ранняго воспитанія; точно такъ же мы должны были бы прийти къ тому выводу, что это неравенство духовныхъ силъ не могло быть обусловлено неодинаковостью ихъ ранняго воспитанія (однако, я тутъ немного выхожу за предѣлы, которые я себѣ поставилъ). Чтобы женщина достигла той же высоты, какъ и мужчина, въ ней сдѣловало бы, приблизительно, въ зрѣломъ возрастѣ, развитъ до высшихъ предѣловъ энергію, выносливость, умъ и фантазію; и тогда она, по всей вѣроятности, передавала бы эти свойства, главнымъ образомъ, своимъ взрослымъ дочерямъ. Но всѣ женщины могли бы значительно развиться только въ томъ случаѣ, если бы въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній женщины, отличающіяся вышеупомянутыми добродѣтелями, выходили замужъ и оставляли бы послѣ себя болѣе многочисленное потомство, чѣмъ другія женщины. Если мужчинамъ и не приходится теперь больше вести борьбу за обладаніе женщинами, и если эта форма отбора вообще исчезла, то тѣмъ не менѣе, въ общемъ, мужчинамъ приходится въ зрѣломъ возрастѣ выдерживать ожесточенную борьбу для того, чтобы прокормить себя и свои семьи. А это должно повести къ тому, что ихъ духовныя силы должны будутъ остаться на той же высотѣ или даже возрасти. А въ результатъ этого современное неравенство должно будетъ остаться одинаковымъ или даже усиливаться....

Ч.

Предположимъ даже, что человѣкъ по своему физическому строенію

очень и очень сильно отличается от своих ближайших родственников, как это утверждают некоторые естествоиспытатели; тем не менее, как мне кажется, сообщенные факты показывают нам самым ясным образом, что человек происходит от какой-то низшей формы, хотя, с одной стороны, до настоящего времени еще не открыты промежуточные звенья, соединяющие его с другими животными, а с другой — пропасть, отделяющая его от ближайших родственников в отношении духовных сил, громадна.

Человек обнаруживает целый ряд незначительных и разнообразных изменений, вызванных теми же самыми общими причинами и возникших и передававшихся по тем же самым общим законам, которые мы наблюдаем у низших животных. Человек размножался в такой сильной пропорции, что он непременно был подвержен борьбе за существование, а следовательно, и естественному отбору. Вследствие этого возникло много человеческих рас, из коих некоторые так отличны одна от другой, что нередко естествоиспытатели рассматривали их, как ясно выраженные различные виды. Тело человека построено по тому же однородному плану, как и тело других млекопитающих. Он претерпевает те же состояния эмбрионального развития. У него имеются много рудиментарных и бесполезных образований, без сомнения, выполнявших некогда определенную функцию. Иногда у него появляются такие черты, которые, как мы это можем вполне основательно предположить, имелись на лице у его древних праотцев. Если бы по своему происхождению человек представлял собою нечто отличное от всех прочих животных, то на эти явления мы должны были бы смотреть, как на простую, ничего не говорящую игру природы. Такое допущение, однако, неверно. Если же мы предположим, что человек вместе с остальными млекопитающими происходит от какой-нибудь неизвестной низшей формы, то тогда эти явления, по крайней мере в значительной степени, становятся понятными нам.

Под влиянием глубокого впечатления, производимого на нас духовными и душевными силами человека, некоторые естествоиспытатели разделили весь органический мир на три царства, а именно, на царство человека, царство животных и царство растений. Таким образом, они поместили человека в особое царство. Естествоиспытатель не может сравнивать или классифицировать духовные силы; но он может пытаться показать (как я это сделаю), что духовные способности человека и низших животных не отличаются друг от друга по качеству, хотя и резко различны по степени. Различие в степени, независимо от своих размеров, не дает нам право поместить человека в особое царство. В этом мы можем легче всего убедиться путем сравнения духовных сил двух насекомых, а именно червеца (*Coccus*) и муравья, которые безусловно принадлежат к одному и тому же классу. Тут различие куда более значительно, чем между человеком и высшим млекопитающим, хотя в данном случае оно несколько иного рода. Самка червеца присасывается в молодости своим хоботком к растению, сосет его сок, но сама не двигается больше; там она оплодотворяется и несет яйца. Вот вся история жизни этого существа. А с другой стороны, описание привычек и духовных сил рабочего муравья должно было бы заполнить, как показал Пьер Гюбер, целую книгу. Я хочу, однако, привести несколько черт. Муравьи обмениваются различными сведениями. Часто они соединяются группами в несколько штук для одной и той же работы или для игры. Они узнают членов своей кучи даже после отсутствия их, продолжавшегося целые месяцы, и чувствуют симпатию

друг к другу. Они сооружают большие строения, содержат их в чистоте, запирают на ночь двери и разставляют сторожей. Они проводят улицы и даже строят туннели под рвами и временные мосты через реки, привешиваясь друг к другу. Они собирают пищу для всего товарищества, и если кто-нибудь из них приносит к гнезду какую-нибудь вещь, не пролетающую через дверь, то они расширяют дверь и затем снова перестраивают ее. Они устраивают запасы семян, которым они мешают развиваться. Если эти семена становятся сырыми, то они их выносят на воздух для сушки. Они держат травяных вшей и других насекомых в качестве дойных коров. Они отправляются стройными рядами в бой и не задумываясь жертвуют своею жизнью для общего блага. Они эмигрируют по заранее составленному плану. Они ловят себя рабов. Они переносят яйца своих дойных коров, а также свои собственные яйца и куколки в более теплую часть муравейника для того, чтобы из них скорее вышло новое потомство. Можно было бы привести еще целое множество подобных же фактов. В общем, муравьи по своим духовным силам отличаются от червеца очень сильно, и тем не менее никому даже во сне не приходило в голову расположить их в различных классах, не говоря уже о различных царствах. Без сомнения, через духовную пропасть, отделяющую вышеупомянутых насекомых друг от друга, перекидывается мост, если мы поставим между ними других насекомых, духовные силы которых представляют собою промежуточные звенья, соединяющие обе эти крайности. Для человека и высшей обезьяны мы не можем этого сделать. Но мы имеем полное основание думать, что перерыв, пробел в ряду является просто результатом того обстоятельства, что многие формы вымерли.

* *

В систематических трудах обыкновенно не упоминается о различных мелких и незначительных чертах сходства между человеком и высшими обезьянами. А между тем эти детали, имея на лице в значительном количестве, ясно обнаруживают наше родство с высшими четвероногими. Поэтому мне хочется специально указать на некоторые из них. Ясно видно, что взаимное расположение черт лица одинако у человека и четвероногих; различные душевные волнения находят свое высшее выражение в почти одинаковых движениях мускулов и кожи, главным образом, поверх бровей и вокруг рта. Некоторые выражения лица действительности совершенно тождественны. Так обстоит дело с плачем у некоторых видов обезьян и с шумным смехом у других, при чем углы рта оттягиваются назад, а нижние веки глаз сморщиваются. Наружное ухо поразительно одинаково. У человека нос выдается в значительно большей степени, чем у большинства обезьян. Но нос гиббона обнаруживает склонность к изгибу и превращению в орлиный нос, а у *Semnopithecus nasica* эта черта доведена до крайности, длающей ее смешною.

У многих обезьян имеются бороды, бакенбарды и усы. У некоторых видов *Semnopithecus* волосы на голове достигают до значительной длины. А у хохлатой мартишки (*Macacus radiatus*) волосы неходят из одной точки на макушке и делятся пробормом по средине, как у человека. Обыкновенно говорят, что лоб придает человеку благородный и интеллигентный вид; но густые волосы на голове хохлатой мартишки внезапно кончаются внизу и тут замещаются такими короткими и жесткими волосками, что на небольшом расстоянии лоб, за исключением бровей, кажется совершенно безволосым. Некоторые исследователи оши-

бочно утверждали, что ни у одной обезьяны нѣтъ бровей. У только что названнаго вида лобъ различныхъ особей лишенъ волосъ въ различной степени, а Эшрихтъ указываетъ на то, что граница между покрытой волосами кожей головы и голымъ лбомъ иногда не рѣзко очерчена у нашихъ дѣтей, такъ что въ данномъ случаѣ, какъ кажется, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ атаксизма, указывающаго на какого-то нашего прародителя, у котораго лобъ еще не совсѣмъ былъ лишенъ волосъ.

Извѣстно, что волосы на нашихъ рукахъ стремятся сверху и снизу сойтись къ одной точкѣ на локтѣ. Это удивительное положеніе волосъ, несомнѣнно различный характеръ у большей части низшихъ млекопитающихъ, имѣется на лицо не только у человѣка, но и у гориллы, шимпанзе, оранга, нѣкоторыхъ видовъ длиннорукихъ (*Hylobates*) и даже у нѣсколькихъ американскихъ обезьянъ. Но у *Hylobates agilis* волосы на предплечьяхъ обращены внизъ или на обычный манеръ къ кисти руки. А у *Hylobates Lar* они расположены почти отвѣсно съ очень незначительнымъ наклономъ впередъ, такъ что у этого послѣдняго вида волосы находятся въ переходномъ состояніи. Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что у большей части млекопитающихъ густота и направленіе волосъ на спинѣ приспособлено къ тому, чтобы не допускать дождя. Даже поперечные волосы на предплечьяхъ собаки могутъ по своему направленію служить этой цѣли, когда во время сна собака свертывается. Уоллестъ говоритъ, что направленіе волосъ на рукахъ оранга служитъ къ тому, чтобы не допускать дождя. Этотъ изслѣдователь, тщательно изучившій образъ жизни оранга, указываетъ на то, что во время дождя обезьяна по обыкновенію сидитъ, охвативъ руками вѣтвь или собственную голову. По сообщенію Ливингстона, горилла тоже сидитъ «подъ проливнымъ дождемъ съ скрещенными надъ головою руками». По всей вѣроятности, только что данное нами объясненіе этого явленія правильно, а если это такъ, то волосы на нашихъ рукахъ могутъ служить удивительными свидѣтелями нашего прежняго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, никто не станетъ теперь высказывать предположенія, что эти волосы въ настоящее время приносятъ намъ какую-нибудь пользу въ дѣлѣ защиты отъ дождя. Да и при теперешнемъ положеніи нашего тѣла направленіе этихъ волосъ совершенно не соответствуетъ этой цѣли.

Было бы, однако, опрочетчивостью, если бы мы слишкомъ довѣряли принципу приспособленія въ вопросѣ о направленіи волосъ у человѣка или у его древнихъ предковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы рассмотримъ къ чертежамъ Эшрихта, относящихся къ вопросу о положеніи волосъ у человѣческаго зародыша (а у зародыша волосы расположены такъ же, какъ и у взрослого), то мы не могли бы не согласиться съ этимъ выдающимся наблюдателемъ въ томъ, что сильное вліяніе на то или иное положеніе волосъ оказали еще другія болѣе сложныя причины. Точки схожденія волосъ, какъ кажется, находятся въ извѣстномъ отношеніи къ тѣмъ точкамъ у зародыша, которыя позже всего закрываются въ его развитіи. Кромѣ того кажется, что существуетъ также опредѣленное отношеніе между расположеніемъ волосъ на членахъ и направленіемъ костныхъ артерій.

Но не надо думать, что вышеуказанныя и многія другія черты сходства между человѣкомъ и извѣстными обезьянами (а къ такимъ чертамъ относятся безволосый лобъ, волнистые волосы на головѣ и т. д.) являются всѣ необходимымъ результатомъ безпрерывной наслѣдственной передачи этихъ чертъ даннымъ существамъ отъ предка. Не надо также думать, что онѣ представляютъ собою результатъ атаксизма. Многія изъ этихъ чертъ сходства являются, по всей вѣроятности, слѣдствіемъ аналогичныхъ измѣненій, вытекающихъ, какъ я это пытался показать въ другомъ мѣстѣ,

изъ того, что организмы, происходящіе отъ общихъ родоначальныхъ формъ, обнаруживаютъ сходное тѣлосложеніе и подвергаются вліянію сходныхъ причинъ, вызывающихъ измѣнчивость. Что касается схода въ направленіи волосъ на рукѣ человѣка и извѣстныхъ обезьянъ, то тутъ можно предположить, что эта черта, по всей вѣроятности, является результатомъ наслѣдственности, такъ какъ она имѣется на лицо почти у всѣхъ члѣвкообразныхъ обезьянъ. Однако, этого нельзя утверждать съ особенной увѣренностью въ виду того, что ту-же черту обнаруживаютъ нѣкоторыя американскія обезьяны, стоящія очень далеко отъ вышеупомянутыхъ формъ.

* *

Самымъ лучшимъ изъ опредѣленій развитія или прогресса въ органической природѣ является опредѣленіе, данное Карломъ Эрнстомъ фонъ-Бэромъ и сводящееся къ тому, что развитіе поконится на суммѣ дифференціаціи и специализаціи различныхъ частей одного и того же существа. Къ этому мнѣ хотѣлось бы только прибавить, что данное существо должно прежде достигнуть зрѣлости. Такъ какъ организмы медленно приспособились къ различнымъ родамъ жизни путемъ естественнаго отбора, то ихъ части все болѣе и болѣе дифференцировались и специализировались для различныхъ функцій подъ вліяніемъ преимуществъ, добытыхъ ими вслѣдствіе раздѣленія физиологическаго труда. Какъ кажется, одна и та же часть часто служила сначала для одной какой-нибудь цѣли, а затѣмъ, значительно позже, для какой-нибудь другой совершенно различной цѣли и, соответственно этому, мѣнялась. Благодаря этому всѣ части болѣе или менѣе усложнялись. Но каждый организмъ все-таки сохранялъ общій типъ строенія своего прародителя. Если мы примемъ въ соображеніе данныя геологическія, то мы придемъ къ тому заключенію, что въ общемъ организація на землѣ шла по пути прогресса медленными и прерывавшимися шагами, въ соотвѣтствіи съ высказаннымъ выше взглядомъ. Въ крупной группѣ позвоночныхъ животныхъ организація достигла своей высшей точки развитія въ лицѣ человѣка. Не надо, однако, думать, что группы органическихъ существъ постоянно гибнутъ и исчезаютъ, лишь только отъ нихъ произошли другія болѣе совершенныя группы. Если эти болѣе совершенныя группы въ общемъ, и одерживали побѣду надъ своими предшественниками, то изъ этого не слѣдуетъ, что онѣ непремѣнно были лучше приспособлены ко всѣмъ мѣстамъ въ хозяйствѣ природы. Нѣкоторыя старыя формы, по всѣмъ видимостямъ, оставались существовать, потому что онѣ жили въ защищенныхъ мѣстахъ, гдѣ имъ не приходилось выдерживать очень сильной конкуренціи. И эти старыя формы очень часто помогали намъ при постройкѣ нашихъ родословныхъ таблицъ, такъ какъ онѣ давали намъ болѣе или менѣе ясную картину болѣе старыхъ образованій, погибшихъ въ другихъ мѣстахъ. Но мы не должны дѣлать того ошибочнаго вывода, будто живущіе въ настоящее время члены какой-нибудь низко организованной группы являются въ полномъ смыслѣ слова представителями старыхъ прародителей ея.

Въ группѣ позвоночныхъ животныхъ древнѣйшими предками были, какъ намъ кажется, представители группы морскихъ животныхъ *), похожихъ

*) Обитатели морского побережья должны подвергаться сильному вліянію со стороны приливовъ. Животныя, живущія или на средней границѣ прилива, или на средней границѣ отлива, подвергаются въ теченіе 14 дней дѣйствию полного кругооборота различныхъ состояній приливо-отлива. Вслѣдствіе этого они будутъ постоянно переживать рѣзкія измѣненія въ дѣлѣ добыванія пищи. Жизненные явленія такихъ животныхъ, члѣны поколѣнія которыхъ подвергаются дѣйствию этихъ условій, будутъ, по всей вѣроятности, протекать правильными нѣдѣльными періодами. У высшихъ позвоночныхъ животныхъ, живущихъ въ настоящее время на сушѣ, а также и среди

на личинки нашихъ современныхъ асцидй. Конечно, я говорю тутъ объ этихъ предкахъ постольку, поскольку мы можемъ окинуть взоромъ прошлое. Отъ этихъ животныхъ, по всей вѣроятности, развилась группа рыбъ, ставшихъ на такой же низкой ступени развитія, какъ ланцетникъ. Изъ этихъ рыбъ, надо думать, развились ганоидныя и другія, похожія на чешуйчатника рыбы. А отсюда къ земноводнымъ уже очень небольшой шагъ. Мы знаемъ, что птицы и пресмыкающіяся находились когда-то въ тѣсной взаимной связи. А однопроходныя связываютъ въ незначительной степени млекопитающихъ съ пресмыкающимися. Но въ настоящее время никто не можетъ сказать, какимъ образомъ должны быть выведены три высшихъ и родственныхъ другъ другу класса, — млекопитающія, птицы и пресмыкающіяся, — изъ двухъ низшихъ классовъ позвоночныхъ, а именно, амфибій и рыбъ. Внутри класса млекопитающихъ не трудно прослѣдить отдѣльные этапы развитія, ведущіе отъ древнихъ однопроходныхъ къ древнимъ сумчатымъ и отъ этихъ послѣднихъ къ древнимъ предкамъ живородящихъ, млекопитающимъ. Мы можемъ такимъ путемъ дойти до лемуриныхъ, а разстояніе, отдѣляющее этихъ послѣднихъ отъ обезьянъ, незначительно. Обезьяны раздѣлились на двѣ крупныя вѣтви, а именно, на обезьянъ новаго и обезьянъ стараго свѣта. Отъ обезьянъ стараго свѣта и произошелъ въ отдаленное время человѣкъ, это чудо и гордость вселенной.

Такимъ образомъ, мы снабдили человѣка очень длиннымъ родословнымъ деревомъ. Можно было бы, однако, подумать, что это родословное дерево не говоритъ о благородномъ происхожденіи человѣка. Нерѣдко говорилось, что міръ долго приготовлялся къ приходу человѣка. Въ извѣстномъ смыслѣ эта мысль вѣрна, такъ какъ человѣкъ обязанъ своимъ рожденіемъ длинному ряду предковъ. Если бы не существовалъ хотя бы одинъ членъ этой длинной цѣпи, то человѣкъ не сталъ бы тѣмъ, что онъ есть. Если мы не станемъ нарочно закрывать глаза, то на основаніи нашихъ современныхъ знаній мы можемъ приблизительно опредѣлить свое происхожденіе, и намъ нечего стыдиться его. Самый низшій организмъ представляетъ собою нѣчто значительно высшее, чѣмъ неорганическая пыль подъ нашими ногами. И всякій непредубѣжденный человѣкъ не можетъ при изученіи хотя бы самаго низшаго живого существа удержаться отъ восторженнаго удивленія передъ поразительнымъ строеніемъ и удивительными свойствами его. Ч.

Прежде чѣмъ скрещивать своихъ лошадей, быковъ и собакъ, человѣкъ подвергаетъ самому тщательному изслѣдованію характеръ и родословную ихъ. Когда же ему приходится самому жениться, то онъ никогда или почти никогда не занимается этимъ. Имъ руководятъ при этомъ приблизительно

другихъ классовъ мы наблюдаемъ тотъ таинственный фактъ, что многіе нормальные и болѣзненные процессы подвержены періодамъ въ одну или нѣсколько недѣль. Эта періодичность стала бы намъ понятной, если бы мы знали, что позвоночныя животныя происходятъ отъ животного, находящагося въ родствѣ съ нашими асцидами, которыя живутъ въ предѣлахъ приливовъ. Можно привести нѣкій рядъ примѣровъ періодическихъ процессовъ, какъ, напримѣръ, беременность млекопитающихъ, продолжительность лихорадочныхъ болѣзней и т. д. Хорошимъ примѣромъ можетъ также служить высѣживание яицъ. По сообщенію Барталета („Land and Water“ 17 янв. 1871 г.) годубныя яйца высѣживаются въ двѣ недѣли, куриныя — въ три, утиныя — въ четыре, гусиныя — въ пять, а страусовыя — въ семь. Поскольку мы можемъ судить объ этомъ предметѣ, постоянно повторяющаяся періодичность не должна была бы легко измѣняться, разъ продолжительность ея болѣе или менѣе подходила для какого-нибудь явленія или функціи. Слѣдовательно, такая періодичность могла бы передаваться по наслѣдству безчисленному ряду поколѣній. Съ измѣненіемъ функціи должна была бы измѣниться и періодичность, и она очень легко мѣнялась бы сразу чуть ли не на двѣ недѣли. Если мы признаемъ этотъ выводъ правильнымъ, то онъ крайне интересенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ продолжительность беременности каждаго млекопитающаго, продолжительность высѣживания птичьихъ яицъ и многія другія жизненныя явленія указывали бы намъ еще и теперь на первоначальную родину этихъ животныхъ.

тѣ же мотивы, какъ и низшими животными, которымъ предоставленъ свободный выборъ, съ тою лишь разницею, что онъ цѣнить очень высоко духовныя прелести и добродѣтели. Съ другой стороны, его сильно привлекаетъ состоятельность или общественное положеніе невѣсты, а между тѣмъ онъ могъ бы путемъ выбора сдѣлать кое-что не только для физическаго состоянія и вѣщности своихъ потомковъ, но и для ихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ. И мужчины, и женщины должны были бы удерживаться отъ брака, когда ихъ тѣло или духъ не отвѣчаютъ въ значительной степени современнымъ потребностямъ. Но подобныя надежды утопичны и никогда, даже отчасти, не осуществляются, прежде чѣмъ нами не будутъ познаны окончательно законы наслѣдственности. Все, приближающее насъ къ этой цѣли, полезно. Когда принципы размноженія и наслѣдственности будутъ лучше поняты, тогда намъ не придется быть свидѣтелями того, какъ невѣжественные члены нашихъ законодательныхъ учрежденій съ презрѣніемъ отвергнуть проектъ изслѣдованія вопроса о томъ, вредны ли нѣтъ для человѣка браки между родственниками.

Прогрессъ благосостоянія человѣчества представляетъ собою крайне трудную, запутанную проблему. Всѣ люди, которые не могутъ обезпечить въ матеріальномъ отношеніи своихъ дѣтей, должны удерживаться отъ брака, такъ какъ бѣдность не только является сама по себѣ большимъ зломъ, но и постоянно увеличивается, обуславливая необходимость при заключеніи брака. Съ другой стороны, какъ замѣчаетъ Гальтонъ, въ томъ случаѣ, если умные люди будутъ избѣгать заключенія браковъ, а безпечные не будутъ этого дѣлать, то худшіе члены человѣческаго общества будутъ мало-по-малу вытѣснять лучшихъ. Подобно всѣмъ другимъ животнымъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, поднялся до своей современной высоты при посредствѣ борьбы за существованіе, обусловленной его сильнымъ размноженіемъ. Для того, чтобы идти впередъ по пути прогресса, ему придется и въ будущемъ выдерживать жестокую борьбу. Въ противномъ случаѣ онъ погрязнетъ въ косности, и болѣе одаренные люди не пользовались бы большимъ успѣхомъ въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ менѣе одаренные. Поэтому наше естественное размноженіе не должно быть сильно задерживаемо какими-нибудь средствами, хотя нельзя не признать того, что оно ведетъ къ очень многимъ очевиднымъ бѣдствіямъ. Для всѣхъ людей должна остаться въ силѣ открытая конкуренція, и нельзя путемъ законодательства или обычной мѣшательствъ наиболѣе способнымъ людямъ пользоваться успѣхомъ и оставлять послѣ себя наиболѣе многочисленное потомство. Какъ ни велика была роль борьбы за существованіе, тѣмъ не менѣе, поскольку вопросъ идетъ о высшей сторонѣ человѣческой природы, надо принимать въ соображеніе также другія, еще болѣе важныя силы. Въ самомъ дѣлѣ, нравственные качества развились въ насъ непосредственно или косвенно, скорѣе благодаря дѣйствию привычки, благодаря силѣ мышленія, благодаря образованію, религіи и т. д., чѣмъ благодаря естественному отбору. Эту мысль я высказываю вполне увѣренно, приписывая въ то же время вліянію естественнаго отбора возникновеніе социальныхъ инстинктовъ, составившихъ основу развитія нравственнаго чувства.

Въ настоящей книгѣ я прихожу, главнымъ образомъ, къ тому выводу, что человѣкъ происходитъ отъ болѣе низко организованной формы. Я долженъ признать, что, къ моему крайнему сожалѣнію, этотъ выводъ покажется очень многимъ людямъ непріятнымъ. Но вѣдь никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что мы происходимъ отъ варваровъ. Я никогда не забуду того изумленія, которое я испытывалъ, когда впервые увидѣлъ на дикомъ, разбѣшенномъ ущельемъ, побережьи толпу жителей Огненной Земли. Дѣло въ томъ, что у меня при видѣ этихъ существъ сразу пронеслась въ

головѣ слѣдующая мысль: таковы были наши предки. Эти люди были совершенно голы и грубо раскрашены. Ихъ длинные волосы были всклокочены, отъ волненія изъ ихъ ртовъ текла слюна, ихъ лица выражали дикое изумленіе и недовѣріе. Имъ было неизвѣстно никакое ремесло, никакое искусство. Подобно дикимъ животнымъ, они жили тѣмъ, что могли ловить. У нихъ не было никакого правительства, и ко всякому человѣку, не принадлежавшему къ ихъ маленькому племени, они были безжалостны. Всякій, кто видѣлъ дикаря на его родинѣ, не будетъ испытывать особаго стыда, если онъ долженъ будетъ признать, что въ его жилахъ течетъ кровь еще болѣе низкихъ существъ. Что касается лично меня, то я такъ же охотно признаю свое происхожденіе отъ той героической обезьянки, которая выступила противъ страшнаго врага, чтобы спасти жизнь своего сторожа; я такъ же охотно признаю свое происхожденіе отъ того стараго павіана, который, спустившись съ холма, вывелъ съ торжествомъ своего молодого товарища изъ толпы обступившихъ его собакъ, остановившихся въ изумленіи передъ этимъ геройствомъ,—повторяю, я также охотно признаю свое происхожденіе отъ этихъ существъ, какъ отъ дикаря, которому доставляютъ удовольствіе муки его враговъ, который безъ угрызенія совѣсти убиваетъ дѣтей, который обращается со своими женами, какъ съ рабынями, который не знаетъ ни нравственности, ни приличія и который пропитанъ самымъ грубымъ суевѣріемъ.

Человѣка можно извинить за его чувство гордости по поводу того, что онъ достигъ, хотя и не собственными усиліями, высшей ступени органическаго развитія. И тотъ фактъ, что онъ достигъ этой ступени постепенно, а не поставленъ сразу на нее, можетъ внушить ему надежду на то, что въ будущемъ его ждетъ еще высшее назначеніе. Но тутъ мы имѣемъ дѣло не съ надеждами или опасеніями, а лишь съ истинной, поскольку нашъ умъ позволяетъ открывать ее. Я привелъ матеріалъ въ пользу своихъ взглядовъ, матеріалъ, собранный мною по мѣрѣ моихъ силъ. Какъ мнѣ кажется, мы должны признать, что человѣкъ со всѣми его благородными качествами, со всѣми симпатіями, испытываемыми имъ по отношенію къ высшимъ существамъ, со всѣмъ благоволеніемъ, обнаруживаемымъ имъ не только по отношенію къ другимъ людямъ, но и по отношенію къ самымъ низшимъ живымъ существамъ, со всѣмъ его богоподобнымъ разумомъ, проникшимъ въ движенія и строенія солнечной системы,—однимъ словомъ, что человѣкъ со всѣми его высшими силами носить тѣмъ не менѣе на себѣ неизгладимую печать низкаго происхожденія.

Ч.

4. Зачатки духовной жизни.

«Усики растений обладаютъ какимъ-то чувствомъ». Чувствительность растений, лазающихъ съ помощью листьевъ. Происхожденіе этой чувствительности. Циркумнутація. Соответствующее условія поведения усиковъ. Насѣкомоядная росянка. Жидкость растеній, служащая для пищеваренія, и химическое чувство. Растеніе болѣе чувствительно, чѣмъ любой нервъ. Росянка является какъ бы крайне чувствительнымъ животнымъ. Различія между животнымъ и человѣкомъ въ умственномъ отношеніи. Между человѣкомъ и духомъ животного нѣтъ основныхъ различій. Инстинктъ. Унаслѣдованная привычка. Среди инстинктовъ тоже дѣйствуетъ естественный подборъ. Между инстинктомъ и умомъ могутъ происходить столкновенія. Животные играютъ. У животныхъ имѣются настроенія, какъ и у человѣка. Любовь животныхъ. Духовная возбудимость животныхъ. Животные учатся и учать. Память и воображеніе животныхъ. Разумъ животныхъ. Точки соприкосновенія между умомъ человѣка и умомъ животныхъ. Способность самосовершенствованія. Животныя тоже примѣняютъ орудія труда. Какъ первобытный человѣкъ изобрѣлъ орудія труда. Способность отвлеченнаго мышленія у животныхъ. Самосознаніе. Языкъ животныхъ. Разлитіе языка. Возникновеніе членораздѣльных звуковъ. Духовное содержаніе рѣчи. Органы рѣчи. Законы образованія рѣчи. Естественный отборъ и постепенное развитіе рѣчи. Выраженіе ощущеній унаслѣдовано нами отъ предковъ—животныхъ. Радость, страхъ, страданіе, гнѣвъ, удивленіе, отвращеніе. Движенія, служащія, главнымъ образомъ, для выраженія ощущеній,—прирождены. Чувство красиваго у животныхъ. Гармонія, симметрія, украшенія. Разлитіе вкуса, эстетическое настроеніе, значеніе красоты. Посредники оплодотворенія привлекаются растеніями. Многія предесты развились подъ вліяніемъ полового подбора. Идеалы красоты мѣняются. Наслажденіе музыкой имѣется у всѣхъ расъ. Музыкальная способность. Настроеніе въ музыкѣ. Музыка, языкъ любви, болѣе стара, чѣмъ рѣчь. При помощи музыки первобытные люди очаровывали другъ друга.

Часто можно было слышать, что растенія отличаются отъ животныхъ отсутствіемъ способности къ движенію. Правильнѣе было бы сказать, что растенія только тогда пріобрѣтутъ эту способность и будутъ развивать ее, когда она будетъ почему-либо для нихъ выгодна; но такой случай имѣетъ мѣсто, сравнительно, очень рѣдко, такъ какъ растенія прикрѣплены къ землѣ и получаютъ свою пищу изъ воздуха и дождя. Наблюдая одно изъ наиболѣе совершенныхъ растеній, лазающихъ съ помощью усиковъ мы видимъ, какой высокой ступени организаціи можетъ достигнуть растеніе. Лазающее растеніе сначала устанавливаетъ свои усики, такъ чтобы они были готовы къ дѣятельности. Оно такимъ образомъ напоминаетъ полипа, направляющаго свои щупальцы. Если усикъ установленъ неправильно, то на него дѣйствуетъ сила тяжести, и онъ мѣняетъ свое положеніе. На него дѣйствуетъ свѣтъ, наклоняющій его къ себѣ или отклоняющій его отъ себя; свѣтъ можетъ также не реагировать на усикъ: все это зависить отъ того, что наиболѣе выгодно для усика. Нѣсколько дней усики или междуузлія или и тѣ и другія самопроизвольно вращаются, безпрестанно двигаясь. Усикъ наталкивается на какой-нибудь предметъ, быстро оборачивается вокругъ него и крѣпко схватываетъ его. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ усикъ сворачивается въ спиральную линію, вытягиваетъ при этомъ стебель въ вышину и образуетъ прекрасную пружину. Тогда всякія движенія прекращаются. Разрастаясь, ткани вскорѣ значительно крѣпнутъ и пріобрѣтаютъ поразительную прочность. Усикъ выполнилъ свою работу и выполнилъ ее притомъ удивительнымъ способомъ. Л.

Я получилъ экземпляръ растенія *Echinocystis lobata* для производства наблюденій надъ раздражимостью усиковъ, описанной Азой Грѣемъ и, конечно, не подлежащей сомнѣнію. Я поставилъ растеніе въ своемъ кабинетѣ, и представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что верхняя часть каждой вѣтви (т. е. ствола между двумя верхними листьями за исключеніемъ растущей верхушки) постоянно и медленно вращается и описываетъ въ промежуткѣ времени, колеблющейся между получасомъ и

двумя часами, полный кругъ. Иногда она дѣлаетъ два или три круга и затѣмъ съ такою же быстротою начинаетъ вращаться въ противоположномъ направленіи и, такимъ образомъ, разворачивается. Прежде чѣмъ начать свое обратное вращательное движеніе, она, по большей части, отдыхаетъ полчаса. Стволъ вертится не постоянно. Часть ствола, находящаяся ниже вращающейся верхушки, совершенно не движется, несмотря на то, что она не прикреплена. Это движеніе происходитъ цѣлый день и первую часть ночи. Оно не находится ни въ какой связи со свѣтомъ, такъ какъ растение стоитъ на моемъ окнѣ и движется съ одинаковой быстротой какъ по направленію къ свѣту, такъ и обратно. Это вращательное движеніе, поскольку я знакомъ съ ботаникой, можетъ представлять собою довольно частое явленіе, но оно сильно смутило меня, когда я началъ наблюдать раздражимость усиковъ. Я не говорю, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ конечной причиной явленія, но результатъ очень интересенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ полтора или два часа растение пробѣгаетъ кругъ, діаметръ котораго колеблется между однимъ футомъ и двадцатью дюймами (соотвѣтственно длинѣ наклоняющагося побѣга и длинѣ усика), и прикасаясь къ какому-нибудь предмету, усики вслѣдствіе своей раздражимости тотчасъ же схватываютъ его. Опытный садовникъ, живущій въ сосѣдствѣ со мною, сказалъ мнѣ вчера вечеромъ при видѣ растенія: «мнѣ кажется, что усики могутъ видѣть, такъ какъ куда бы я ни поставилъ растенія, оно все же находитъ по близости какую-нибудь опору». Я думаю, что въ вышесказанномъ содержится объясненіе того, что растеніе медленно движется по кругу. Усики обладаютъ какимъ-то чувствомъ, такъ какъ они не схватываютъ другъ друга, когда они молоды....

II (Гукеру) III.

Выгода, доставляемая растенію его способностью лазить, заключается въ томъ, что растеніе добирается до свѣта и воздуха съ наименьшей затратой органической субстанціи. Дѣло въ томъ, что у вьющихся растеній стебель значительно длиннѣе, чѣмъ это абсолютно необходимо. Для примѣра я могу привести турецкій бобъ; я измѣрялъ стебель одного экземпляра турецкихъ бобовъ и нашелъ, что онъ поднялся на высоту двухъ футовъ, между тѣмъ какъ длина его равнялась тремъ футамъ. А съ другой стороны, стебель гороха, поднявшійся на ту же высоту при помощи усиковъ, былъ лишь немногимъ длиннѣе двухъ футовъ. О выгодности этой экономіи въ длинѣ стебля для лазящихъ растеній я сужу по тому факту, что виды, которые вьются, но при этомъ получаютъ поддержку со стороны обхватывающихъ черешковъ или усиковъ, усваиваютъ, по большей части, болѣе раздвинутыя спирали, чѣмъ какія наблюдаются у простыхъ вьющихся растеній. Впрочемъ, растенія, вьющіяся при помощи листовыхъ черешковъ или усиковъ, по большей части сначала дѣлаютъ два круга въ видѣ спирали, а затѣмъ поднимаются прямо вверхъ на нѣкоторое разстояніе; послѣ этого они снова вьются по спирали, но уже въ обратномъ направленіи. При помощи этого средства они при одинаковой длинѣ стебля, поднимаются на значительно большую высоту, чѣмъ это было бы имъ возможно при иномъ положеніи вещей. Они могутъ продѣлать это вполне спокойно, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ имъ помогаютъ ихъ листовые черешки или усики, зацѣпляющіеся за предметы....

Во всей группѣ растеній, лазящихъ при помощи листьевъ, было найдено много доказательствъ того, что органъ, исполняющій функціи листа, можетъ въ то же время быть чувствительнымъ къ прикосновенію и схватывать подъ влияніемъ этой чувствительности прилегающіе предметы. У

многихъ растеній, лазящихъ при помощи листьевъ, настоящіе листья самопроизвольно вращаются, а ихъ черешки, охвативъ какую-нибудь опору, начинаютъ толстѣть и крѣпнуть. Изъ этого мы видимъ, что листья могутъ приобретать всѣ характерныя свойства усиковъ, а именно, чувствительность, самопроизвольное движеніе и затѣмъ увеличенную крѣпость....

Если мы займемся изслѣдованіемъ того, какимъ образомъ черешокъ листа, вѣтвь или цвѣтоножка сталъ первоначально чувствительнымъ къ прикосновенію и приобрѣлъ способность загибаться въ ту сторону, къ которой прикоснулись, — то ясныхъ и точныхъ результатовъ мы не получимъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не обратить вниманія на сдѣланное Гофмайстеромъ наблюденіе, что при сотрясеніи побѣги и листья всѣхъ растеній въ молодости приходятъ въ движеніе. Кернеръ тоже находитъ, что если мы потремъ или легко потремъ цвѣтоножки различныхъ растеній, то они сгибаются въ ту сторону, которая была потерта. А вѣдь при прикосновеніи въ движеніе приходятъ именно молодые листовые черешки и усики, независимо отъ ихъ морфологическаго значенія. Изъ этого съ очевидностью вытекаетъ, что лазящія растенія использовали и усовершенствовали такую способность, которая крайне распространена и которая можетъ развиваться. Поскольку мы можемъ судить объ этомъ, данная способность не приноситъ обыкновеннымъ растеніямъ никакой пользы. Какимъ образомъ стебли растеній, листовые черешки цвѣтоножки и усики лазящихъ растеній впервые приобрѣли способность къ самопроизвольной круговой нутаціи (движенію)*, т. е. способность сгибаться по очереди ко всѣмъ точкамъ окружности? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы опять-таки можемъ лишь молчаніемъ или, въ самомъ лучшемъ случаѣ, мы можемъ указать на то, что самопроизвольная, а также обусловленная различными раздраженіями, способность къ движенію встрѣчается у растеній значительно чаще, чѣмъ это думаютъ люди, не обращающіе особаго вниманія на этотъ предметъ. Я привелъ интересный примѣръ въ лицѣ *Maurandia semperflorens*; молодыя цвѣтоножки этого растенія вращаются по очень маленькимъ кругамъ; въ томъ случаѣ если вы ихъ нѣжно потрете, то онѣ изгибаются въ ту сторону, къ которой вы прикоснулись. А вѣдь изъ этихъ обихъ слабо развитыхъ способностей данное растеніе безусловно не извлекаетъ никакой выгоды....

Самую интересную черту въ естественной исторіи лазящихъ растеній

*) Наиболѣе распространенное движеніе сходно по своему характеру съ движеніемъ стебля лазящаго растенія, который поочередно движется по всѣмъ точкамъ окружности, такъ что верхушка его вращается. За это называю это движеніе «круговой нутаціей». Дарвинъ же нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ употребить выраженія «циркумнутація» и «циркумнутировать». Дарвинъ характеризуетъ природу этого движенія слѣдующимъ образомъ: «присмотритесь къ какому-нибудь циркумнутирующему стеблю. Предположимъ, что онъ въ данный моментъ случайно наклоненъ къ сѣверу. Тогда мы увидимъ, что онъ постепенно наклоняется все болѣе къ востоку, пока онъ не начнетъ нагибаться къ югу, потомъ — къ западу и, наконецъ, снова къ сѣверу. Если бы движеніе совершалось вполнѣ регулярно, то верхушка стебля описала бы кругъ или, вѣрнѣе сказать, кругообразную спираль, такъ какъ стебель постоянно растетъ вверхъ. Но, по большей части, верхушка описываетъ неправильныя эллиптическія или овальныя фигуры, что объясняется тѣмъ фактомъ, что направившись въ извѣстную сторону, верхушка потомъ обыкновенно движется правду, въ противоположную сторону, но при этомъ она не возвращается тѣмъ же путемъ. Затѣмъ поочередно описываются другіе неправильные эллипсы или овалы, болѣе оси которыхъ направлены въ различныя точки окружности. Описывая подобныя фигуры, верхушка стебля въ то же время часто движется по зигзагообразной линіи, или описываетъ небольшіе петли или треугольники. При движеніяхъ листьевъ эллипсы, по большей части узкіе». Дарвинъ указываетъ «что, по всѣмъ видимостямъ, каждая растущая часть растенія находится постоянно въ состояніи циркумнутаціи, причѣмъ часто, правда, эта циркумнутація крайне незначительна».

Прим. Бруно Вилле.

составляютъ различные роды движеній, совершаемыхъ этими растеніями въ очевидной связи съ ихъ потребностями. Способность къ движенію обнаруживаютъ самые разнообразныя органы, а именно, стебли, вѣтви, листовые черешки, цвѣтоножки, среднія жилки листьевъ и листочковъ и, по всей вѣроятности, также воздушные корни.

Во-первыхъ, усики стремятся занять подходящее положеніе. Такъ напримѣръ, усики растенія *Cobaea* подымается прежде всего вертикально; при этомъ его вѣтви раздвинуты, а конечныя крючки обращены наружу. Молодой побѣгъ на верхушкѣ стебля въ то же время наклоненъ немного въ сторону, такъ что онъ не находится на пути усика. Съ другой стороны, молодые листья растенія *Clematis* приготавливаются къ дѣятельности тѣмъ, что они временно сгибаются внизъ и, такимъ образомъ, служатъ въ качествѣ якорей.

Во-вторыхъ, мы наблюдаемъ, что когда вьющееся растеніе или усики попадаютъ какъ-нибудь случайно въ наклонное положеніе, то вскорѣ онъ снова распрямляется, хотя бы онъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ свѣта. Руководящимъ раздражителемъ является, несомнѣнно, сила тяжести, какъ это доказалъ Эндрью Найтъ (Andrew Knight) на развивающихся растеніяхъ. Если вы поставите побѣгъ какого-нибудь обыкновеннаго растенія въ наклонномъ положеніи въ стаканъ воды и будете держать его въ темнотѣ, то въ нѣсколько часовъ верхушка побѣга изогнется вверхъ; и если вы затѣмъ перевернете побѣгъ верхней стороной внизъ, то онъ измѣнитъ свой изгибъ и повернется въ обратную сторону. Если вы то же самое сдѣлаете съ побѣгомъ земляники, не обнаруживающимъ склонности расти вверхъ, то онъ будетъ изгибаться въ направленіи силы тяжести, а не въ противоположномъ ей направленіи. То же самое мы наблюдаемъ у вьющихся побѣговъ растенія *Hibbertia dentata*, которое лазитъ въ боковомъ направленіи отъ кустарника къ кустарнику. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ побѣгъ этого растенія и помѣстимъ ихъ въ наклонномъ положеніи, то они обнаруживаютъ очень незначительную склонность изгибаться вверхъ; иногда же они не обнаруживаютъ никакой склонности къ этому.

Въ-третьихъ, лазящія растенія, подобно другимъ растеніямъ, сгибаются по направленію къ свѣту, причемъ они совершаютъ движеніе, которое вполне сходно съ сгибаніемъ, побуждающимъ ихъ вращаться. Такимъ образомъ, ихъ круговое движеніе часто ускоряется или замедляется при ихъ движеніи по направленію къ свѣту или отъ свѣта. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ усики сгибаются по направленію къ темнотѣ.

Въ-четвертыхъ, мы наблюдаемъ самопроизвольное револютивное движеніе, не находящееся въ зависимости отъ какого-либо вѣшняго раздраженія, но находящееся въ связи съ молодостью данной части растенія и съ ея здоровьемъ. А здоровье, въ свою очередь, зависитъ, конечно, отъ хорошей температуры и другихъ благоприятныхъ жизненныхъ условій.

Въ-пятыхъ, усики (независимо отъ ихъ значенія) и черешки листьевъ или кончики листьевъ растеній-листолазовъ (растеній, лазящихъ при помощи своихъ листьевъ), а также, какъ кажется, нѣкоторые корни, обладаютъ способностью двигаться подъ вліяніемъ прикосновенія и сгибаются быстро въ ту сторону, къ которой вы прикоснулись. Часто для этого достаточно крайне незначительнаго давленія. Если давленіе непродолжительно, то данная часть растенія снова выпрямляется и вновь готова согнуться при прикосновеніи.

Въ-шестыхъ, усики стягиваются въ спираль вскорѣ послѣ того, какъ имъ удалось ухватиться за какую-нибудь опору. Если они не приходятъ въ соприкосновеніе съ какимъ-нибудь предметомъ, то они вначалѣ не сги-

баются, но затѣмъ, въ концѣ концовъ, послѣ того какъ ихъ вращательное движеніе прекращается, они все же сокращаются въ видѣ спирали. Но въ этомъ случаѣ сокращеніе бесполезно и наступаетъ только по истеченіи значительнаго промежутка времени...
* *

Лѣтомъ 1860 года я, къ крайнему своему удивленію, увидалъ въ одномъ изъ верестняковъ Суссекса, что листья обыкновенной роснянки (*Drosera rotundifolia*) словили большое число насѣкомыхъ. Я уже раньше слыхалъ о томъ, что растенія ловятъ насѣкомыхъ, но болѣе детально этотъ предметъ мнѣ не былъ извѣстенъ. Я случайно собралъ дюжину растеній съ 56 вполне распустившимися листьями, и на 31 листѣ я нашелъ мертвыхъ насѣкомыхъ или же остатки ихъ. Безъ сомнѣнія, эти же листья вполнѣ словили бы еще больше насѣкомыхъ, и къ тому же нераспустившіеся еще листья тоже занялись бы съ большимъ успѣхомъ этимъ дѣломъ. На одномъ растеніи у всѣхъ шести листьевъ была добыча, а у нѣсколькихъ растеній многіе листья поймали больше, чѣмъ по одному насѣкому. На одномъ большомъ листѣ я нашелъ остатки тринадцати различныхъ насѣкомыхъ. Чаще всего жертвою листьевъ становятся мухи (*Diptera*). Изъ пойманныхъ насѣкомыхъ, видѣнныхъ мною, самымъ большимъ была маленькая бабочка (*Cachonympha pamphilus*). Но Г. М. Уилькинсонъ (G. M. Wilkinson) сообщилъ мнѣ, что онъ однажды видѣлъ, какъ два листа крѣпко захватили большую стрекозу; онъ видѣлъ эту стрекозу еще живою. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ роснянка очень распространена, то надо думать, что число насѣкомыхъ, погибающихъ такимъ образомъ, очень и очень велико. Многія растенія, какъ, напримѣръ, липкія почки дикаго каштана, причиняютъ смерть насѣкомымъ, не извлекая изъ этого, поскольку мы можемъ судить, никакой выгоды. Но вскорѣ оказалось, что роснянка прекрасно приспособлена къ спеціальной цѣли ловить насѣкомыхъ, и такимъ образомъ изслѣдованіе этого явленія обѣщало много интереснаго... Р.
* *

Я забралъ нѣсколько растеній домой и, давъ имъ нѣсколько насѣкомыхъ, подмѣнилъ движенія железистыхъ волосковъ. Это навело меня на мысль о томъ, что, по всей вѣроятности, растеніе ловитъ насѣкомыхъ для какой-нибудь спеціальной цѣли. Къ счастью, мнѣ въ голову сразу пришла мысль объ устройствѣ рѣшающаго опыта, заключававшегося въ томъ, что я положилъ большое число листьевъ въ различныя, содержащія азотъ и не содержащія его, жидкости. Оказалось, что только жидкости, содержащія азотъ, вызываютъ энергичныя движенія листьевъ. Тутъ для меня сразу стало ясно, что въ данномъ случаѣ передъ нами открывается интересное новое поле дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Всякій разъ, когда въ слѣдующіе годы у меня находилось свободное время, я продолжалъ свои опыты, и моя книга «Насѣкомоядная Растенія» вышла въ свѣтъ въ іюлѣ 1875 года, т. е. спустя 16 лѣтъ послѣ первыхъ моихъ наблюденій. Тотъ фактъ, что я былъ такъ медлителенъ въ этомъ случаѣ, оказался для меня очень полезнымъ. Дѣло въ томъ, что по истеченіи большого промежутка времени человѣкъ можетъ подвергнуть свою общественную работу почти такой же хорошей критикѣ, какой онъ подвергаетъ работы другихъ людей. Растеніе, какъ оказалось въ результатѣ моихъ изслѣдованій, выделяетъ при соотвѣтствующемъ раздраженіи жидкость, похожую на пищеварительный сокъ животнаго. Эта жидкость содержитъ кислоту и ферментъ. Это настоящее открытіе безусловно интересно...
* *

П (Автобіографія) I.

Работа надъ росянкой доставила мнѣ безконечно большое удоволь-

ствіе. Движенія этого растенія дѣйствительно поразительны. А тотъ фактъ, какъ листья открываютъ нѣкоторыя содержащія азотъ соединенія, право-таки чудесенъ. Вы будете смѣяться, но въ настоящее время (послѣ цѣлаго ряда опытовъ) я вполне увѣренъ, что листья способны открыть $\frac{1}{2880}$ часть

грана азотнокислаго аммонія (и вслѣдствіе этого они приходятъ въ движеніе). Но предъ лицомъ хлористаго и сѣрниокислаго аммонія ихъ химическія способности пасуютъ, и они ничего не могутъ подѣлать съ азотомъ въ этихъ соляхъ...

П (Грѣо) III.

Въ настоящее время я интересуюсь больше росянкой, чѣмъ происхожденіемъ всѣхъ видовъ міра... Результаты моихъ изслѣдованій привели меня въ ужасъ и изумленіе. Я считаю фактически доказаннымъ и могу объявить, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ органомъ, который крайне сильно реагируетъ на прикосновенія. Для того, чтобы привести его въ движеніе, достаточно вѣсъ въ 0,001 грана; а вѣдъ для того, чтобы привести въ движеніе самые чувствительные вѣсы требуется въ 78 разъ большій вѣсъ. Не поразителенъ ли тотъ фактъ, что въ данномъ случаѣ растеніе относится куда болѣе чувствительно къ прикосновенію, чѣмъ какой-либо нервъ въ человѣческомъ тѣлѣ? И тѣмъ не менѣе я вполне увѣренъ въ томъ, что это такъ...

П (Ляйеллю) III.

Я склоняюсь къ тому мнѣнію, что у росянки имѣется находящаяся въ состояніи диффузіи субстанція, близко подходящая къ нервной субстанціи животныхъ. Если вы нальете на железки одного изъ сосочковъ (Papille) или щупалецъ, находящихся въ своемъ естественномъ положеніи, какой-нибудь содержащей азотъ жидкости или какія-либо другія раздражающія ихъ средства; если вы положите на нихъ какой-нибудь предметъ незначительнаго вѣса; если вы нѣсколько разъ прикоснетесь къ нимъ иголкой,—то всякій разъ ножка сгибается близъ своего основанія; изгибается она при этомъ быстро, чѣмъ въ минуту. Эти различныя раздраженія передаются, слѣдовательно, какимъ-нибудь образомъ по ножкѣ. Это не можетъ быть обусловлено сотрясеніемъ, такъ какъ наложенныя вполне спокойно капли жидкости тоже вызываютъ движеніе. Это не можетъ быть также обусловлено фактомъ поглощенія жидкости клѣтками, такъ какъ я могу видѣть, что поглощеніе, совершающееся, въ общемъ довольно скоро, все-таки происходитъ медленно, чѣмъ передача раздраженія по ножкѣ; а у *Dionaea* передача совершается мгновенно. Если мы станемъ сравнивать это явленіе съ подобными же явленіями у животныхъ, то мы будемъ склонны допустить возможность передачи раздраженія при посредствѣ нервной субстанціи. Принимая въ соображеніе способность железъ къ быстрому поглощенію, принимая также въ соображеніе крайнюю чувствительность всего органа и бросающееся въ глаза, обусловленное различными раздраженіями движеніе его, я произвелъ опыты съ цѣлымъ рядомъ субстанцій, не относящихся къ группѣ ѣдкихъ веществъ...; о большей части изъ нихъ извѣстно, что они производятъ удивительное дѣйствіе на нервную субстанцію животныхъ. Результаты опытовъ вы найдете въ прилагаемомъ сочиненіи. Такъ какъ одни и тѣ же яды дѣйствуютъ на нервную субстанцію различныхъ животныхъ различно, то у растеній и животныхъ нельзя было бы ожидать одинаковаго дѣйствія. Немного аналогичное дѣйствіе можно было бы ожидать у нихъ лишь въ томъ случаѣ, если бы у растеній имѣлась нервная субстанція въ состояніи диффузіи. И вотъ, какъ оказывается, отчасти можно провести аналогію между дѣйствіемъ данныхъ ядовъ на животныхъ и на растенія. Въ виду этихъ опытовъ, а также

въ виду сдѣланныхъ раньше замѣчаній относительно функцій частей, я вынужденъ сдѣлать тотъ выводъ, что росянка обладаетъ субстанціей, которая, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, сходна по своему составу и функціи съ нервной субстанціей...

П (Гукеру) III.

Повѣрьте мнѣ, Вы несправедливы къ моей милой росянкѣ. Это удивительное растеніе, хотя ее вѣрнѣе было-бы назвать крайне остроумнымъ животнымъ. Я останусь вѣренъ росянкѣ до самой своей смерти. Одному богу извѣстно, обнаружю-ли я когда-нибудь всю массу опытовъ, произведенныхъ мною надъ ней.

П (Грѣо) III.

Больше всего мнѣ было интересно изслѣдовать нервы, которые выходятъ изъ сосудистыхъ пучковъ. При помощи остраго ланцета я могу поранить въ извѣстномъ пунктѣ одну половину листа такъ, чтобы раздраженіе не вызвало движенія на другой половинѣ листа. Здѣсь дѣло обстоитъ точно такъ-же, какъ при разрываніи спинного мозга лягушки: — Ни одно раздраженіе головного мозга или передней части спинного мозга не можетъ быть передано заднимъ лапамъ лягушки; но какъ только вы начнете раздражать заднія лапы, онѣ тотчасъ-же начинаютъ двигаться рефлекторнымъ путемъ. Всѣ мои старые опыты, доказывавшіе поразительную чувствительность нервной системы (!?) росянки къ различнымъ средствамъ раздраженія, блестяще подтвердились...

П (Грѣо) III.

Въ 1880 году я при содѣйствіи своего сына Франка выпустилъ книгу о «Способности растеній къ движенію». На эту книгу было затрачено порядочно времени и труда. Эта книга находится, приблизительно, въ такой-же связи съ моей маленькой книжкой о «Лазящихъ растеніяхъ», въ какой «Перекрестное оплодотвореніе» стоитъ съ «Оплодотвореніемъ орхидей»; дѣло въ томъ, что на основаніи принципа развитія было-бы невозможно объяснить развитіе лазящихъ растеній въ многочисленныхъ совершенно отличныхъ другъ отъ друга растительныхъ группахъ, если-бы не всѣ виды растеній обладали какой-нибудь незначительной способностью къ движенію. Я доказалъ, что это дѣйствительно такъ; кромѣ того, я вынужденъ былъ признать, что всѣ крупныя и значительныя виды движеній, обусловленные свѣтомъ, силой тяжести и т. д., представляютъ собою измѣненныя формы основнаго движенія круговой пугаціи. Мнѣ всегда было очень пріятно помѣщать растенія на болѣе высокое мѣсто въ ряду органическихъ существъ, чѣмъ вообще принято; поэтому я испытывалъ особое удовольствіе, когда я смогъ доказать, какія разнообразныя и дивно приспособленныя движенія въ состояніи дѣлать кончикъ корня...

П. I.

Мы видѣли, что строеніемъ тѣла человѣкъ ясно обнаруживаетъ свое происхожденіе отъ какой-то низшей формы; но можно, пожалуй, предположить, что тутъ въ наши разсужденія вкралась ошибка, такъ какъ въ умственномъ отношеніи человѣкъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи различіе дѣйствительно огромно, даже въ томъ случаѣ, если мы поставимъ рядомъ одну изъ высшихъ обезьянъ и дикаря, не умѣющаго говорить, не умѣющаго выражать большаго числа чѣмъ четыре, и не употребляющаго никакихъ отвлеченныхъ обозначеній для обычныхъ предметовъ или эффектовъ. Эта разница осталась-бы, безъ сомнѣнія, очень велика даже и тогда, еслибы какая-либо изъ высшихъ обезьянъ дошла до такой степени культурнаго развитія, на какой нахо-

дится собака въ сравненіи съ ея основной формой—волкомъ или шакаломъ. Жители Огненной Земли принадлежатъ къ наиболѣе дикимъ расамъ; но я постоянно удивлялся тому, какъ похожи были на насъ по характеру и многимъ умственнымъ способностямъ три жителя Огненной Земли, находившіеся на кораблѣ «Бигль»; эти люди прожили нѣсколько лѣтъ въ Англіи и умѣли немного говорить по-англійски. Если-бы ни одно органическое существо, кромѣ человѣка, не обладало какими-либо духовными способностями, или если-бы способности человѣка рѣзко отличались по своей природѣ отъ способностей низшихъ животныхъ, то мы никогда не были-бы въ состояніи убѣдиться въ томъ, что наши высшія способности постепенно развились. Мы можемъ вполне ясно доказать, что способности человѣка и животнаго въ основѣ своей одинаковы. Мы должны также признать, что пропасть, отдѣляющая въ умственномъ отношеніи одну изъ низшихъ рыбъ, каковы минога или ланцетникъ, отъ высшей обезьяны, значительно больше, чѣмъ пропасть между обезьяной и человѣкомъ; и все же эта пропасть сглаживается многочисленными переходными ступенями.

Что касается нравственныхъ задатковъ, то въ этомъ отношеніи разница между Гоуардомъ или Кларксономъ, съ одной стороны, и хотя-бы тѣмъ варваромъ, который, какъ это описываетъ старый мореплаватель Байронъ, убилъ своего ребенка за то, что тотъ уронилъ корзинку съ морскими ежами, съ другой—не мала. Точно такъ-же значительна разница между умомъ какого-нибудь Ньютона и Шекспира и умомъ дикаря, не употребляющаго никакихъ отвлеченныхъ выраженій. Различія такого рода, существующія между величайшими представителями высшихъ расъ и низшими дикарями, связываются другъ съ другомъ при посредствѣ цѣлаго ряда незамѣтныхъ переходовъ. Слѣдовательно, вполне возможенъ также переходъ одного въ другой и развитіе одного изъ другого... Ч.

Я не буду пытаться дать опредѣленіе выраженію «инстинктъ». Было-бы легко показать, что подъ этимъ словомъ обыкновенно понимаются различныя умственныя способности. И все-же, всякій понимаетъ, когда я говорю, что инстинктъ заставляетъ кукушку переселиться и класть свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ. Если какое-нибудь дѣйствіе, для выполненія котораго предполагается даже для насъ наличность извѣстнаго опыта, выполняется какимъ-нибудь животнымъ и, особенно, очень молодымъ животнымъ безъ всякой опытности; если данное дѣйствіе выполняется такимъ-же образомъ многими животными, не знающими цѣли его,—то тогда мы обыкновенно называемъ это дѣйствіе инстинктивнымъ. Я могъ-бы, однако, показать, что ни одинъ изъ этихъ признаковъ инстинкта не представляетъ собою чего-то общаго. Извѣстную роль во всѣхъ дѣйствіяхъ играетъ также сужденіе или разумъ, даже у животныхъ, стоящихъ на очень низкой ступени развитія.

Фридрихъ Кювье и нѣкоторые метафизики прежнихъ временъ сравнивали инстинктъ съ привычкой. Это сравненіе, какъ мнѣ кажется, даетъ точное понятіе о томъ состояніи духа, въ которомъ выполняется какое-нибудь инстинктивное дѣйствіе. Но это сравненіе въ то-же время не даетъ намъ неопровержимаго понятія о происхожденіи инстинктивнаго дѣйствія. Нерѣдко мы совершаемъ поступки совершенно безсознательно; часто они даже находятся въ полномъ противорѣчій съ нашей сознательной волей! И однако они могутъ быть измѣнены волей или разумомъ. Привычки вступаютъ легко въ опредѣленную связь съ другими привычками или съ опредѣленными періодами времени, или съ опредѣленными состояніями тѣла. Укоренившись, привычки часто сохраняются на всю жизнь. Можно было-бы указать еще нѣкоторые другія черты сходства между инстинктами

и привычками. Какъ при повтореніи хорошо знакомой пѣсни, такъ и при инстинктивномъ актѣ одно дѣйствіе слѣдуетъ за другимъ какимъ-то ритмическимъ путемъ. Если кого-нибудь прервутъ во время пѣнія или во время декламации, то онъ обыкновенно вынужденъ начать сначала, чтобы снова освоиться съ обычнымъ ходомъ мысли. То-же самое наблюдалъ П. Гюберъ у одного вида гусеницы, занятой изготовленіемъ своей очень сложной ткани. Когда онъ ее отрывалъ отъ работы, скажемъ, послѣ того, какъ она закончила ее на шестой стадіи, и помѣщалъ ее около другой работы, законченной лишь на третьей стадіи, то она просто снова принималась за четвертую, пятую и шестую стадію. Когда-же онъ ее отрывалъ отъ ткани, законченной на третьей стадіи и помѣщалъ ее у ткани, законченной у шестой стадіи, такъ что большая часть ея работы уже оказалась сдѣланной, то она, не замѣчая этой выгоды, снова начинала работу съ третьей стадіи. Такимъ образомъ, она начинала работу на той стадіи, на которой она ее прекратила раньше.

Если мы допустимъ, что какой-нибудь образъ дѣйствій, принявшій характеръ привычки, передается также по наслѣдству потомству, то тогда сходство между тѣмъ, что являлось первоначально привычкой и тѣмъ, что было инстинктомъ, будетъ очень велико, и вы не сможете даже провести различія между ними. Можно показать, что временами такая передача привычки по наслѣдству совершается. Если-бы Моцартъ сумѣлъ сыграть на рояли безъ всякаго упражненія какую-нибудь мелодію, то мы имѣли-бы полное право сказать, что онъ сдѣлалъ это инстинктивно; въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, онъ научился играть на рояли трехъ лѣтъ отъ роду послѣ очень непродолжительныхъ упражненій. Однако, было бы крайне ошибочно думать, будто большая часть инстинктовъ является чѣмъ-то приобрѣтеннымъ путемъ привычки въ теченіе одного поколѣнія и затѣмъ уже перешедшимъ по наслѣдству къ слѣдующимъ поколѣніямъ. Можно точно доказать, что самые удивительные изъ извѣстныхъ намъ инстинктовъ, какъ, напримѣръ, инстинкты пчелъ и многихъ муравьевъ, не могутъ быть результатомъ привычки.

Всякій признаетъ, что для процвѣтанія любого вида при его теперешнихъ условіяхъ существованія инстинкты такъ-же важны, какъ и особенность строенія тѣла. Мы можемъ, по меньшей мѣрѣ, считать допустимымъ, что при измѣненіи условій существованія какого-нибудь вида для него могутъ оказаться полезными также нѣкоторыя незначительныя измѣненія въ его инстинктѣ. Если можно доказать, что инстинкты мѣняются, при чемъ они могутъ мѣняться въ очень и очень незначительной степени, то тогда ничто, какъ мнѣ кажется, не мѣшаетъ намъ допустить, что естественный отборъ способствуетъ сохраненію незначительныхъ измѣненій инстинкта, и что путемъ постояннаго накопленія этихъ измѣненій естественный подборъ можетъ измѣнить инстинктъ въ выгодную сторону. Я думаю, что такимъ путемъ возникли всѣ, даже наиболѣе сложные и поразительные инстинкты. Мы знаемъ, что измѣненія въ строеніи тѣла могутъ возникать и усиливаться подъ вліяніемъ употребленія и привычки, и что неупотребленіе уменьшаетъ или совершенно сглаживаетъ эти измѣненія. То же самое, безъ сомнѣнія, имѣетъ мѣсто и съ инстинктами. Но, какъ мнѣ кажется, во многихъ случаяхъ привычка играетъ крайне незначительную роль въ сравненіи съ естественнымъ отборомъ, особенно, когда дѣло идетъ о такъ называемыхъ случайныхъ измѣненіяхъ инстинкта, т. е. объ измѣненіяхъ, обусловленныхъ тѣми-же неизвѣстными причинами, которыя вызываютъ незначительныя измѣненія въ строеніи тѣла...

В.

Сильно развитой умъ вполне мирится съ наличностью сложных инстинктовъ, и дѣйствія, изученныя сначала произвольно, выполняются впоследствии подвѣяніемъ привычки съ тою же быстротою и увѣренностью, съ какою выполняются рефлекторныя дѣйствія. Тѣмъ не менѣе вполне вѣроятнѣе, что умъ и инстинктъ (который предполагаетъ также извѣстное наследственное измѣненіе мозга) мѣшаютъ въ извѣстныхъ размѣрахъ другъ другу въ своемъ взаимномъ развитіи... Ч.

Низшія животныя ощущаютъ очевидно, подобно человѣку, радость и боль, счастье и несчастье. Счастье нигдѣ не обнаруживается лучше, чѣмъ у молодыхъ животныхъ, какъ напримѣръ, у молодыхъ кошекъ, собакъ, ягнятъ и т. д., когда они играютъ вмѣстѣ, подобно нашимъ собственнымъ дѣтямъ. Даже насѣкомыя играютъ. Такъ, напримѣръ, П. Гюберъ, этотъ выдающійся наблюдатель, видѣлъ, какъ муравьи гнались другъ за дружкой и дѣлали видъ, будто кусаютъ другъ друга, точно такъ же, какъ это дѣлаютъ молодые собаки.

Тотъ фактъ, что низшія животныя переживаютъ такіе же чувства, какъ и мы, установленъ съ полною очевидностью, и поэтому мнѣ не приходится утомлять вниманіе читателя деталями. Страхъ дѣйствуетъ на нихъ такъ же, какъ и на насъ. Подвѣяніемъ страха у нихъ начинаютъ дрожать мускулы, ускоренно бьется сердце, расслабляются круговыя мышцы, а волосы встаютъ дыбомъ. Подозрительность, это дитя опасности, выражается у многихъ дикихъ животныхъ крайне характерно. Мнѣ кажется, что читая у Э. Теннента о томъ, какъ самки слона, служащія въ качествѣ приманки, ведутъ себя, вы невольно придете къ тому убѣжденію, что онѣ сознательно и преднамѣренно устраиваютъ обманъ и прекрасно знаютъ, въ чемъ дѣло. Овага и боязливость представляютъ собою качества крайне измѣнчивыя у особей одного и того же вида: это мы видимъ ясно у нашихъ собакъ. Нѣкоторыя собаки и лошади обладаютъ своенравнымъ темпераментомъ и легко приходятъ въ раздраженіе. У другихъ, наоборотъ, прекрасный темпераментъ, и эти качества безусловно передаются по наследству. Каждый изъ насъ знаетъ, какъ легко животное приходитъ въ бѣшенство, и какъ оно это показываетъ. Есть цѣлый рядъ рассказовъ о томъ, какъ различные животныя долго откладывали свою месть и, наконецъ, приводили ее въ исполненіе; и, по всей вѣроятности, многіе изъ этихъ рассказовъ вѣрны... Ч.

Всѣ мы знаемъ, какъ собака любитъ человѣка. Одинъ старый писатель говоритъ: «Собака это единственное существо въ мірѣ, которое любитъ тебя больше, чѣмъ себя».

Про одну собаку рассказывали, что она еще въ предсмертныхъ судорогахъ ласкалась къ своему господину, и кто изъ насъ не слышалъ рассказа о томъ, какъ собака, надъ которой производили вивисекцію, лизала руку своего оператора. Если эта операція не оправдывалась стремленіемъ къ расширенію нашего знанія, то человѣкъ, совершавшій ее, долженъ былъ чувствовать угрызения совѣсти всю свою жизнь, или у него было каменное сердце.

Юэлль (Whewell) *) говоритъ вполне правильно: «развѣ при чтеніи трогательныхъ рассказовъ о материнской любви, обнаруживаемой такъ часто женщинами всѣхъ народовъ и самками всѣхъ животныхъ, у насъ можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, что какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ основныя мотивы дѣйствія одинаковы?» Материнская любовь, какъ мы видимъ, проявляется въ самыхъ незначительныхъ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, Ренгеръ (Rengger) видѣлъ, какъ одна американская обезьяна (а именно

Cebus) тщательно отгоняла мухъ, не дававшихъ покоя себѣ дѣтенышу. А Дювоссель (Duvaucel) видѣлъ, какъ одинъ Hylobatus мылъ въ рѣкѣ мордочки своихъ дѣтенышей. Самки обезьянъ горевали такъ сильно по своимъ дѣтенышамъ, что нѣкоторые виды, находившіеся въ плѣну у Брэма въ Сѣверной Африкѣ, съ горя умирали. Осиротѣлыя обезьяны всегда усыновлялись другими обезьянами, какъ самцами, такъ и самками, которые заботливо ухаживали за ними. У одной самки павіана было такое любвеобильное сердце, что она не только усыновляла молодыхъ обезьянъ другихъ видовъ, но и крала молодыхъ щенятъ и котятъ и постоянно съ ними возилась. Но у этой особы любовь не доходила до того, чтобы дѣлиться пищей со своими дѣтенышами, и этотъ фактъ крайне поразилъ Брэма, такъ какъ его обезьяны постоянно дѣлились всѣмъ со своими дѣтенышами... Ч.

Наиболѣе сложные душевныя волненія встрѣчаются, въ большей части своей, не только у насъ, но и у высшихъ животныхъ. Кто не знаетъ того, какъ собака ревнуетъ своего господина, когда онъ удѣляетъ вниманіе также какому-нибудь другому существу. Это же самое мнѣ приходилось наблюдать у обезьянъ. Этотъ фактъ показываетъ, что животныя не только чувствуютъ любовь, но также испытываютъ тоскливыя желанія быть любимыми. Животныя, безусловно, честолюбивы. Они любятъ, чтобы ихъ уважали и хвалили: собака, приносящая своему господину корзину, обнаруживаетъ всей своей осанкой самодовольство и значительную гордость. Какъ мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что собака знакомо чувство стыда, отличное отъ чувства страха. Точно такъ же она обладаетъ чѣмъ-то похожимъ на скромность, когда ей приходится слишкомъ часто просить подачки. Большая собака относится съ презрѣніемъ къ ворчанью маленькой собачки, и это чувство можно было бы назвать высокомеріемъ. Нѣкоторые наблюдатели указывали на то, что обезьянамъ крайне неприятно, когда ихъ высмѣиваютъ, и онѣ нерѣдко придумываютъ воображаемыя оскорбленія. Я видѣлъ въ зоологическомъ саду павіана, который приходилъ въ безграничное бѣшенство всякій разъ, когда его сторожъ бралъ какое-нибудь письмо или книгу и громко читалъ ему. Гнѣвъ павіана доходилъ до того, что онъ однажды въ моемъ присутствіи до крови укусилъ свою собственную лапу. Собаки тоже обнаруживаютъ нѣчто, что можно было бы безъ натяжки назвать юморомъ, отличнымъ отъ простой игры. Если вы бросите собакѣ какой-нибудь предметъ, то она часто относитъ его на небольшое разстояніе. Затѣмъ она возвращается, кладетъ предметъ около себя на землю и ждетъ, пока не подойдетъ хозяинъ, чтобы поднять вещь. При приближеніи же хозяина собака быстро хватается вещь и съ торжествомъ убѣгаетъ. Этотъ маневръ она повторяетъ нѣсколько разъ и, насколько можно судить по внѣшности, крайне довольна своею шуткой.

Обратитесь теперь къ болѣе интеллектуальнымъ побужденіямъ и способностямъ, имѣющимъ громадное значеніе, такъ какъ онѣ лежатъ въ основѣ развитія высшихъ духовныхъ силъ. Животныя, очевидно, очень рады, когда ихъ развлекаютъ; они страдаютъ отъ скуки. Это можно наблюдать у собакъ, а также, какъ сообщаетъ Ренгеръ, у обезьянъ. Всѣ животныя испытываютъ чувство удивленія, а многія обнаруживаютъ любопытство. Отъ любопытства имъ приходится иногда страдать, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда охотникъ строитъ гримасы и этимъ привлекаетъ ихъ. Я лично наблюдалъ это у дикихъ козъ. То же самое рассказываютъ про осторожныхъ серъ и про нѣкоторые виды дикихъ утокъ. Брэмъ рассказываетъ, что его обезьяны испытывали инстинктивный страхъ передъ змѣями, но ихъ любопытство было такъ велико, что онѣ

*) Эту фамилію ученаго произносятъ также и «Уэвелль».

не могли удержаться отъ удовлетворенія его чисто человѣческимъ путемъ: онѣ подняли крышку ящика, въ которомъ лежали змѣи... Ч.

Подражательность очень сильно развита у человѣка и, особенно, у дикаря, какъ это мнѣ пришлось самому наблюдать. При извѣстномъ болѣзненномъ состояніи мозга склонность къ подражанію усиливается въ чрезвычайной степени. Нѣкоторые люди, половина тѣла которыхъ парализована или которые страдаютъ размягченіемъ мозга въ первой стадіи, повторяютъ безсознательно каждое слышанное ими слово, будь оно произнесено на ихъ собственномъ или на чужомъ языкѣ, и продѣлываютъ каждый жестъ или дѣйствіе, выполненное въ ихъ присутствіи. Дезоръ замѣтилъ, что ни одно низшее животное не подражаетъ произвольно человѣческимъ дѣйствіямъ, за исключеніемъ высшихъ представителей животнаго царства, а именно, обезьянъ, которыя, какъ извѣстно, подражаютъ намъ самымъ смѣшнымъ образомъ. Но иногда животныя подражаютъ другъ другу. Такъ, напримѣръ, два вида волковъ, выкормленныхъ собаками, научились лаять; какъ извѣстно, шакалъ тоже иногда лаетъ. Однако, вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ произвольнымъ подражаніемъ, остается открытымъ. Птицы подражаютъ пѣнію своихъ родителей, а иногда даже пѣнію другихъ птицъ. Что же касается попугаевъ, то о ихъ способности подражать каждому часто слышанному звуку намъ не приходится говорить...

Можно сказать, что многія животныя «воспитываютъ» своихъ дѣтенышей, полагаясь на наличность въ нихъ принципа подражанія и, особенно, на ихъ инстинктивные или наслѣдственные задатки. Въ качествѣ примѣра можно привести кошку, приносящую своему котенку для упражненія живую мышъ. Дюро де ля Малль сообщаетъ въ одномъ своемъ сочиненіи свои интересныя наблюденія надъ ястребами, которые учили своихъ птенцовъ ловкости и умѣнью судить о разстояніи слѣдующимъ путемъ: они сначала бросали на воздухъ мертвыхъ мышей и воробьевъ (которыхъ птенцы, по большей части, не могли поймать) и затѣмъ ужъ выпускали для полета живыхъ птицъ.

Врядъ-ли какая-нибудь способность имѣть для умственного развитія человѣка большее значеніе, чѣмъ способность къ вниманію. Животныя тоже обнаруживаютъ эту способность. Примѣромъ можетъ служить кошка, располагающаяся въ ожиданіи передъ порой и готовая наброситься на свою добычу. Дикія животныя временами на чемъ-либо сосредоточиваются въ своемъ вниманіи такъ сильно, что къ нимъ можно подойти на близкое разстояніе... Ч.

Излишне еще упоминать о томъ, что животныя обладаютъ прекрасною памятью на лица и мѣстности. Эндрью Смитъ рассказывалъ мнѣ, что на мышь Доброй Надежды его снова узналъ и радостно встрѣтилъ павіанъ послѣ десяти-мѣсячной разлуки. У меня была собака, которая была крайне дика и непривѣтлива къ чужимъ людямъ. Я нарочно подвергъ ея память испытанію. Послѣ разлуки, продолжавшейся пять лѣтъ и два дня, я подошелъ къ помѣщенію, въ которомъ она находилась, и кликнулъ ее на свой обычный манеръ. Она не обнаружила никакой радости, но сразу послушалась меня, вышла ко мнѣ и подчинялась мнѣ точно такъ же, какъ если бы я ее оставилъ лишь полчаса тому назадъ. Въ данномъ случаѣ въ ея душѣ внезапно всплылъ цѣлый потокъ былого сочетанія мыслей, дремавшихъ въ ней въ теченіе пяти лѣтъ. Гюберъ доказалъ, что даже муравьи узнавали послѣ четырехмѣсячной разлуки своихъ товарищей, при-

надлежавшихъ къ тому же муравейнику. Животныя безусловно умѣютъ судить при помощи какихъ-то средствъ о промежуткахъ времени, отдѣляющихъ повторяющіяся событія.

Воображеніе составляетъ безусловно одно изъ высшихъ свойствъ человѣка. При помощи этой способности человѣкъ связываетъ независимо отъ воли прежніе образы и идеи и создаетъ такимъ путемъ новыя яркія представленія. Жанъ-Поль-Фридрихъ Рихтеръ говоритъ: «къ чорту такого поэта который долженъ сначала поразмыслить надъ тѣмъ, заставить ли кого-нибудь изъ своихъ героевъ сказать «да» или «нѣтъ». Такой поэтъ представляетъ собою лишь безжизненное тѣло». О силѣ воображенія дасть намъ лучшее представленіе сновидѣніе. По этому поводу Жанъ Поль говоритъ: «сонъ—это непроизвольная поэзія». Цѣнность продуктовъ нашего воображенія находится въ зависимости отъ числа, точности и ясности нашихъ впечатлѣній, отъ нашего ума и вкуса при выборѣ, отъ устранения непроизвольно напрашивающихся комбинацій и отъ размѣровъ нашей способности группировать ихъ по своему желанію. Такъ какъ собаки, кошки, лошади и, по всей вѣроятности, всѣ высшія животныя, даже и птицы, видятъ очень живыя сновидѣнія и обнаруживаютъ это своими движеніями и голосомъ, то мы должны также признать, что они обладаютъ извѣстной силой воображенія. Надо искать особой причины въ томъ, что собаки ночью и, особенно, при лунномъ свѣтѣ начинаютъ странно и меланхолически выть. Это наблюдается не у всѣхъ собакъ. Гузо (Gouzeau) говоритъ, что при этомъ собаки глядятъ не на луну, а на какую-нибудь точку горизонта. По его мнѣнію, нормальный ходъ ихъ представленій нарушается неясными очертаніями окружающихъ предметовъ, и вслѣдствіе этого въ ихъ головѣ возникаютъ фантастическіе образы. Если это такъ, то въ такомъ случаѣ мы бы могли назвать ихъ ощущенія чуть-ли не суетными.

Самое высшее мѣсто среди всѣхъ способностей человѣческаго духа занимаетъ, по общему признанію, умъ. Не много найдется людей, которые станутъ спорить противъ того, что животныя обладаютъ извѣстною способностью мышленія. Мы можемъ на каждомъ шагѣ наблюдать, какъ животныя размышляютъ, выжидаютъ и принимаютъ рѣшенія. Крайне характеренъ тотъ фактъ, что чѣмъ больше тотъ или иной естественный испытатель занимается изслѣдованіемъ образа жизни какого-нибудь животнаго, тѣмъ большую роль онъ приписываетъ въ его дѣйствіяхъ разуму и тѣмъ меньшій значеніе онъ придаетъ инстинкту. Въ дальнѣйшихъ главахъ мы увидимъ, что животныя, стоящія на крайне низкой ступени развитія, повидимому, обнаруживаютъ извѣстный умъ. Несомнѣнно, часто не легко провести грань между проявленіями ума и проявленіями инстинкта. Докторъ Гэйсъ (Hayes) указываетъ въ своемъ трудѣ объ «Открытомъ полярномъ морѣ», что его собаки не везли по тонкому льду сани скучившись, а держались дальше другъ отъ друга, такъ что ихъ вѣсь распределялся равномерно. Часто такой образъ дѣйствій собакъ давалъ путешественникамъ первое предостереженіе насчетъ того, что ледъ тонокъ, и что имъ грозитъ опасность. Тутъ возникаетъ вопросъ о томъ, почему собаки поступали такъ. Дѣйствовали-ли онѣ на основаніи опыта каждой отдѣльной особи, или по примѣру старшихъ и болѣе умныхъ собакъ, или по унаслѣдованной привычкѣ, т. е. по инстинкту?.. Ч.

Мы можемъ судить о томъ, являются ли опредѣленные поступки слѣдствіемъ инстинкта, или ума, или только простой ассоціаціи идей, лишь по тѣмъ обстоятельствамъ, которыми данные поступки сопровождались. Во всякомъ случаѣ, ассоціація идей находится въ самой тѣсной связи съ разумомъ. Профессоръ Мэбіусъ рассказываетъ интересный случай про

одну щуку, которую отделили стеклянной пластинкой от соседняго аквариума, наполненнаго рыбами. При своихъ попыткахъ поймать другихъ рыбъ щука часто наталкивалась на стекло съ такою силою, что иногда ударъ даже оглушалъ ее. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ щука продѣлывала, конечно, безуспѣшно эти попытки. Но, наконецъ, она научилась быть болѣе осторожной и перестала биться головой о стекло. Тогда стеклянная пластинка была удалена. Однако щука не стала нападать на тѣхъ рыбъ, которыя были раньше за стекломъ, поѣдая въ то же время другихъ рыбъ, посаженныхъ въ аквариумъ позже. Вотъ какъ сильно идея толчка связалась въ старой головѣ щуки съ ея попытками напасть на своихъ прежнихъ соседей. Представимте себѣ, что дикарь, никогда не видѣвшій большого окна, хоть одинъ разъ наскочилъ на стекло. Онъ безусловно сталъ бы потомъ очень долго связывать толчокъ съ оконнымъ стекломъ. Однако, по всей вѣроятности, его мысли о природѣ препятствія въ значительной степени отличались бы отъ мысли щуки. Онъ бы тоже сталъ болѣе осторожнымъ. Какъ мы ниже увидимъ, для обезьянъ иногда достаточно получить болѣзненное или какое-либо другое непріятное впечатлѣніе отъ поступка, совершеннаго лишь одинъ разъ,—и уже больше онъ этого поступка не повторять. Если мы приписываемъ эту разницу между обезьяной и щукой просто тому факту, что ассоціація идей у одной изъ нихъ отличается болѣе силою и продолжительностью, чѣмъ у другой; если, повторяю, мы дѣлаемъ это, несмотря на то, что щука потерпѣла во много, много разъ болѣе вреда, чѣмъ обезьяна, то какое право имѣемъ мы утверждать относительно человѣка, что подобная же разница обуславливаетъ наличность духа, совершенно отличнаго отъ духа животныхъ?

Гуззона рассказываетъ, что при переходѣ по большой и пустынной равнинѣ въ Техасѣ его собаки очень страдали отъ жажды, и что онъ отъ 30 до 40 разъ сбѣгалъ въ углубленія въ поискахъ воды. Эти углубленія не были долинами, въ нихъ не было также деревьевъ, и они вообще не обнаруживали никакихъ различій въ области растительности съ остальною мѣстностью. Такъ какъ они были абсолютно сухи, то не могло также быть и рѣчи о запахахъ влажной земли. Собаки вели себя такъ, какъ будто онъ зналъ, что углубленіе почвы дастъ имъ наилучшіе шансы найти воду. Такое же поведение Гуззона наблюдалъ у другихъ животныхъ... Ч.

Дикарь и собака часто находили воду въ низменныхъ мѣстахъ, и совпаденіе этихъ обстоятельствъ ассоціировалось въ ихъ умѣ. Цивилизованный человѣкъ, пожалуй, установилъ бы въ данномъ случаѣ какое-нибудь общее положеніе; но, поскольку мы можемъ судить о дикаряхъ, очень сомнительно, чтобы они устанавливали такіа положенія. Что же касается собакъ, то онъ ужъ безусловно не устанавливаютъ ихъ. Дикарь будетъ, подобно собакамъ, искать въ углубленіяхъ воды; часто его постигнетъ въ этомъ дѣлѣ разочарованіе, но какъ у дикаря, такъ и у собаки мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, какъ кажется, дѣло съ разумнымъ поступкомъ, независимо отъ того, устанавливается ли по этому предмету у нихъ какой-нибудь общій принципъ или нѣтъ... Ч.

Ниже мы приводимъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ образъ дѣйствій американскихъ обезьянъ, которыя занимаютъ очень низкое мѣсто среди обезьянъ вообще. Эти факты прекрасно показываютъ намъ, какъ даже американскія обезьяны составляютъ себѣ послѣ небольшого опыта разумные выводы. Ренгеръ, производившій свои наблюденія съ крайней тщательностью, сообщаетъ, что, получивъ впервые яйца, его обезьяны въ Парагваѣ, раздавливали ихъ. Вслѣдствіе этого значительная часть содер-

жимаго яйца пропадала. Но послѣ обезьяны стали осторожно разбивать одинъ конецъ яйца о какое-нибудь твердое тѣло и пальцами убирали обломки скорлупы. Порѣзавшись разъ какимъ-нибудь острымъ орудіемъ, онъ ужъ потомъ не прикасался къ нему или обращались съ нимъ крайне осторожно. Очень часто онъ получали сахаръ завернутымъ въ бумагу. Иногда Ренгеръ клалъ въ бумагу живую осу, благодаря чему, когда обезьяны быстро разворачивали бумагу, оса ихъ укусывала. Но послѣ этого обезьяны постоянно подносили пачку къ уху, чтобы опредѣлить, не двинется ли что-нибудь въ ней... Ч.

Какъ мнѣ кажется, я достаточно показалъ, что у человѣка и высшихъ животныхъ, особенно приматовъ, имѣются нѣкоторыя общія инстинкты. Всѣ они переживаютъ тѣ же самыя чувственные впечатлѣнія и ощущенія. Всѣ они обнаруживаютъ сходные страсти, аффекты и волненія. Даже такіа сложныя чувства, какъ ревность, подозрѣніе, честолюбіе, благодарность и великодушіе, общи у нихъ. Всѣ они обманываютъ и мстятъ; всѣ они чувствительны къ смѣшному и сами обнаруживаютъ извѣстный юморъ; они испытываютъ удивленіе и любопытство; всѣ они обладаютъ одними и тѣми же силами подражанія, вниманія, разсужденія, выбора, памяти, воображенія, ассоціаціи идей, разума, хотя эти силы у нихъ развиты въ различной степени. Особи одного и того же вида проявляютъ опредѣленные различія въ умѣ. Крайними предѣлами этихъ различій является, съ одной стороны, абсолютное тупоуміе, а съ другой—крайняя находчивость и разумность. Они также подвергаются иногда психическимъ заболѣваніямъ, хотя у нихъ это явленіе встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ у человѣка.

Тѣмъ не менѣе многіе писатели утверждали, что между духовными способностями человѣка и духовными способностями животныхъ зияетъ глубокая непроходимая пропасть. Прежде я собралъ какъ то двадцать такихъ афоризмовъ, но они почти безцѣнны, такъ какъ вслѣдствіе своей многочисленности и разнообразія они показываютъ, что попытка обосновать ихъ сопряжена съ значительными, если не непреодолимыми трудностями. Нѣкоторые писатели утверждали,—что только человѣкъ способенъ къ постепенному совершенствованію; что онъ одинъ знакомъ съ употребленіемъ орудій и огня; что онъ одинъ приручаетъ животныхъ, владѣетъ собственностью; что ни одно другое животное не обнаруживаетъ способности къ абстракціи, т. е. не обладаетъ общими идеями; что ни у одного животнаго нѣтъ самосознанія; что ни одно животное не понимаетъ самого себя; что ни одно животное не бываетъ знакомо съ употребленіемъ рѣчи; что только человѣку знакомо чувство красоты; что только у человѣка бываютъ настроенія, только человѣкъ испытываетъ чувство благодарности, таинственнаго и т. д.; что только человѣкъ вѣритъ въ Бога или одаренъ совѣстью. Я хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу наиболѣе важныхъ и интересныхъ изъ всѣхъ этихъ мнѣній.

Архіепископъ Семнеръ (Sumner) утверждалъ раньше, что только человѣкъ обладаетъ способностью постепенно совершенствоваться. Нельзя оспаривать того факта, что человѣкъ способенъ къ несравненно большому и скорѣйшему совершенствованію, чѣмъ какое-либо другое животное. Въ сущности, это является слѣдствіемъ его способности говорить и передавать другимъ людямъ пріобрѣтенныя знанія. Что же касается животныхъ, то мы прежде всего займемся разсмотрѣніемъ особи. Всякій человѣкъ, обладающій хоть какою-нибудь опытностью въ устройствѣ силковъ и западней, знаетъ, что молодыя животныя куда легче попадаютъ, чѣмъ старыя. Молодыя подпускаютъ также значительно легче къ себѣ враговъ. Когда дѣло

идеть о старыхъ животныхъ, то всякій опытный человѣкъ знаетъ, что нельзя поймать много старыхъ животныхъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, при помощи капкановъ одного и того же типа или ядовъ одного и того же сорта. А вѣдь нельзя предположить, чтобы всѣ старыя животныя испробовали данный ядъ или попали въ данный капканъ. Они должны научиться осторожности при видѣ пойманныхъ или отравленныхъ товарищей. Пушистые звѣри Сѣверной Америки, подвергавшіеся долгое время преслѣдованіямъ, обнаруживаютъ, по одностолбнымъ сообщеніямъ всѣхъ наблюдателей, поразительно развитой умъ, осторожность и хитрость. Но охота на нихъ при помощи силковъ прекратилась тамъ уже такъ давно, что въ данномъ случаѣ извѣстную роль, пожалуй, играетъ наслѣдственность. Я получилъ цѣлый рядъ сообщеній о томъ, что, когда впервые были устроены телеграфные провода, многія птицы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти провода были установлены, насаживались на проволоки и вслѣдствіе этого убивались на смерть, но что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ птицы научились избѣгать этой опасности. Какъ кажется, они приобрѣли этотъ опытъ при видѣ того, какъ отъ проволоки погибли ихъ товарищи....

* *

Если вы, не считаясь ни съ какими непосредственными доказательствами, будете утверждать, что ни одно животное не подвинулось впередъ по пути прогресса въ отношеніи ума или другихъ духовныхъ способностей, то въ такомъ случаѣ вы вообще отрицаете возможность развитія видовъ....

Нерѣдко вы можете услышать заявленіе, что ни одно животное не знакомо съ употребленіемъ какого-либо орудія, но мы знаемъ, что шимпанзе въ дикомъ состояніи разбиваетъ камнемъ дикіе плоды, приблизительно похожіе на наши грецкіе орѣхи. Ренгеръ очень легко научилъ американскую обезьяну разбивать камнемъ твердые пальмовые орѣхи, а потомъ эта обезьяна самостоятельно пользовалась камнями для разбиванія другихъ видовъ орѣховъ и коробокъ. Другую обезьяну научили открывать крышку большого ящика при помощи палки, и послѣ этого обезьяна стала пользоваться палкой, какъ рычагомъ для того, чтобы передвигать тяжелыя тѣла. Я самъ видѣлъ, какъ молодой орангутангъ всунулъ одинъ конецъ палки въ щель, а за другой конецъ ухватился руками и сталъ имъ совершенно правильно пользоваться, какъ рычагомъ. Извѣстно, что прирученные слоны въ Индіи отламываютъ вѣтви у деревьевъ, чтобы отогнать мухъ. Тотъ же самый маневръ наблюдался у одного дикаго слона. Я видѣлъ одного орангутанга—самку, который покрывался какой-нибудь тряпкой или соломой, когда предполагалъ, что его будутъ бить. Въ различныхъ случаяхъ камни и палки употребляются въ качествѣ инструментовъ, а также въ качествѣ оружія. Брэмъ, основываясь на сообщеніи авторитетнаго путешественника Шимпера, рассказываетъ слѣдующій фактъ: если въ Абиссиніи павіаны, принадлежащіе къ виду *C. Gelada*, спускаясь отрядами съ горы для опустошенія полей, встрѣчаются съ отрядами обезьянъ другого вида (*C. Hamadryas*), то отряды вступаютъ въ ожесточенный бой другъ съ другомъ. Первые скатываютъ внизъ большія каменные глыбы, вторые стараются уклониться отъ нихъ, и затѣмъ оба вида со страшнымъ крикомъ бросаются другъ на друга. Брэмъ, во время своего путешествія съ герцогомъ Кобургъ-Готскимъ, участвовалъ въ вооруженномъ нападеніи на толпу павіановъ въ проходѣ въ Абиссиніи. Павіаны, сбрасывая внизъ огромные камни, достигавшіе иногда величины человѣческой головы, заставили нападавшихъ быстро отступить, и проходъ въ теченіе нѣкотораго времени былъ въ буквальномъ смыслѣ, закрытъ для каравана. Крайне

интересенъ тотъ фактъ, что въ данномъ случаѣ павіаны дѣйствовали сообща. Уоллесъ рассказываетъ, что нѣсколько разъ, орангъ-утаны-самки съ своими дѣтенышами «яростно срывали вѣтви и большіе колючіе плоды и съ такимъ шумомъ бросали ихъ на землю, что имъ удалось не подпустить его близко къ дереву». Шимпанзе, какъ я это часто самъ видѣлъ, бросаетъ въ своего оскорбителя всякой вещью, какая ему только попадется подъ руку, а вышеупомянутый павіанъ даже заранѣе заготавливалъ для этой цѣли большіе куски ила.

Одна обезьяна въ зоологическомъ саду разбивала себѣ орѣхи камнемъ, такъ какъ у нея были слабыя зубы; сторожа увѣрили меня, что всякій разъ послѣ употребленія этого камня, обезьяна прятала его въ соломѣ и не позволяла дотрогиваться до него другимъ обезьянамъ. Злѣсь мы уже имѣемъ дѣло съ понятіемъ собственности. Но эта идея свойственна и собакамъ, имѣющей свою кость, и большинству или даже всѣмъ птицамъ, строго соблюдающимъ права собственности на гнѣзда.

Герцогъ Аргайльскій замѣчаетъ, что выдѣлываніе инструмента съ спеціальной цѣлью свойственно исключительно человѣку, и поэтому-де человѣкъ не можетъ быть даже поставленъ на одну доску съ животнымъ. Безъ сомнѣнія, животное отдѣляется отъ человѣка цѣлая пропасть, но мнѣ кажется, что Леббокъ не совсѣмъ неправъ, говоря, что первобытные люди, употребляя для какой-либо цѣли кремни, случайно разламывали ихъ и только затѣмъ уже стали употреблять острые обломки. Отсюда уже только одинъ шагъ до того, чтобы нарочно разламывать кремни и затѣмъ грубо обдѣлывать ихъ. Однако этотъ прогрессъ потребовалъ очень долгаго времени; объ этомъ мы можемъ судить по тому огромному промежутку времени, который прошелъ, прежде чѣмъ человѣкъ неолитическаго періода научился натачивать и полировать свои инструменты. При разламываніи кремней, какъ говоритъ Леббокъ, появляются искры, а при натачиваніи ихъ развивается теплота: «такимъ образомъ могли возникнуть оба обычныхъ метода добыванія огня». Природа огня становится извѣстной во многихъ вулканическихъ мѣстностяхъ, гдѣ лава случайно протекаетъ черезъ лѣса.

Человѣкообразныя обезьяны, руководимыя, вѣроятно, инстинктомъ, строятъ себѣ временныя плоскія жилища на деревьяхъ. Но, подобно тому, какъ многіе инстинкты въ значительной степени контролируются разумомъ, точно такъ же и болѣе простыя инстинкты (какъ напримѣръ, инстинктъ строить такіа плоскія гнѣзда) могутъ легко стать произвольнымъ актомъ. Извѣстно, что орангъ-утанъ покрывается на ночь листьями пандануса, а Брэмъ рассказываетъ, что одинъ изъ его павіановъ защищался отъ солнца тѣмъ, что набрасывалъ себѣ на голову рогожу. Въ этихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ надо, вѣроятно, видѣть первыя попытки искусства, а именно, стремленіе къ созданію построекъ и одежды; такъ, должно быть, возникло искусство у древнихъ предковъ человѣка.

Даже для человѣка, обладающаго гораздо большими знаніями, чѣмъ я, было бы крайне трудно опредѣлить, въ какой степени животныя обнаруживаютъ какіе-либо слѣды высшихъ духовныхъ способностей, каковы абстракція, общія идеи, самосознаніе, духовная индивидуальность. Эта трудность обуславливается, съ одной стороны, невозможностью знать, что происходитъ въ душѣ животного, а съ другой—тѣмъ, что ученые вкладываютъ различный смыслъ въ вышеупомянутыя выраженія.

Если мы станемъ судить на основаніи различныхъ сочиненій, то, какъ кажется, наибольшее значеніе придается мнимому отсутствію у животныхъ способности абстрагировать, т. е. способности создавать общія понятія. Но если собака издала видѣть другую собаку, то ясно, что она воспри-

нимаетъ въ данномъ случаѣ отдаленный предметъ за собаку лишь въ абстрактномъ смыслѣ; при приближеніи весь ея видъ совершенно измѣняется, если собака оказывается знакомой. Одинъ новый писатель говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ предположеніе, будто психическія дѣйствія животнаго по своей природѣ отличаются отъ психическихъ дѣйствій человѣка, ни на чемъ не основано. Если одинъ изъ нихъ связываетъ свои чувственные воспріятія съ какимъ-нибудь духовныхъ понятіемъ, то это дѣлаютъ и оба. Когда я говорю своему терьеру повелительнымъ тономъ (этотъ опытъ я продѣлывалъ нѣсколько разъ): «ищи, ищи, гдѣ это?», то это онъ принимаетъ за знакъ, что что-то надо вспугнуть; сначала онъ озирается по сторонамъ, а затѣмъ бросается въ ближайшіе кустарники, надѣясь напасть на слѣдъ дичи; если онъ тамъ ничего не находитъ, онъ начинаетъ искать бѣлку на одномъ изъ близстоящихъ деревьевъ. Неужели и эти дѣйствія не указываютъ ясно на наличность въ душѣ животнаго общаго понятія или идеи о томъ, что надо отыскать и охотиться за какимъ-то животнымъ?

Можно охотно согласиться съ тѣмъ, что животныя не обладаютъ самосознаніемъ, если подъ этимъ выраженіемъ понимать, что животныя не задумываются надъ вопросами: куда, откуда, что такое жизнь и смерть и т. п. Но какъ мы можемъ быть убѣждены въ томъ, что старая собака, обладающая выдающейся памятью и извѣстной силой воображенія (о наличности этихъ чувствъ мы можемъ судить на основаніи сновидѣній собаки) никогда не задумывается о радостяхъ и страданіяхъ, которыя она когда-то испытывала на охотѣ? А это было бы одной изъ формъ самосознанія. Съ другой стороны, Бюхнеръ говоритъ: какъ мало можетъ проявлять самосознанія или раздумывать о своемъ собственномъ происхожденіи изнуренная жена какого-нибудь дикаря, едва ли употребляющаго слова для выраженія абстрактныхъ понятій и не умѣющаго считать дальше четырехъ! Общепризнано, что у высшихъ животныхъ имѣется память, что они обладаютъ способностью вниманія и ассоціаціи идей; признается даже, что они обладаютъ извѣстной силой воображенія и разумомъ. Если эти способности, различныя у различныхъ животныхъ, могутъ развиваться, то весьма вѣроятно, что и болѣе сложныя способности, каковы высшія формы самосознанія, абстракціи и т. д., являются результатомъ развитія и комбинаціи болѣе простыхъ способностей. Противъ выраженныхъ здѣсь взглядовъ приводился доводъ, что невозможно опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ возвышающагося ряда животнаго царства животныя становятся способнымъ къ абстрактному мышленію и т. д.; но кто же можетъ сказать, въ какомъ возрастѣ наши дѣти становятся способными къ этому? Мы видимъ по крайней мѣрѣ, что у дѣтей это развитіе способностей идетъ незамѣтными ступенями.

Не можетъ быть вопроса о томъ, что животныя обладаютъ сознаниемъ своей психической индивидуальности. Если мой голосъ разбудилъ въ душѣ вышеуказанной собаки цѣлый рядъ старыхъ ассоціацій, то это значитъ, что она сохранила свою духовную индивидуальность, хотя въ теченіе пяти лѣтъ въ ея мозгу, по всей вѣроятности, нѣсколько разъ мѣнялся каждый атомъ. Эта собака могла бы привести аргументъ, высказываемый постоянно съ тою цѣлью, чтобы окончательно уничтожить эволюціонистовъ. Она могла бы сказать: «среди всякихъ душевныхъ настроеній, среди всякихъ матеріальныхъ измѣненій я остаюсь одною и тою же. Ученіе о томъ, что атомы передаютъ воспринятый ими впечатлѣнію по наследству другимъ атомамъ, заступающимъ ихъ мѣсто,—это ученіе противорѣчитъ проявленію самосознанія, и поэтому оно ложно, а между тѣмъ это ученіе съ необходимостью вытекаетъ изъ теоріи развитія. Слѣдовательно, теорія развитія тоже неправильна».

Способность къ рѣчи исполнѣ правильно разсматривается, какъ одна изъ главныхъ чертъ различія между человѣкомъ и низшими животными. Но человѣкъ, какъ замѣчаетъ архіепископъ Уэтли (Whately), котораго можно считать очень компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, является «не единственнымъ животнымъ, пользующимся рѣчью для выраженія того, что происходитъ въ его душѣ и умѣющимъ въ болѣе или меньшей степени понимать выраженія другихъ». Обезьяна *Cebus Azarae* въ Парагваѣ испускаетъ въ возбужденномъ состояніи, по меньшей мѣрѣ, шесть различныхъ звуковъ, вызывающихъ у другихъ обезьянъ подобныя же возбужденія. Мимика лица и жесты обезьянъ могутъ быть поняты нами, а съ другой стороны, какъ на это указываетъ Ренгеръ и другіе, обезьяны отчасти понимаютъ нашу мимику, наши жесты. Еще болѣе поразителенъ тотъ фактъ, что со времени своего прирученія собака научилась лаять по меньшей мѣрѣ на четыре или пять различныхъ ладовъ. Лай является для собаки новымъ искусствомъ, но и тѣ дикіе виды, отъ которыхъ происходитъ собака, безусловно умѣли тоже выражать свои чувства криками различныхъ тоновъ. Прирученныя собаки лаютъ отъ нетерпѣнія, какъ, напримѣръ, на охотѣ; онѣ лаютъ отъ злости, ворчатъ, временами онѣ лаютъ съ отѣнкомъ отчаянія, напримѣръ, когда ихъ запираютъ; онѣ воютъ ночью, онѣ особенно лаютъ отъ радости, напримѣръ, когда хозяинъ беретъ ихъ съ собой на прогулку; онѣ лаютъ особымъ образомъ, когда выражаютъ какую-нибудь потребность или просьбу, напримѣръ, когда онѣ хотятъ, чтобы имъ отворили дверь или окно. Домашняя курица испускаетъ, по сообщенію Гузо, удѣлившему особое вниманіе этому предмету, по меньшей мѣрѣ, двѣнадцать различныхъ звуковъ.

Однако, особенность человѣка заключается въ томъ, что онъ постоянно употребляетъ членораздѣльную рѣчь, но одновременно съ животными онъ пускаетъ въ ходъ для выраженія своихъ мыслей нечленораздѣльные звуки въ связи съ жестами и движеніями лицевыхъ мускуловъ. Особенно часто онъ дѣлаетъ это для выраженія болѣе простыхъ и болѣе живыхъ чувствъ, находящихся, однако, лишь въ очень слабой связи съ нашими высшими умственными способностями. Наши крики боли, страха, удивленія, гнѣва въ связи съ соответствующими движеніями, лепетъ матери надъ любимымъ ребенкомъ и тому подобныя звуки отличаются куда болѣе выразительностью, чѣмъ какия бы то ни было слова. Отличіе человѣка отъ низшихъ животныхъ не заключается въ томъ, что онъ понимаетъ членораздѣльные звуки. Въ самомъ дѣлѣ, всякій изъ насъ знаетъ, что собаки понимаютъ много словъ и фразъ. Въ этомъ отношеніи онѣ стоятъ на той же ступени развитія, на какой находятся дѣти въ возрастѣ между 10 и 12 мѣсяцами. Въ этомъ возрастѣ дѣти тоже понимаютъ много словъ и короткихъ фразъ и въ то же время не въ состояніи произнести ни одного слова. Отличительною способностью человѣка не является также и способность къ членораздѣльной рѣчи, такъ какъ попугай и другія птицы, какъ всякій изъ насъ знаетъ, умѣютъ говорить. Человѣкъ не отличается также отъ низшихъ животныхъ по своей способности связывать опредѣленные звуки съ опредѣленными идеями. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые попугаи, которыхъ научили говорить, связываютъ, какъ это точно установлено, опредѣленные слова съ опредѣленными вещами и опредѣленными лицъ съ опредѣленными событиями. Человѣкъ отличается отъ низшихъ животныхъ только по своей безконечно болѣе способности связывать разнообразнѣйшіе звуки и идеи, а это находится въ очевидной зависимости отъ сильнаго развитія его духовныхъ способностей.

Горнъ Тукъ, являющийся однимъ изъ основателей филологіи, говоритъ, что рѣчь представляетъ собою такое же искусство, какъ пивовареніе

и печенье хлѣба. Мнѣ кажется, что съ этими искусствами можно было скорѣе связать искусство писать, чѣмъ умѣнѣе говорить. Языкъ не представляетъ собою безусловно настоящаго инстинкта, такъ какъ каждый языкъ долженъ быть изученъ. Однако, онъ значительно отличается отъ всѣхъ обычныхъ искусствъ, такъ какъ человѣкъ обнаруживаетъ инстинктивную склонность говорить. Это проявляется въ лепетъ маленькихъ дѣтей, а вѣдь ни одинъ ребенокъ не обнаруживаетъ инстинктивной склонности печь, писать или заниматься пивовареніемъ. Ни одинъ филологъ не придерживается въ настоящее время того мнѣнія, что какой-нибудь языкъ былъ изобрѣтенъ разумно, сознательно. Каждый языкъ развивался медленно и бессознательно. Наибольшее сходство съ человѣческимъ языкомъ обнаруживаютъ во многихъ отношеніяхъ звуки, издаваемые птицами. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ члены одного и того же вида выпускаютъ одни и тѣ же инстинктивные звуки, служащіе для выражения ихъ душевныхъ волненій, и всѣ виды, обладающіе способностью пѣть, обнаруживаютъ эту способность инстинктивно. Однако, дѣйствительному пѣнію птицы научаются отъ родныхъ, или пріемныхъ родителей. Дэвисъ Баррингтонъ (Daines Barrington) доказалъ, что эти звуки «такъ-же не прирождены птицамъ, какъ не прирожденъ языкъ человѣку». Первые попытки птицъ пѣть «можно сравнить съ первоначальнымъ лепетомъ ребенка». Молодые самцы постоянно упражняются въ пѣніи въ теченіе 10 или 11 мѣсяцевъ. Въ ихъ первыхъ попыткахъ вы еле-еле найдете намекъ на ихъ позднѣйшее пѣніе, а когда они становятся старше, тогда можно приблизительно опредѣлить, къ чему они стремятся, и, въ концѣ концовъ, они доходятъ до совершенства»...

Что касается возникновенія членораздѣльной рѣчи, то я, прочитавъ, съ одной стороны, крайне интересныя сочиненія Генслея, Уеджвуда, Ф. Фаррара и проф. Шлейхера, а съ другой, — извѣстныя лекціи профессора Макса Мюллера, не сомнѣваюсь въ томъ, что языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ подражанію и измѣненію различныхъ естественныхъ звуковъ, голосовъ другихъ животныхъ, а также свойственныхъ человѣку инстинктивныхъ возгласовъ. И всѣ эти звуки, возгласы сопровождалась и сопровождаются различными знаками и жестами. Когда мы будемъ говорить дальше о половомъ подборѣ, то мы увидимъ, что первобытный человѣкъ или, скорѣе, одинъ изъ древнихъ прародителей человѣка, по всей вѣроятности, пользовался своимъ голосомъ для пѣнія, подобно тому, какъ это дѣлаетъ въ настоящее время одинъ видъ гиббоновъ. По очень распространенной аналогіи мы можемъ также сдѣлать тотъ выводъ, что способность къ пѣнію находила въ себѣ осуществленіе особенно во время ухаживаній одного пола за другимъ. Пѣніемъ выражались различныя чувства, напримѣръ, любовь, ревность, торжество; пѣніе являлось также вызовомъ по отношенію къ соперникамъ. Подражая при помощи членораздѣльныхъ звуковъ музыкальнымъ восклицаніямъ, человѣкъ, по всей вѣроятности, дошелъ до образованія словъ, служившихъ для выраженія различныхъ сложныхъ чувствъ. Обнаруживаемая нашими ближайшими родственниками — обезьянами, а также идиотами и варварскими человѣческими расами склонность подражать всему услышанному, заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ въ связи съ вопросомъ о подражаніи находится и вопросъ о развитіи языка. Обезьяны безусловно понимаютъ многое изъ того, что имъ говорить человѣкъ. Въ дикомъ состояніи онѣ издаютъ особые предостерегающіе крики при приближеніи опасности. Точно также курицы, при приближеніи опасности на землѣ или на небѣ, издаютъ спеціальныя предостерегающіе крики. А разъ это такъ, то отчего бы намъ не предположить, что какому-нибудь очень умному обезьянообразному животному пришла въ голову мысль подражать реву хищнаго звѣря, чтобы

этимъ указать своимъ сородичамъ на угрожающую имъ опасность? А это могло бы послужить первымъ шагомъ для образованія языка.

Такъ какъ голосъ находилъ себѣ затѣмъ уже все большее и большее примѣненіе, то органы голоса постепенно крѣпли и совершенствовались вълѣдствіе принципа наслѣдственныхъ дѣйствій употребленія. А это должно было, въ свою очередь, оказать вліяніе на способность говорить. Но еще болѣе значительную роль, безъ сомнѣнія, сыграло отношеніе, установившееся между постояннымъ употребленіемъ рѣчи и развитіемъ мозга. Надо думать, что у одного изъ самыхъ раннихъ предковъ человѣка духовныя способности были куда болѣе развиты, чѣмъ у какой-либо изъ живущихъ въ настоящее время обезьянъ. И такое высокое развитіе умственныхъ способностей должно было имѣться на лицѣ еще раньше, чѣмъ возникла хотя-бы наиболѣе несовершенная форма языка. Но мы имѣемъ основаніе допустить, что постоянное употребленіе и дальнѣйшее развитіе способности къ членораздѣльной рѣчи оказало на душу обратное дѣйствіе, выразившееся въ томъ, что благодаря ей душа оказалась въ состояніи составлять длинныя нити мыслей. Подобно тому, какъ нельзя дѣлать какого-либо исчисленія безъ помощи чиселъ или алгебраическихъ знаковъ, точно такъ-же нельзя безъ помощи словъ сплести длинную и сложную нить мыслей. Какъ кажется, даже обыкновенныя нити мыслей чуть-ли не требовали наличности какой-нибудь формы языка. Во всякомъ случаѣ, языкъ значительно облегчалъ ихъ возникновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, глухонѣмая и слѣпая Лаура Бриджмэнъ пускала во время своихъ сновидѣній въ ходъ пальцы. Тѣмъ не менѣе надо думать, что въ душѣ можетъ пронестись цѣлый рядъ живыхъ и связанныхъ идей безъ помощи какой-либо формы языка. За это говорятъ, по крайней мѣрѣ, длинныя сновидѣнія собакъ. Мы видѣли также, что животныя въ состояніи до извѣстной степени мыслить, и это они, очевидно, дѣлаютъ безъ помощи языка. Тѣсная связь, существующая между нашимъ мозгомъ на его современной ступени развитія и способностью къ рѣчи, проявляется вполне ясно въ тѣхъ поразительныхъ случаяхъ заболѣванія мозга, когда особенно пораженъ нашъ языкъ; для примѣра приведемъ хотя-бы тотъ случай, когда человѣкъ теряетъ способность вспоминать имена существительныя, употребляя въ то же время вполне правильно другія слова, или тотъ случай, когда забытыми оказываются существительныя опредѣленнаго рода или всѣ существительныя и собственныя имена за исключеніемъ ихъ начальныхъ буквъ. Предположеніе о томъ, что постоянное употребленіе голосовыхъ и духовныхъ органовъ ведетъ къ наслѣдственнымъ измѣненіямъ въ ихъ строеніи и функціяхъ, содержитъ въ себѣ столько же вѣроятія, сколько и предположеніе о наслѣдственной передачѣ формы почерка, зависящаго отчасти отъ строенія руки, а отчасти отъ характера духа. А форма почерка безусловно передается по наслѣдству.

Нѣкоторые писатели, особенно профессоръ Максъ Мюллеръ, высказали въ послѣднее время утвержденіе, что употребленіе рѣчи предполагаетъ наличность способности къ образованію общихъ понятій; такъ какъ животное, по ихъ мнѣнію, не обладаетъ такою способностью, то тутъ они думаютъ найти непреложную грань между человѣкомъ и животными. Что касается животныхъ, то я уже пытался показать, что они обладаютъ этою способностью, по крайней мѣрѣ, въ грубой и зачаточной формѣ. Что же касается дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 11 мѣсяцевъ и глухонѣмыхъ, то мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы они были въ состояніи связывать опредѣленные звуки съ опредѣленными общими идеями такъ скоро, какъ это происходитъ, если-бы такія идеи уже не образовывались въ ихъ душѣ. То-же самое замѣчаніе можетъ быть отнесено и къ болѣе интеллигентнымъ

животнымъ. Такъ, напримѣръ, Лесли Стефенъ (Leslie Stephen) говоритъ: «собака образуетъ общее понятіе кошки или овцы и знаетъ соотвѣствующее этому понятію слово такъ-же хорошо, какъ и философъ. А способность понимать является такимъ-же хорошимъ, хотя по степени своей болѣе низкимъ, доказательствомъ звуковой интеллигентности, какъ и способность говорить».

Не трудно понять, почему органы, употребляемые въ настоящее время для рѣчи, должны были первоначально усовершенствоваться для этой цѣли и притомъ скорѣе, чѣмъ какіе-либо другіе органы. Гюбертъ, посвятившій цѣлую главу вопросу о языкѣ муравьевъ, показалъ, что муравьи обладаютъ довольно значительною способностью передавать другъ другу свѣдѣнія и сообщенія при помощи своихъ щупальцевъ. Очень можетъ быть, что мы могли-бы пользоваться въ качествѣ подходящихъ вспомогательныхъ средствъ также нашими пальцами. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, научившійся говорить пальцами, можетъ съ ихъ помощью передавать глухому каждое слово изъ рѣчи, произносимой на народномъ собраніи. Если-бы мы пользовались для рѣчи пальцами, то потеря рукъ была-бы для насъ крайне чувствительна и нарушила-бы равновѣсіе. Такъ какъ всѣ высшія млекопитающія обладаютъ голосовыми органами, построенными по тому-же общему плану, какъ и наши, и представляющими собою средства взаимнаго сообщенія, — то вполне вѣроятно, что, если способность взаимнаго пониманія должна была развиваться дальше, то эти самые органы должны были тоже развиваться дальше. А развитіе этихъ органовъ было обусловлено помощью сосѣднихъ, хорошо приспособленныхъ частей, а именно, языка и губъ. Тотъ фактъ, что высшія обезьяны не пользуются своими голосовыми органами для рѣчи, объясняется, безъ сомнѣнія, недостаточною развитіемъ ихъ ума. Онѣ обладаютъ органами, которые при продолжительномъ и постоянномъ упражненіи могли-бы быть употреблены для рѣчи, но у нихъ эти органы не служатъ этой цѣли, подобно тому, какъ многія птицы, обладающія органами пѣнія, тѣмъ не менѣе никогда не поютъ. Такъ, напримѣръ, у соловья и вороны сходные голосовые органы. Соловей пользуется ими для разнообразнаго пѣнія, а ворона — лишь для карканья. Если-же вы спросите, почему умъ обезьяны не развитъ въ той-же степени, въ какой развитъ умъ человѣка, то отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ состоять въ себѣ лишь указаніе на общія причины. Если мы примемъ въ соображеніе наше невѣжество въ вопросѣ о слѣдующихъ другъ за другомъ ступеняхъ развитія, пройденныхъ каждымъ существомъ, — то тогда мы поймемъ, что не умно ожидать болѣе опредѣленнаго отвѣта на данный вопросъ.

Доказательства, говорящія за постепенное прогрессивное развитіе различныхъ языковъ и различныхъ видовъ, покоятся на поразительно сходныхъ основахъ. Однако, мы можемъ прослѣдить происхожденіе многихъ словъ куда дальше, чѣмъ происхожденіе видовъ, такъ какъ мы въ состояніи легко убѣдиться въ томъ, какимъ образомъ эти слова возникли изъ подражанія различнымъ звукамъ. Въ различныхъ языкахъ мы находимъ бросающіяся въ глаза однородныя слова, являющіяся результатомъ общности происхожденія; въ различныхъ языкахъ мы находимъ аналогичныя слова, являющіяся результатомъ сходнаго процесса образованія. Характеръ измѣненія опредѣленныхъ буквъ или звуковъ при измѣненіи другихъ буквъ или звуковъ напоминаетъ намъ очень сильно соотношеніе роста. Въ обоихъ случаяхъ мы находимъ удваиваніе частей, дѣйствіе продолжительнаго употребленія и т. д. Еще удивительнѣе тотъ фактъ, что, какъ въ языкахъ, такъ и у видовъ, мы часто встрѣчаемъ рудименты, остатки. Буква «т» въ англійскомъ словѣ «am» означаетъ «я». Слѣдовательно, въ выраженіи «I, am» («я есмь») сохранился излишній и бесполезный остатокъ. Точно такъ

же, когда мы пишемъ слова, то мы часто сохраняемъ буквы, являющіяся остатками болѣе древнихъ формъ произношенія. Подобно органическимъ существамъ, языки могутъ быть классифицированы въ группы, подчиняющіяся другимъ группамъ, и ихъ можно подвергнуть или естественной классификаціи по ихъ происхожденію или классификаціи искусственной, основанной на другихъ признакахъ. Господствующіе языки и нарѣчія накладываютъ себѣ сильное распространеніе и постепенно ведутъ къ гибели другіхъ языковъ. Разъ какой-нибудь языкъ вымеръ, то, по справедливому замѣчанію Ляйелля, онъ никогда уже болѣе не появляется вновь, точно такъ же, какъ не появляется вновь вымершій видъ. У одного и того-же языка никогда не бываетъ двухъ родинъ. Различные языки могутъ скрещиваться или сливаться другъ съ другомъ. Каждый языкъ отличается измѣнчивостью, и на каждомъ шагѣ возникаютъ новыя слова. Но такъ какъ наша способность къ воспоминанію не безгранична, то отдѣльные слова, такъ-же какъ и цѣлые языки, постепенно совершенно вымираютъ. Максъ Мюллеръ очень правильно говоритъ: «въ каждомъ языкѣ постоянно происходитъ борьба за существованіе между словами и грамматическими формами: болѣе короткія, болѣе легкія, болѣе удачныя формы постоянно одерживаютъ верхъ, и своимъ успѣхомъ онѣ обязаны своей собственной внутренней силѣ». Кромѣ этихъ болѣе важныхъ причинъ, подъ влияніемъ которыхъ опредѣленные слова переживаютъ другія, можно привести еще одну причину, а именно, новизну и моду. Дѣло въ томъ, что человѣческій умъ постоянно оказываетъ сильное предпочтеніе незначительнымъ измѣненіямъ во всѣхъ вещахъ. Переживаніе или сохраненіе опредѣленныхъ, лучшихъ словъ въ борьбѣ за существованіе можно назвать естественнымъ отборомъ.

Строеніе языковъ многихъ варварскихъ народовъ, отличающееся полнѣйшей правильностью и удивительной сложностью, приводилось часто, какъ доказательство божественнаго происхожденія этихъ языковъ или какъ доказательство высокаго культурнаго уровня и древней цивилизаціи основателей ихъ. Такъ, напримѣръ, Фридрихъ фонъ-Шлегель говоритъ слѣдующее: «очень часто въ языкахъ народовъ, стоящихъ, повидимому, на очень низкой ступени уметвенной культуры, мы можемъ замѣтить высокую степень искусства грамматическаго строенія. Этотъ фактъ имѣетъ особенно мѣсто въ языкахъ басковъ, лапландцевъ и многихъ американскихъ дикарей». Но тотъ, кто говоритъ объ языкѣ, какъ объ искусствѣ въ томъ смыслѣ, какъ будто языкъ выработался съ большимъ трудомъ и по извѣстному методу, тотъ безусловно ошибается. Въ настоящее время филологи признаютъ, что спряженія, склоненія и т. д. первоначально существовали, какъ отдѣльныя слова, соединившіяся впоследствии другъ съ другомъ; и такъ какъ такія слова выражали наиболѣе бросающіяся въ глаза отношенія между объектами и лицами, то не удивительно, что они уже издавна стали употребляться людьми большей части расъ. Что-же касается вопроса о совершенствѣ языка, то приводимое ниже разъясненіе покажетъ лучше всего, какъ легко можно ошибаться. Морская лилія (Crinoideae) иногда состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ 150 тысячъ щитковъ, расположенныхъ въ полной симметріи лучеобразными рядами. Но естественныя членики не считаютъ такое животное болѣе совершеннымъ, чѣмъ животное двоякосимметричное и состоящее изъ сравнительно небольшого числа частей, непохожихъ другъ на друга, за исключеніемъ тѣхъ, которыя расположены на противоположныхъ сторонахъ тѣла. Онъ видитъ вполне основательно въ дифференціаціи и спеціализаціи органовъ пробный камень совершенствованія. Точно такъ же не слѣдуетъ ставить наиболѣе симметричныя и сложныя языки выше неправильныхъ, сокращенныхъ и смѣшанныхъ языковъ, присвоившихъ

себѣ выразительныя слова и цѣлесообразныя формы строенія у различныхъ покоренныхъ расъ или расъ-покорителей.

Изъ вышесказаннаго я заключаю, что крайне сложное и правильное строеніе многихъ варварскихъ языковъ не является доказательствомъ того, что они обязаны своимъ происхожденіемъ особому творческому акту. Кромѣ того, способность къ членораздѣльной рѣчи не представляетъ собою, какъ мы видѣли выше, непреодолимаго препятствія для торжества теоріи, согласно которой человѣкъ развился изъ какой-нибудь низшей формы... Ч.

Интересно было бы прослѣдить спекулятивнымъ путемъ за тѣмъ, какъ рано въ ряду нашихъ предковъ возникли и послѣдовательно развились различныя, служащія для выраженія чувствъ движенія, свойственныя человѣку... Мы можемъ съ полной увѣренностью предположить, что еще задолго до того, какъ наши предки заслуживали названія людей, они выражали радость или удовольствіе смѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе виды обезьянъ, испытывая удовольствіе, издаютъ повторные звуки, которые, очевидно, аналогичны нашему смѣху и сопровождаются дрожащими движеніями ихъ челюстей и губъ. При этомъ углы рта оттягиваются назадъ и вверхъ, щеки сморщатся, и даже глаза становятся блестящими.

Точно такъ же мы можемъ заключить, что уже очень и очень давно страхъ выражался такимъ же образомъ, какимъ онъ выражается въ настоящее время у людей: признаками страха являются дрожаніе, подниманіе волосъ, холодный потъ, блѣдность, широко раскрытые глаза, ослабленіе большей части мускуловъ. Точно такъ же при страхѣ тѣло прижимается къ землѣ и остается неподвижнымъ.

Сильное страданіе вызывало уже съ самаго начала крикъ или вой, сопровождаемый скрежетомъ зубовъ и судорожными движеніями тѣла. Но у нашихъ предковъ, по всей вѣроятности, лицо стало принимать тѣ въ высокой степени выразительныя измѣненія въ чертахъ, которыми сопровождается крикъ и плачь, не раньше, чѣмъ когда ихъ кровеносныя и дыхательныя органы, а также мускулы, окружающіе глаза, приняли свое современное строеніе. Выдѣленіе слезъ возникло, повидимому, какъ рефлекторное дѣйствіе подъ вліяніемъ судорожнаго сокращенія глазныхъ вѣкъ въ связи, пожалуй, съ тѣмъ фактомъ, что глаза во время крика наливаются кровью. Слѣдовательно, наши предки, по всей вѣроятности, начали плакать на довольно поздней ступени развитія. Этотъ выводъ вполне совпадаетъ съ тѣмъ фактомъ, что наши ближайшіе родственники, а именно человекообразныя обезьяны, не плачутъ. Однако, мы должны быть въ этомъ выводѣ очень осторожны. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя обезьяны, не находящіяся въ близкомъ родствѣ съ человекомъ, плачутъ. Слѣдовательно, эта привычка могла уже давно развиться у какой-нибудь вѣтви той группы, отъ которой происходитъ человѣкъ. Страдая отъ горя или заботъ, наши болѣе древніе предки стали приводить свои брови въ косвенное положеніе или оттягивать внизъ углы рта не прежде, чѣмъ у нихъ вошла въ привычку попытка сдерживать свой крикъ. Поэтому выраженіе горя или заботы въ высокой степени свойственно исключительно человѣку.

Уже на очень ранней ступени развитія гнѣвъ выражается угрожающими жестами, при чемъ кожа становится красной, а глаза неподвижными, но лобъ не морщится. Привычка морщить лобъ образовалась, какъ кажется, вслѣдствіе того, что прежде всего, когда во время ранняго дѣтства ощущалась боль, гнѣвъ или печаль, сокращались надвигатели бровей (мышцы бровей, corrugatores). Отчасти сморщиваніе лба превратилось въ привычку вслѣдствіе того, что оно служило защитой для глазъ при интенсивномъ вѣселированіи. Но сморщиваніе лба съ цѣлью образованія защиты для

глазъ стало, по всей вѣроятности, обычнымъ дѣйствіемъ не прежде, чѣмъ человѣкъ окончательно принялъ вертикальное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, обезьяны не морщатъ своихъ бровей, когда на нихъ дѣйствуетъ ослѣпительный свѣтъ. Прійдя въ ярость, наши ранніе предки, по всей вѣроятности, еще сильнѣе оскаливали свои зубы, чѣмъ это дѣлаетъ человѣкъ теперь даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ даетъ полный просторъ взрыву гнѣва, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто при душевныхъ болѣзняхъ. Мы можемъ съ увѣренностью сказать также, что, будучи сердитыми или чѣмъ-нибудь разочарованными, наши предки вытягивали свои губы, и это они тоже дѣлали въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ это наблюдается въ настоящее время у нашихъ дѣтей или даже у дѣтей современныхъ дикихъ человѣческихъ расъ.

Будучи немного разсерженными или гнѣбными, наши древніе предки врядъ ли стали закидывать голову назадъ, расширять свою грудную кѣтку, поднимать плечи и сжимать кулаки прежде, чѣмъ они приняли обычную осанку и вертикальное положеніе человѣка и прежде, чѣмъ научились драться кулаками или дубинами. До наступленія этого періода врядъ ли развился также жестъ, выражающійся въ пожиманіи плечами и служащій знакомъ безсилія или терпѣнія. По той же самой причинѣ въ тѣ времена удивленіе не выражалось подыманіемъ рукъ и растопыриваніемъ пальцевъ. По всей вѣроятности, изумленіе не выражалось также у нихъ широко раскрытымъ ртомъ, насколько объ этомъ можно судить по дѣйствіямъ обезьянъ. На зато глаза у нихъ при этомъ широко раскрывались и брови приподымались. Надо думать, что отвращеніе или недовольство очень рано выражалось у нихъ движеніями вокругъ рта, похожими на тѣ движенія, которыми сопровождается рвота. Это, однако, могло имѣть у нихъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если высказанное мною въ видѣ гипотезы мнѣніе правильно: я говорю о томъ своемъ мнѣніи, что наши предки обладали способностью произвольно и быстро выталкивать изъ желудка пищу, которая имъ не нравилась. Что же касается болѣе благородной манеры выражать презрѣніе или неуваженіе прищуриваніемъ глазныхъ вѣкъ или отворачиваніемъ глазъ и лица, то этотъ жестъ, выражающій какъ бы ту мысль, что презираемое лицо недостойно нашего взгляда, по всей вѣроятности, развился у насъ въ болѣе или менѣе поздній періодъ.

Изъ всѣхъ формъ, служащихъ для выраженія чувствованій наиболѣе человѣчной, въ строгомъ смыслѣ слова, является способность краснѣть; но эта способность присуща всѣмъ или почти всѣмъ человѣческимъ расамъ, независимо отъ того, замѣтно ли или нѣтъ при этомъ измѣненіе цвѣта кожи. Разслабленіе мелкихъ артерій поверхности кожи (а этимъ и обусловливается тотъ фактъ, что человѣкъ краснѣетъ) было, какъ кажется, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ того, что на нашу наружность и, особенно, на наше лицо обращалось особое вниманіе. Къ этому надо еще прибавить привычку, наслѣдственную, а также болѣе легкое распространеніе нервной силы по привычнымъ путямъ. Вслѣдствіи, какъ кажется, человѣкъ сталъ краснѣть и тогда, когда вопросъ шелъ о нравственномъ самоанализѣ. Тутъ извѣстную роль сыграла ассоціація. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что многія животныя въ состояніи оцѣнивать красивыя цвѣта и даже красивыя формы. Это обнаруживается хотя бы въ томъ, сколько усилія прилагаютъ особи одного пола для того, чтобы показать всю свою красоту передъ особями другого пола. Но, какъ кажется, врядъ ли какое-нибудь животное могло подвергать разбору свою собственную личностъ и выражать опредѣленное отношеніе къ ней прежде, чѣмъ его духовныя способности развились въ такой же или въ приблизительно такой же степени, въ какой они развились у человѣка. Изъ этого мы можемъ сдѣлать тотъ

выводъ, что способность краснѣть возникла лишь очень поздно въ длинномъ ряду развитія органическаго міра... 0.

Всѣ признають, что самыя главныя дѣйствія, выражающія ощущенія и проявляемыя человѣкомъ и низшими животными, представляютъ собою въ настоящее время продуктъ прирожденности или наслѣдственности; это значитъ, что особь не научается имъ. Для многихъ изъ этихъ дѣйствій совершенно не можетъ быть вопроса объ изученіи ихъ или о подражаніи, такъ какъ они во всю жизнь особи, начиная съ самой ранней поры дѣтства, лежатъ внѣ предѣловъ какого-либо контроля. Такъ обстоитъ, напримеръ, дѣло съ расслабленіемъ артерій кожи, когда человѣкъ краснѣетъ; точно такъ же обстоитъ дѣло съ усиленною дѣятельностью сердца при гнѣвѣ. Мы можемъ наблюдать, какъ двухъ или трехлѣтнія дѣти и даже дѣти, являющіяся слѣпыми отъ рожденія, краснѣютъ со стыда. А когда маленькія дѣти сердятся, то голая головная кожа начинаетъ у нихъ краснѣть. Непосредственно послѣ появленія на свѣтъ дѣти кричатъ отъ боли, и при этомъ черты лица принимаютъ у нихъ то же выраженіе, какое онѣ принимаютъ при плачѣ въ болѣе позднемъ возрастѣ. Уже этихъ однихъ фактовъ достаточно для подтвержденія той мысли, что многія наши движенія, служащія для выраженія ощущеній, не заучены нами. Интересно, однако, отмѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ движеній, являющіяся безусловно прирожденными, могутъ быть выполнены особою съ достаточнымъ совершенствомъ лишь послѣ нѣкотораго упражненія. Такъ обстоитъ, напримеръ, дѣло съ плачемъ и смѣхомъ. Наслѣдственностью большей части нашихъ движеній, служащихъ для выраженія ощущеній, объясняется тотъ фактъ, что слѣпыя отъ рожденія выполняютъ эти дѣйствія такъ же хорошо, какъ и дѣти, одаренныя даромъ зрѣнія. Объ этомъ мнѣ сообщилъ Р. Блэръ (R. Blair). Наслѣдственность объясняетъ намъ также и тотъ фактъ, что и молодые, и старыя особи сильно отличныхъ другъ отъ друга расъ (и, притомъ, расъ не только человѣческихъ, но и животныхъ) выражаютъ одинаковое душевное состояніе одними и тѣми же движеніями... 0.

Каково бы ни было происхожденіе движеній, служащихъ для выраженія ощущеній, тѣмъ не менѣе они имѣютъ громадное значеніе для нашего благоденствія. Они являются первыми средствами взаимнаго пониманія матери и ея ребенка. Улыбкою мать выражаетъ одобреніе ребенку и поощряетъ его идти по правильному пути. Хмуря брови, она выражаетъ ему неодобреніе. Выраженіе лица человѣка легко показываетъ намъ, что онъ чувствуетъ къ намъ симпатію; это облегчаетъ наши страданія и увеличиваетъ наши радости, и такимъ путемъ усиливается взаимное расположеніе между людьми. Движенія сообщаютъ нашимъ словамъ живость и энергію; они сильнѣе, чѣмъ слова, открываютъ намъ мысли и намѣренія другихъ людей, такъ какъ слова могутъ лгать. Разрѣшеніе вопроса о томъ, содержится ли въ такъ называемой физиогномикѣ (наукѣ о физиономіи) вообще большая или меньшая крупица истины, находится, какъ кажется, въ зависимости отъ того отмѣченнаго уже Галлеромъ факта, что для выраженія своихъ настроеній различные люди приводятъ особенно часто въ движеніе различныя мускулы лица. Подъ влияніемъ этого развитіе данныхъ мускуловъ, пожалуй, усиливается, а выступающія вслѣдствіе обычнаго сокращенія лица складки или морщины становятся болѣе глубокими и болѣе рѣзкими. При свободномъ выраженіи душевныхъ настроеній внѣшними знаками наши душевныя волненія становятся болѣе интенсивными. А съ другой стороны, удерживаясь отъ всякихъ внѣшнихъ проявленій, мы ослабляемъ наши душевныя волненія. Если вы рѣзкими жестами отдадитесь во

власть своего гнѣва, то этимъ вы только усилите его. Если вы не подчините внѣшнихъ проявленій страха контролю воли, то вы будете ощущать болѣе сильный страхъ; если, будучи охвачены какимъ-нибудь горемъ или тоскою, вы предадитесь бездѣйствію, то вы упускаете лучшую возможность вернуть себѣ упругость ума, бодрость духа. Эти результаты являются, отчасти, слѣдствіемъ тѣсной связи, существующей между всѣми душевными волненіями и ихъ проявленіями, а отчасти слѣдствіемъ непосредственнаго вліянія, оказываемаго какимъ-нибудь движеніемъ на сердце, а слѣдовательно и на мозгъ. Даже лицемѣрное изображеніе какого-нибудь душевнаго настроенія легко вызываетъ въ нашей душѣ реальное настроеніе. Шекспиръ являющийся безусловно поразительнымъ знаткомъ человѣческой души, говоритъ:

«Не возмутительно-ль, что тотъ актеръ
Однимъ лишь вымысломъ, одною мнимой страстью
Умѣетъ такъ свою настроить душу,
Что, повинаясь ей, лицо его блѣднѣетъ,
Онъ слезы льетъ, черты являютъ ужасъ, голосъ
Дрожитъ и каждое движеніе отвѣчаетъ
Его мечтѣ? И все изъ за чего?»

(«Гамлетъ» II дѣйствіе, сцена II. Перев. К. Р.). 0.

Многіе заявляли, что только человѣку знакомо чувство красоты. Я тутъ буду говорить только объ удовольствіи, доставляемомъ намъ извѣстными цвѣтами, формами и звуками. Это удовольствіе можно назвать чувствомъ красоты. Эти ощущенія находятся у культурныхъ людей въ тѣсной связи со сложными идеями и нитями мыслей. Но присматриваясь къ тому, какъ птицы самцы съ умысломъ расправляютъ передъ самками свои роскошныя перья, между тѣмъ какъ птицы, не украшенныя красивыми перьями, не дѣлаютъ ничего подобнаго, мы волей-неволей приходимъ къ тому заключенію, что самки любятъ красотою самцовъ. Оспаривать красоту этихъ перьевъ нельзя, такъ какъ повсюду женщины украшаютъ себя ими. Возьмемте еще другіе примѣры. Гнѣзда колибри и мѣста, на которыхъ устраиваютъ свои игры плащеносцы (*Chlamydera*) съ большимъ вкусомъ убраны различными предметами, отличающимися яркими цвѣтами. А это показываетъ, что данныя птицы испытываютъ извѣстное удовольствіе при видѣ подобныхъ вещей. Однако, большая часть животныхъ обнаруживаетъ эстетическій вкусъ лишь постольку, поскольку дѣло идетъ о прелестяхъ другого пола. Самки птицъ безусловно восхищаются красивыми звуками, испускаемыми самцами въ періодъ любви. За это говоритъ очень много фактовъ. Если бы самки птицъ не были въ состояніи оцѣнивать красивые цвѣта, украшенія, голоса самцовъ, то всѣ труды и всѣ старанія, прилагаемыя самцами для того, чтобы показать самкѣ всѣ свои прелести, были бы излишними, а этого никакъ нельзя допустить. Какъ мнѣ кажется, нельзя найти объясненія тому факту, что извѣстные яркіе цвѣта вызываютъ удовольствіе. Точно такъ-же нельзя объяснить того факта, почему извѣстные запахи и вкусовые ощущенія намъ пріятны, но, во всякомъ случаѣ, тутъ извѣстную роль играетъ привычка. Въ самомъ дѣлѣ, то, что вначалѣ намъ непріятно, можетъ, въ концѣ-концовъ, стать пріятнымъ, привычнымъ, а привычки передаются по наслѣдству. Что касается звуковъ, то Гельмгольтцъ объяснилъ отчасти физиологическими причинами, почему гармонія и опредѣленные чередованія звуковъ намъ пріятны. Съ другой стороны, часто повторяющіяся въ неправильные промежутки времени звуки, крайне непріятны, какъ это можетъ подтвердить всякій, кто слышалъ ночью неравномѣрное хлопанье каната о пароходъ. Тотъ же принципъ, какъ кажется, можетъ быть примѣнимъ и къ лицу, такъ какъ

глазъ предпочитаетъ симметрію или правильно повторяющіяся фигуры. Узоры такого рода разсматриваются, какъ украшенія даже дикарями, стоящими на низшей ступени культурнаго развитія; съ другой стороны, они развились путемъ полового отбора для украшенія нѣкоторыхъ самцовъ. Независимо отъ того, можемъ ли мы или не можемъ указать причину того удовольствія, которое испытываетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ нашъ глазъ или ухо,—мы можемъ съ увѣренностью сказать, что человѣкъ и многія низшія животныя одинаково наслаждаются одними и тѣми же цвѣтами, отъбѣнками цвѣтовъ и одними и тѣми же формами и звуками.

Эстетическое чувство не находится въ специфической формѣ въ чело-вѣческомъ мозгу, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о женской красотѣ, такъ какъ оно не одинаково даже у различныхъ чело-вѣческихъ расъ; оно не одинаково даже у различныхъ націй одной и той же расы. Судя по отвратительнымъ орнаментамъ и ужасной музыкѣ, которыми такъ восхищается большинство дикарей, можно смѣло утверждать, что ихъ эстетическое чувство стоитъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ у нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ у птицъ. Конечно, ни одно животное не въ состояніи восхищаться ни звѣзднымъ небомъ, ни дивнымъ ландшафтомъ, ни прекрасной музыкой; но вѣдь такими вещами, которыя по природѣ своей зависятъ отъ культуры и сложныхъ ассоціацій, варвары и не интеллигентные люди тоже не восхищаются.

Многія способности, оказавшія чело-вѣку неизмѣримыя услуги на пути его постепеннаго развитія (а къ такимъ способностямъ надо отнести способность воображенія, восхищенія, любознательности, неясное эстетическое чувство, склонность къ подражанію и любовь къ возбужденію и новизнѣ) должны были привести къ самымъ замѣчательнымъ измѣненіямъ привычекъ и моды. Я привожу этотъ фактъ потому, что одинъ новый писатель довольно странно объяснилъ настроеніе «однимъ изъ главныхъ и замѣчательныхъ различій между дикарями и животными». Мы можемъ не только объяснить, почему у чело-вѣка такое-то и такое-то настроеніе, но мы также видимъ, что низшія животныя въ своихъ склонностяхъ и эстетическомъ чувствѣ тоже крайне измѣнчивы. Мы имѣемъ также полное право предпо-ложить, что они любятъ новизну ради ея самой... Ч.

Что же касается взгляда, будто органическія существа созданы прекрасными для того, чтобы доставлять наслажденіе чело-вѣку—взглядъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, совершенно опровергаетъ мою теорію—то я долженъ замѣтить, что, во-первыхъ, чувство красоты зависитъ отъ ума чело-вѣка, независимо отъ, реальнаго качества, свойственнаго предмету наслажденія, а во-вторыхъ, идея красоты не представляетъ собою чего то природнаго и неизмѣннаго. Это мы видимъ, напримѣръ, у мужчинъ различныхъ расъ, которымъ нравятся самые разнообразныя типы красивыхъ женщинъ. Если бы красивые объекты были созданы исключительно для того, чтобы доставлять наслажденіе чело-вѣку, то надо было бы еще доказать, что до появленія чело-вѣка на землѣ было меньше красоты, чѣмъ теперь. Были ли *voluta* и *Konus*, дивныя раковины эоценовой эпохи, и граціозные аммониты вторичной эры созданы лишь для того, чтобы черезъ нѣсколько тысячелѣтій чело-вѣкъ могъ любоваться ими въ своихъ коллекціяхъ? Не много найдется предметовъ болѣе красивыхъ, чѣмъ крошечные кремневые панцири діатомей; неужели и они были созданы лишь для того, чтобы люди подъ микроскопомъ изслѣдовали ихъ и любовались ими? Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, красота, повиди-мому, обусловлена исключительно симметрическимъ ростомъ организма. Цвѣты считаются самыми красивыми произведеніями природы; они со-ставляютъ рѣзкій контрастъ зеленымъ листьямъ и прекрасны для того,

чтобы обращать на себя вниманіе насѣкомыхъ. Я пришелъ къ этому заключенію на основаніи неопровержимаго правила, что цвѣтокъ, оплодотворенный вѣтромъ, никогда не обладаетъ интенсивно окрашеннымъ вѣнчикомъ. Нѣкоторыя растенія обыкновенно несутъ двоякаго рода цвѣты; одни цвѣты открыты и окрашены, чтобы привлекать насѣкомыхъ; другіе не окрашены, не имѣютъ нектара, и насѣкомыя ихъ никогда не посѣщаютъ. Изъ этого мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что если бы на землѣ никогда не существовало насѣкомыхъ, то мѣръ растеній никогда бы не бли-сталъ яркими красивыми цвѣтами и мы бы встрѣчались только съ такими жалкими цвѣтами, какіе несутъ въ настоящее время сосна, дубъ, ясень, травы, шпинатъ, шавель и крапива, которые всѣ оплодотворяются при со-дѣйствіи вѣтра. Приблизительно то же самое мы можемъ сказать о различ-ныхъ видахъ плодовъ. Никто не станетъ отрицать того факта, что спѣлая земляника или вишня одинаково пріятна и для глаза, и на вкусъ. Никто не станетъ отрицать того, что ярко-красныя ягоды бересклета и пурпурно-красныя ягоды падуба красивы. А эта красота служитъ лишь для того, чтобы побудить птицъ и другихъ животныхъ ѣсть эти плоды и такимъ путемъ распространить сѣмена. Къ этому выводу я пришелъ на томъ осно-ваніи, что сѣмена, заключенныя въ какого-либо рода плодахъ (т. е. въ мя-систый или сочный оболочекъ) всегда распространяются при содѣйствіи жи-вотныхъ, если плодъ окрашенъ въ какой-либо яркій или хотя бы только бросающійся въ глаза цвѣтъ, какъ, напримѣръ, бѣлый или черный. Изъ этого правила мнѣ не приходилось наблюдать ни одного исключенія.

Съ другой стороны, я охотно признаю, что очень многіе самцы, какъ, напримѣръ, всѣ наши великолѣпно раскрашенныя птицы, нѣкоторыя рыбы, пресмыкающіяся и млекопитающія и цѣлый рядъ прекрасно раскрашенныхъ бабочекъ, красивы только ради красоты; но это не создано для удоволь-ствія чело-вѣка, а является результатомъ полового подбора, т. е. въ силу того, что самки всегда предпочитали болѣе красивыхъ самцовъ. То же самое имѣетъ также отношеніе къ пѣнію птицъ. Изъ всего этого мы можемъ за-ключить, что значительная часть животныхъ обладаетъ сходнымъ вкусомъ по отношенію къ красивымъ цвѣтамъ и музыкальнымъ тонамъ. Тамъ, гдѣ самка такъ же красиво окрашена, какъ и самецъ (а это встрѣчается не-рѣдко у птицъ и бабочекъ), тамъ этотъ фактъ обусловленъ тѣмъ, что при-обрѣтенные путемъ полового подбора цвѣта передались по наслѣдству не одному только самцу, но и обоимъ поламъ. Вообще крайне загадочно, какъ впервые развилось чувство красоты въ своей простѣйшей формѣ въ душѣ чело-вѣка и низшихъ животныхъ, при чемъ подъ чувствомъ красоты я пони-маю ощущеніе своеобразнаго удовольствія при наличности извѣстныхъ красокъ, формъ и звуковъ. Точно такъ же трудно разрѣшимъ вопросъ о томъ, почему извѣстныя вкусовыя и обонятельныя ощущенія доставляютъ намъ удовольствіе, между тѣмъ какъ другія причиняютъ намъ неудоволь-ствіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ извѣстное значеніе выпадаетъ на долю привычки, но на лицо должна также имѣться какая-нибудь основная при-чина, лежащая въ самомъ складѣ нервной системы каждаго вида... В.

Безъ сомнѣнія, способность чувственного воспріятія построена у чело-вѣка и низшихъ животныхъ такъ, что яркія краски и извѣстныя формы, а также гармоническіе и ритмическіе звуки доставляютъ имъ наслажденіе и называются прекрасными. Но мы не знаемъ, почему это должно быть такъ. Мы безусловно не можемъ признать правильной ту мысль, будто въ душѣ чело-вѣка имѣется какой-нибудь общій масштабъ для оцѣнки кра-соты чело-вѣческаго тѣла. Однако вполне возможно, что опредѣленный вкусъ съ теченіемъ времени передался по наслѣдству, хотя въ пользу та-

кого допущенія нельзя привести никакихъ опредѣленныхъ доказательствъ. Если дѣйствительно вкусъ передается по наслѣдству, то въ такомъ случаѣ у каждой расы долженъ былъ бы быть свой собственный прирожденный идеальный масштаб красоты. Утверждали, будто сущность безобразія заключается въ приближеніи къ формамъ низшихъ животныхъ. Это утверждение, безъ сомнѣнія, правильно, поскольку дѣло идетъ о цивилизованныхъ народахъ, высоко оцѣнивающихъ интеллектъ, но это объяснение врядъ ли подходитъ ко всѣмъ формамъ безобразія. Люди каждой расы оказываютъ предпочтеніе тому, что они привыкли видѣть, и не любятъ рѣзкихъ измѣненій. Но они любятъ извѣстное разнообразіе, и имъ нравится, если какая-нибудь характерная черта доведена до нѣкоторой крайности. Люди, привыкшіе къ тому, чтобы видѣть овальное лицо съ простыми правильными чертами, лицо, отличающееся бѣлизной, восхищаются всѣми этими элементами въ томъ случаѣ, если они сильно развиты; мы, европейцы, знаемъ это на собственномъ примѣрѣ. Съ другой стороны, люди, привыкшіе видѣть широкія лица съ выдающимися скулами, приплюснутыми носами и черной кожей, приходятъ въ восхищеніе, когда эти черты сильно выражены. Безъ сомнѣнія, особенности всякаго рода могутъ легко развиваться очень сильно и перейти за предѣлы красоты. Поэтому существо, отличающееся совершенной красотой и содержащее, слѣдовательно, много признаковъ въ особенно измѣненномъ состояніи, будетъ въ каждой расѣ крайне рѣдкимъ явленіемъ. Уже давно великій анатомъ Биша сказалъ: если бы всѣ люди были отлиты въ одну форму, то не было бы красоты. Если бы всѣ наши женщины были такъ же красивы, какъ Венера Медицейская, то нѣкоторое время мы восхищались бы ими, но вскорѣ намъ захотѣлось бы разнообразія, а достигши разнообразія, мы захотѣли бы, чтобы нѣкоторыя особенности нашихъ женщинъ развились немного сильнѣе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто у средняго, обычнаго типа.

* * *

Вообще принято думать, что человѣческое пѣніе послужило основой или началомъ инструментальной музыки. Такъ какъ ни наслажденіе музыкальными звуками, ни способность къ создаванію ихъ не приноситъ человѣку какой-либо пользы въ его обыкновенныхъ жизненныхъ отправленіяхъ, то ихъ приходится отнести къ разряду самыхъ таинственныхъ способностей, имѣющихся у человѣка. Способность къ создаванію музыкальных звуковъ встрѣчается у людей всѣхъ расъ, даже у самыхъ дикихъ людей, хотя у многихъ она проявляется въ очень грубой формѣ. Но вкусы различныхъ расъ отличаются такимъ разнообразіемъ, что наша музыка не доставляетъ дикарю ни малѣйшаго удовольствія, а ихъ музыка кажется намъ отвратительной и безсмысленной. Докторъ Земаниъ дѣлаетъ по этому поводу нѣсколько интересныхъ замѣчаній. Онъ высказываетъ сомнѣніе въ томъ, что «воспринимается ли музыка одного западноевропейскаго народа совершенно одинаково другими западноевропейскими народами, хотя западноевропейскіе народы состоятъ въ близкомъ и частомъ взаимномъ общеніи. На востокъ мы увидимъ совершенно отличный отъ нашего языкъ музыки. Въ пѣняхъ, выражающихъ радость, а также въ плясовой музыкѣ вы встрѣчаете минорный тонъ, а не мажорный, какъ у насъ». Независимо отъ того, обладали ли или нѣтъ наши получеловѣческіе предки, подобно поющимъ гиббонамъ, способностью издавать, а слѣдовательно и цѣнить музыкальные звуки,—независимо отъ этого мы знаемъ, что человѣкъ обладалъ данными способностями уже въ очень отдаленный періодъ. Лартэ описалъ двѣ флейты, приготовленныя изъ костей и роговъ оленя и найденныя въ пещерахъ вмѣстѣ съ кремневыми орудіями и остатками вымершихъ животныхъ. Къ тому же пѣніе и танцы являются очень древними

Ч.

искусствами, съ которыми мы въ настоящее время встрѣчаемся у всѣхъ или почти всѣхъ человѣческихъ расъ. Поэзія, эта дочь пѣнія, тоже очень и очень стара, и многіе не скрываютъ своего изумленія по поводу того, что она возникла такъ давно.

Музыкальныя способности, имѣющіеся налицо хотя бы въ зачаточномъ состояніи у всѣхъ расъ, могутъ очень быстро и сильно развиваться. Это мы можемъ наблюдать у готтентотовъ и негровъ, которые становятся прекрасными музыкантами, хотя на ихъ родинѣ нѣтъ почти ничего, похожего на музыку. Однако Швейнфурта пріятно тронули нѣкоторыя простыя мелодіи, услышанныя имъ въ глубинѣ Африки. Впрочемъ, въ томъ фактѣ, что у человѣка музыкальныя способности могутъ находиться въ скрытомъ состояніи, нѣтъ ничего ненормальнаго. Нѣкоторые виды птицъ, никогда не поющихъ по своей природѣ, можно безъ особыхъ трудностей научить пѣть. Такъ, напримѣръ, домашній воробей научается пѣть, какъ поетъ коноплянка. Такъ какъ оба эти вида находятся въ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ и принадлежатъ къ подклассу *Insectores*, къ которому относятся почти всѣ пѣвчія птицы міра, то вполне возможно, что предокъ воробья былъ пѣвчей птицей. Куда болѣе поразителенъ тотъ фактъ, что попугай, не принадлежащій къ порядку *Insectores* и обладающій иначе устроенными голосовыми органами, чѣмъ представители этого подкласса, тѣмъ не менѣе могутъ научиться не только говорить, но и на свистывать или распѣвать сочиненныя человѣкомъ мелодіи. Слѣдовательно, они обладаютъ нѣкоторой музыкальною способностью. Тѣмъ не менѣе было бы чрезвычайно опростетиво полагать, что попугай происходитъ отъ какого нибудь стараго предка, который былъ пѣвчей птицей. Можно было бы привести много примѣровъ того, какъ органы и инстинкты, первоначально приспособленные къ опредѣленной цѣли, затѣмъ становились пригодными для другой, совершенно различной цѣли. Слѣдовательно, способность къ высшему музыкальному развитію, которой обладаютъ дикія человѣческія расы, можетъ, съ одной стороны, быть результатомъ того, что наши получеловѣческіе предки знали какую-нибудь грубую форму музыки, а съ другой—слѣдствіемъ того, что они приобрѣли подходящіе голосовые органы для какой-нибудь совершенно другой цѣли. Если вѣрно послѣднее предположеніе, то мы должны допустить, что наши предки обладали, подобно только что упомянутому попугаю и подобно многимъ другимъ животнымъ, нѣкоторымъ чувствомъ мелодіи.

Музыка пробуждаетъ въ насъ различнѣйшія душевныя настроенія, но не возбуждаетъ въ насъ ужасныхъ ощущеній страха, ужаса, гнѣва и т. д. Она пробуждаетъ въ насъ болѣе тихія чувства нѣжности и любви, которыя легко переходятъ въ религіозное настроеніе. Въ китайскихъ лѣтописяхъ говорится: «музыка способна заставить небо спуститься на землю». Музыка возбуждаетъ въ насъ также чувство торжества и воинственнаго одушевленія. Эти сильныя и смѣшанныя чувства могутъ дать начало чувству возвышеннаго. Докторъ Земаниъ говоритъ, что въ одномъ музыкальномъ тонѣ мы можемъ сосредоточить болѣе интенсивное чувство, чѣмъ на нѣсколькихъ страницахъ сочиненія. По всей вѣроятности, тѣ же самыя чувства, но въ менѣе слабой степени и меньшей сложности испытываютъ птицы, когда самецъ, соперничая съ другими самцами, начинаетъ пѣть, чтобы очаровать самку. Любовь еще и въ настоящее время составляетъ главную тему нашихъ пѣсенъ. Гербертъ Спенсеръ говоритъ: «музыка пробуждаетъ въ насъ дремлющія ощущенія, возможности которыхъ мы не предполагали и значеніе которыхъ намъ неизвѣстно». А Жанъ Поль говоритъ про музыку, что «она рассказываетъ намъ о вещахъ, которыхъ мы не увидимъ». И напротивъ, если ораторъ испыты-

васть и хочетъ выразить сильное волненіе, то онъ инстинктивно пускаетъ въ ходъ музыкальные кадансы и ритмъ, и это дѣлаетъ не только ораторъ на собраніяхъ, но и простой человѣкъ въ обыденной рѣчи. Приходя въ волненіе, американскій негръ часто начинаетъ пѣть; «другой отвѣчаетъ ему пѣніемъ, между тѣмъ, какъ все общество, точно охваченное какой-то музыкальной волной, тихо поетъ въ унисонъ съ ними». Даже обезьяны выражаютъ сильныя чувства различными звуками; злобу и нетерпѣніе онѣ выражаютъ низкими, страхъ и боль—высокими тонами. Возбуждаемая въ насъ музыкой или кадансами страстной рѣчи ошущенія и идеи кажутся влѣдствіе своей неопредѣленности и глубины какъ бы духовными реверсіями (случаями духовнаго атавизма), психическимъ возвратомъ къ волненіямъ и мыслямъ давно прошедшихъ временъ.

Всѣ эти факты, имѣющіе отношеніе къ музыкѣ и страстной рѣчи, становятся для насъ до извѣстной степени понятными, если мы можемъ допустить, что нашъ получеловѣчскій предокъ издавалъ музыкальные звуки и ритмы во время ухаживанія. Вѣдь въ это время животныя всѣхъ видовъ находятся подъ властью не только любви, но и сильной ревности, чувства соперничества и торжества. Въ этомъ случаѣ музыкальные звуки могутъ очень легко, въ силу глубоко коренищагося принципа унаслѣдованныхъ ассоціацій, вызвать сильныя возбужденія давно минувшаго времени. И эти чувства будутъ возбуждаться въ насъ непонятнымъ, неопредѣленнымъ образомъ. Предположить, будто музыкальная способность человѣка развилась изъ звуковъ, употреблявшихся въ безстрастной рѣчи, нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ полное основаніе думать, что членораздѣльная рѣчь, являющаяся однимъ изъ высшихъ искусствъ, была усвоена человѣкомъ позже всѣхъ другихъ искусствъ, а инстинктивная способность издавать музыкальные звуки и создавать ритмы развита даже у такихъ представителей животнаго царства, которые стоятъ на довольно низкой ступени развитія. Мы должны допустить, что ритмы и кадансы ораторской рѣчи надо считать производными музыкальных силъ, развившихся въ насъ уже раньше. Такимъ путемъ мы можемъ понять, почему музыка, танцы и поэзія являются такими древними искусствами.

Самцы нѣкоторыхъ четверорукихъ обладаютъ куда болѣе развитыми голосовыми органами, чѣмъ самки. Кромѣ того, гиббонъ, являющийся одною изъ человѣкообразныхъ обезьянъ, издаетъ цѣлую октаву музыкальных тоновъ, и можно сказать, что онъ поетъ. Слѣдовательно, многое говоритъ за правильность того предположенія, что у предковъ человѣка самцы или самки, или и тѣ, и другія, очаровывали другъ друга музыкальными звуками и ритмами еще значительно раньше того, какъ они приобрѣли способность выражать свои взаимныя чувства членораздѣльной рѣчью. Относительно того, какимъ образомъ четверорукія употребляютъ свой голосъ въ періодъ любви, намъ извѣстно такъ мало, что мы едва-ли располагаемъ какимъ-нибудь средствомъ для рѣшенія вопроса о томъ, была-ли усвоена привычка пѣнія сначала нашими предками—самцами или предками—самками. Въ общемъ, женщины обладаютъ болѣе пріятными голосами, чѣмъ мужчины, и если этотъ фактъ можетъ служить для насъ руководящей нитью, то мы имѣемъ право сдѣлать тотъ выводъ, что женщины первыми приобрѣли музыкальныя способности для того, чтобы привлечьъ мужчинъ. Но если наше предположеніе вѣрно, то это должно было имѣть мѣсто задолго до того времени, когда наши прародители стали достаточно человѣчными, чтобы обращаться со своими женами просто какъ съ полезными рабынями и оцѣнивать ихъ по такому масштабу. Вызывая своими мѣняющимися звуками и кадансами самыя сильныя вол-

ненія у своихъ слушателей, страстный ораторъ, бардъ или музыкантъ врядъ-ли подозрѣвается о томъ, что онъ пользуется въ данномъ случаѣ тѣми же средствами, какими нѣкогда въ чрезвычайной отдаленной эпоху, его получеловѣчскіе предки возбуждали другъ въ другѣ въ періодъ ухаживанія и соперничества пылкую страсть.

5. Нравственная культура.

Основы нравственности у животныхъ. Соціальное животное. Справедливость и несправедливость. Склонность къ общительности. Взаимная поддержка. Солидарность, симпатія, вѣрность и чувство долга. Любовь. Готовность помочь. Человѣкъ—соціальное животное. Соціальныя побужденія. Сила соціальныхъ инстинктовъ. Могутъ ли инстинкты быть нравственными. Нравственное сужденіе. Совѣсть. Самообладаніе. Первоначально дѣяются лишь общественныя добродѣтели. Рабство. Добродѣтели варваровъ. Индивидуальный идеалъ выступать лишь позже. Племенной интересъ. Импульсивная природа нравственности. Общее благо. Цѣли нравственности и побужденія къ ней. Честность. Гуманность. Самоанализъ. Традиціонные обычаи. Моральная наслѣдственность. Путеводные элементы нравственности. Борьба противъ искушеній. Различіе между человѣкомъ и животнымъ въ умственномъ отношеніи очень значительно, но не качественно, а лишь количественно. Развитие ума путемъ естественнаго отбора. Естественный отборъ ведетъ къ побѣдѣ цивилизованныхъ народовъ. Значеніе подражанія. Общественныя способности первобытнаго человѣка. Нравственный подборъ. Передается ли героизмъ по наслѣдству? Солидарность. Похвала и порицаніе. Стремленіе къ почестямъ и славѣ. Нравственное совершенствованіе. Племена съ болѣе развитой нравственностью сохраняются лучше. Прогрессъ. Цивилизація задерживаетъ физическое совершенствованіе. Долгъ слабыхъ людей оставаться бездѣтными. Милитаризмъ. Капитализмъ. Цивилизованный человѣкъ лучше ухаживаетъ за своимъ тѣломъ. Средній уровень умственныхъ способностей и нравственности повышается. Экономическіе моменты. Вліяніе брака на смертность. Прогрессивное и регрессивное развитіе народовъ. Древніе греки. Сѣверо-американцы. Преобладаніе прогресса.

Я вполнѣ подписываюсь подъ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что самую сильную черту отличія человѣка отъ животныхъ составляетъ нравственное чувство или совѣсть. Это чувство, какъ замѣчаетъ Мэк-нотъ-шъ, «законно преобладаетъ надъ всѣми другими принципами человѣческой дѣятельности». И господство его выражается въ короткомъ, но могучемъ и крайне выразительномъ словѣ «долженъ». Да, та внутренняя сущность, которая заставляла человѣка безъ всякихъ размысленій рисковать своею жизнью для ближняго, сущность, заставляющая его послѣ тщательныхъ размысленій, въ основѣ которыхъ лежитъ глубокое чувство справедливости или долга, жертвовать своею жизнью для какого-нибудь великаго дѣла,—эта сущность является наиболѣе благородною чертою человѣка. Иммануилъ Кантъ восклицаетъ: «Долгъ!» Ты—возвышенное, великое понятіе. Ты не содержишь въ себѣ ничего увлекательнаго, дѣйствующаго путемъ лести. Ты требуешь подчиненія, но ты также не угрожаешь для того, чтобы заставить волю рѣшиться, а лишь устанавливаешь законъ, который самъ себѣ находитъ доступъ въ нашу душу и который самъ, помимо нашей воли, вызываетъ въ насъ уваженіе къ себѣ (хотя мы не всегда подчиняемся ему). Передъ этимъ закономъ смолкаютъ всѣ страсти, хотя втайнѣ онѣ и дѣйствуютъ противъ него! Гдѣ твое начало, достойное тебя? Гдѣ найти корень твоего благороднаго происхожденія?»

Мнѣ кажется въ высокой степени вѣроятнымъ, что всякое животное, обладающее рѣзко выраженными соціальными инстинктами (къ которымъ надо отнести также родительскую и дѣтскую любовь), должно было бы неизбѣжно приобрести нравственное чувство или совѣсть, если бы его умственныя силы развились такъ же или почти такъ же сильно, какъ у человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, соціальныя инстинкты ведутъ животное къ тому, что оно чувствуетъ удовольствіе отъ общенія со своими товарищами, испытываетъ извѣстную симпатію къ нимъ и оказываетъ имъ различныя услуги. Эти услуги могутъ быть вполнѣ опредѣленны и огра-

ниченны и носить ясно выраженный инстинктивный характеръ. Эти услуги могутъ также представлять собою простое желаніе или готовность помогать товарищамъ извѣстными общими способами: такъ обстоитъ дѣло у большей части высшихъ социальныхъ животныхъ. Но эти чувства и услуги распространяются не на всѣхъ особей одного и того же вида, а лишь на всѣхъ особей одной и той же общины. Во-вторыхъ, лишь только духовныя способности оказываются высоко развитыми, какъ въ мозгу каждой особи начинаютъ беспрестанно проноситься образы прошедшихъ дѣйствій и мотивовъ этихъ дѣйствій; и тогда всякій разъ, какъ особь замѣчаетъ, что длительный и постоянно имѣющийся налицо социальный инстинктъ уступилъ какому-нибудь другому инстинкту, оказавшемуся въ данный моментъ болѣе сильнымъ, но не являющемуся длительнымъ и не оставляющему очень сильнаго впечатлѣнія,—всякій разъ въ душѣ особи останется то чувство большаго или меньшаго недовольства, которое, какъ мы ниже увидимъ, неизмѣнно является слѣдствіемъ неудовлетворенія какого-либо инстинкта. Очевидно, многія инстинктивные стремленія, какъ, напримѣръ, инстинктъ голода, отличаются, по своей природѣ, кратковременностью, и послѣ своего удовлетворенія они не оставляютъ въ душѣ долгаго и живого воспоминанія. Въ-третьихъ, послѣ того, какъ приобрѣтена способность рѣчи, и желанія членовъ одного и того общества могутъ найти ясное выраженіе,—то дѣйствія особи начнутъ въ значительной степени опредѣляться общимъ мнѣніемъ относительно того, какъ каждый членъ долженъ дѣйствовать для общаго блага. Но мы не должны забывать того, что какое бы значеніе мы ни придавали общественному мнѣнію, все же наши счеы съ одобреніемъ или неодобреніемъ со стороны нашихъ товарищей покоятся на симпатіи, которая, какъ мы увидимъ, является существенной составною частью социального инстинкта и представляетъ собою прямо-таки фундаментъ его. Наконецъ, очень важную роль при опредѣленіи образа дѣйствій каждой особи будетъ играть также привычка...

Я нахожу цѣлесообразнымъ прежде всего указать на то, что я далека отъ мысли, будто каждое животное, являющееся въ строгомъ смыслѣ слова социальнымъ животнымъ, непременно приобрѣло бы совершенно то же самое нравственное чувство, какъ и человѣкъ, если бы только его умственные способности достигли той же высокой ступени развитія, какъ умственные способности человѣка. Подобно тому, какъ различныя животныя обладаютъ извѣстнымъ чувствомъ красиваго, несмотря на то, что они восхищаются различными предметами, точно такъ же у нихъ можетъ быть чувство справедливаго и несправедливаго, хотя это чувство можетъ ихъ толкать на совершенно различныя поступки. Приведемте какой-нибудь крайній случай: если бы человѣкъ воспитывался въ точно такихъ же условіяхъ, какъ и улейныя пчелы, то, безъ сомнѣнія, наши незамужнія самки считали бы, подобно пчеламъ-работницамъ, священнымъ долгомъ убивать своихъ братьевъ. Матери пытались бы уничтожать своихъ плодovitыхъ дочерей, и никому не приходило бы въ голову мѣшать этому. Тѣмъ не менѣе, въ приведенномъ случаѣ, пчела (или какое-нибудь другое социальное животное) имѣла бы какое-нибудь понятіе о справедливости и несправедливости, т. е. имѣла бы совѣсть. Дѣло въ томъ, что внутреннее чувство говорило бы каждой особи о наличности въ ней извѣстныхъ сильныхъ и длительныхъ инстинктовъ, и, такимъ образомъ, часто въ ней возникала бы борьба по поводу того, какому импульсу отдать предпочтеніе; въ результатъ этого особь испытывала бы чувство удовлетворенности и неудовлетворенности, такъ какъ она сравнивала бы другъ съ другомъ различныя впечатлѣнія, постоянно проходящія въ ея душѣ. Въ данномъ

случаѣ какой-то внутренній предубѣждающій голосъ говорилъ бы животному, что было бы лучше слѣдовать данному импульсу, а не другому. Этотъ голосъ говорилъ бы, что «должно» было бы послѣдовать этому побужденію, что это было бы «справедливо», а то — «несправедливо». Но къ этимъ выраженіямъ я вскорѣ вернусь.

Многіе виды животныхъ отличаются общительностью. Извѣстны даже случаи, когда вмѣстѣ живутъ различные виды, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ американскихъ обезьянъ, у галокъ, вороновъ и скворцовъ, соединяющихся въ одну стаю. Человѣкъ обнаруживаетъ то же самое чувство въ своей привязанности къ собакамъ, за которую та платитъ ему съ избыткомъ. Должно быть каждому изъ насъ приходилось наблюдать, какъ несчастны лошади, собаки, овцы и т. д., когда ихъ отдѣляютъ отъ товарищей, и какую радость они обнаруживаютъ, когда снова встрѣчаются. Интересно поразмыслить надъ чувствами собаки, которая можетъ часами спокойно оставаться близъ своего хозяина или другого члена семейства, хотя при этомъ никто не будетъ обращать на нее вниманія; но лишь только ее оставятъ на нѣкоторое время одной, она начинаетъ страшно лаять или выть. Мы остановимся на изученіи высшихъ общественныхъ животныхъ и не будемъ касаться насѣкомыхъ, хотя многіе представители этой послѣдней группы ведутъ общественную жизнь и оказываютъ другъ другу во многихъ отношеніяхъ значительную помощь. Самая обыкновенная услуга, оказываемая другъ другу высшими животными, заключается въ томъ, что они предупреждаютъ другъ друга объ опасности. Каждый охотникъ знаетъ, какъ трудно подойти близко къ животнымъ въ стадѣ или кучкѣ. Какъ мнѣ кажется, дикіе лошади и быки не подаютъ другъ другу предостерегающихъ сигналовъ, но само поведение того изъ нихъ, который первый почувалъ врага, предупреждаетъ другихъ. У кроликовъ сигналомъ служитъ сильный стукъ по землѣ, производимый задними ногами. Овцы и серны дѣлаютъ то же самое, но только передними ногами, при чемъ онѣ издаютъ еще особый свистъ. Многія птицы и нѣкоторыя млекопитающія разставляютъ часовыхъ. У тюленей часовыми, какъ сообщаютъ, являются обыкновенно самки. Предводитель отряда обезьянъ является часовымъ и издаетъ крики, которые служатъ для извѣщенія объ опасности или являются знакомъ безопасности. Социальныя животныя оказываютъ другъ другу мелкія услуги. Лошади чешутъ, а коровы лижутъ другъ у друга тѣ мѣста, въ которыхъ испытываютъ зудъ. Обезьяны ищутъ другъ у друга вѣшнихъ паразитовъ. Брэмъ рассказываетъ, что послѣ того, какъ отрядъ обезьянъ *Cercopithecus griseoviridis* пробрался черезъ колючій кустарникъ, одні обезьяны растянулись на вѣтвяхъ, а другія сѣли возлѣ нихъ и «стали добросовѣстно изслѣдовать ихъ кожу и вытаскивать изъ нея колючки».

Животныя оказываютъ другъ другу также болѣе важныя услуги. Такъ, напримѣръ, волки и другія хищныя звѣри ведутъ охоту сообща и помогаютъ другъ другу при нападеніи на добычу.—Пеликаны ловятъ рыбу отрядами. Въ поискахъ за насѣкомыми павіаны-гамадрилы переворачиваютъ камни. Когда камень оказывается слишкомъ тяжелымъ для одной обезьяны, то за него берется ихъ нѣсколько, и затѣмъ онѣ дружно дѣлятъ между собою добычу. Общественныя животныя защищаютъ другъ друга. При приближеніи опасности самцы бизоны въ Сѣверной Америкѣ размѣщаются самокъ и дѣтенышей въ центрѣ стада, а сами размѣщаются на периферіи его... Брэмъ встрѣтилъ въ Абиссиніи большое стадо павіановъ, пересѣкавшихъ долину. Часть ихъ успѣла взобраться на противоположный холмъ, а другая часть осталась еще въ долинѣ. Оставшіеся подверглись нападенію со стороны собакъ. Но тотчасъ же старые самцы посѣпили спуститься съ

холомовъ и, раскрывъ широко рты, подняли такой страшный ревъ, что собаки въ ужасѣ обратились въ бѣгство. Затѣмъ собакъ снова натравили на обезьянъ, но въ этотъ разъ уже всѣ павіаны успѣли подняться на гору, за исключеніемъ одной молодой, приблизительно, шестилѣтней обезьянки, которая съ громкимъ крикомъ о помощи взобралась на обломки скалы и безпомощно озиравалась на окружившихъ ее со всѣхъ сторонъ собакъ. Тогда одинъ изъ самыхъ крупныхъ самцовъ, настоящій герой, вновь спустился съ холма, медленно подошелъ къ молодой обезьянкѣ, приласкалъ ее и съ торжествомъ вывелъ изъ толпы собакъ, которые были слишкомъ поражены этимъ фактомъ, чтобы напасть на него... Ч.

Живущія общества животныхъ испытываютъ, какъ извѣстно, чувство любви другъ къ другу, чего вы не встрѣтите у взрослыхъ необщественныхъ животныхъ. Трудно рѣшить, какъ сильно они въ большей части случаевъ сочувствуютъ страданіямъ и радостямъ другъ друга. Въ особенности трудно это рѣшить постольку, поскольку дѣло идетъ о радостяхъ. Однако Бекстонъ, которому представлялся прекрасный случай производить наблюденія, сообщаетъ, что его попугай макао, жившій на свободѣ въ Норфолкѣ, проявлялъ «чрезвычайный интересъ» къ одной парѣ, жившей въ особомъ гнѣздѣ. Всякій разъ, когда самка вылетала изъ гнѣзда, ее окружала цѣлая толпа попугаевъ, которые «подымали въ ея честь странный крикъ». Часто бываетъ трудно рѣшить, испытываютъ-ли животные чувство состраданія къ страдающимъ товарищамъ. Но кто можетъ рассказать намъ, что испытываютъ коровы, когда окруживъ умирающую или мертвую подругу, онѣ пристально глядятъ на нее? Однако, по всей вѣроятности, онѣ, какъ замѣчаетъ Гузо, не испытываютъ состраданія. Несомнѣнъ тотъ фактъ, что временами животные совершенно не думаютъ о выраженіи какой-либо симпатіи, такъ какъ перѣдко они выгоняютъ умирающаго товарища изъ стада или замучиваютъ его до смерти. Этотъ фактъ могъ бы составить одинъ изъ самыхъ мрачныхъ моментовъ въ естествознаніи, если, конечно, считать невѣрнымъ объясненіе даваемое ему, объясненіе, согласно которому инстинктъ или разумъ заставлятъ животныхъ изгонять раненаго товарища изъ стада для того, чтобы человѣкъ и другія хищныя животные не преслѣдовали стада. Въ такомъ случаѣ, поведение данныхъ животныхъ немногимъ отличается отъ образа дѣйствій сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, оставляющихъ своихъ слабыхъ товарищей умирать въ степи, или отъ образа дѣйствій жителей Огненной Земли, зарывающихъ живыми въ землю своихъ престарѣлыхъ или заболевшихъ родителей.

Многія животные безусловно сочувствуютъ своимъ товарищамъ въ несчастіи или при опасности. Это наблюдается даже у птицъ. Капитанъ Стэнсбери нашелъ на соленомъ озерѣ въ Утѣ стараго и совершенно слѣпотаго пеликана, который былъ очень толетъ, и котораго, по всей вѣроятности, очень хорошо кормили его товарищи. Блайтъ сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ вороны въ Индіи кормили двухъ или трехъ слѣпыхъ своихъ товарищей. Я слышалъ про подобный случай съ нашей домашней курицей. Если хотите, вы можете назвать эти дѣйствія инстинктивными, но подобные случаи встрѣчаются слишкомъ рѣдко для того, чтобы они могли служить исходной точкой развитія спеціальнаго инстинкта. Я самъ видѣлъ собаку, которая никогда не проходила мимо своего больного друга—кошки, лежавшей въ корзинѣ, безъ того, чтобы нѣсколько разъ не лизнуть ее языкомъ. А это является лучшимъ признакомъ дружескаго расположенія у собакъ.

Чувство, заставляющее отважную собаку броситься на каждаго че-

ловѣка, который бьетъ ея хозяина, надо назвать состраданіемъ. Я видѣлъ, какъ одинъ человѣкъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто онъ хотѣлъ ударить одну даму, на коѣннѣхъ у которой лежала маленькая трусливая собачка. Этотъ опытъ раньше никогда не производился. Собаченка мгновенно убѣжала, но зато потомъ было очень трогательно видѣть, какъ она безпрестанно старалась лизнуть лицо своей госпожи и вообще утѣшить ее. Брэмъ рассказываетъ, что когда за однимъ плѣннымъ павіаномъ гнались, чтобы наказать его, то другіе плѣнные павіаны старались защитить его. Въ вышеуказанномъ случаѣ съ павіаномъ, защищавшимъ молодую обезьянку отъ собакъ, мы, по всей вѣроятности, имѣемъ дѣло съ чувствомъ состраданія. Я приведу только еще одинъ примѣръ героическаго поведения одной маленькой американской обезьяны, вызваннаго чувствомъ симпатіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ сторожей зоологическаго сада показавъ мнѣ нѣсколько глубокихъ и едва зажившихъ ранъ на своемъ затылкѣ. Эти раны были ему нанесены разозлившимся павіаномъ въ то время, когда онъ стоялъ на коѣннѣхъ на полу. У этого сторожа былъ очень хорошій другъ—маленькая американская обезьянка, которая жила въ томъ же помѣщеніи и страшно боялась большого павіана. Но увидя своего друга-сторожа въ опасности, она тѣмъ не менѣ бросилась ему на помощь и, крича и кусая павіана, она настолько отвлекла его, что сторожъ смогъ удалиться. Врачъ, лѣчившій его, сказалъ, что онъ избѣгъ значительной опасности.

Кромѣ любви и симпатіи животные обнаруживаютъ еще другія чувства, находящіяся въ связи съ социальными инстинктами; когда мы говоримъ о людяхъ, то эти чувства мы называемъ нравственными; я вполне согласенъ съ Агасисомъ въ томъ, что у собакъ имѣется нѣчто, очень похожее на совѣсть. У собакъ безусловно имѣется извѣстная сила самообладанія, которая, какъ кажется, не плѣнкомъ является слѣдствіемъ страха. Браубахъ замѣчаетъ, что собака обыкновенно не крадетъ пищи въ отсутствіи своего хозяина. Собаки уже давно считаются настоящимъ олицетвореніемъ вѣрности и покорности. Но и слонъ очень вѣренъ своему погонщику или сторожу и смотритъ на него, какъ на своего руководителя. Докторъ Гукеръ рассказываетъ мнѣ слѣдующій случай: слонъ, на которомъ онъ ѣздилъ въ Индіи, попалъ въ болото и ушелъ такъ глубоко въ него, что не могъ оттуда выбраться до тѣхъ поръ, пока на слѣдующій день его не вытащили люди. Обыкновенно при такихъ обстоятельствахъ слоны хватаютъ своими хоботами все, что имъ попадается по дорогѣ, будь то живое существо или мертвый предметъ, и укладываютъ это себѣ подъ коѣннѣми, чтобы не уйти глубже въ болото. И вотъ погонщикъ страшно боялся, что слонъ схватитъ доктора Гукера и убьетъ его; самъ же погонщикъ, какъ сообщаетъ докторъ Гукеръ, не подвергался никакой опасности. Такое отношеніе къ человѣку со стороны животного, находившагося въ крайне тяжеломъ положеніи, составляетъ поразительную черту благородной вѣрности.

Всѣ животные, живущія стадами и защищающія другъ друга или сообща нападающія на своихъ враговъ, должны быть, до извѣстной степени, вѣрны другъ другу и, слѣдующимъ образомъ, предводителямъ, они должны, до извѣстной степени, быть покорны ему. Разграбляя какой-нибудь садъ, павіаны въ Абиссиніи молча слѣдуютъ за своимъ вожакомъ, и если какая-нибудь глупая молодая обезьяна начинаетъ шумѣть, то другія даютъ ей по уху, чтобы научить ее молчанію и послушанію. Гальтонъ, имѣвшій прекрасный случай наблюдать образъ жизни полудикихъ быковъ Южной Африки, рассказываетъ, что они не могутъ вынести даже непродолжительной разлуки со стадомъ. Они, въ сущности,—рабы, которые спокойно подчиняются

общему рѣшенію, не желая лучшей участи, чѣмъ быть руководимыми какимъ-нибудь быкомъ, обладающимъ достаточной самоувѣренностью, чтобы взять на себя роль вожжа. Люди, приручающіе этихъ животныхъ къ упряжи, тщательно слѣдятъ за тѣми, которыя пасутся въ одиночку, и этимъ обнаруживаютъ самоувѣренность; ихъ они запрягаютъ впереди. Гальтонъ прибавляетъ, что такія животныя очень рѣдки и цѣнны. Если бы ихъ рождалось много, то очень скоро большая часть изъ нихъ погибла бы, такъ какъ львы постоянно высѣживаютъ такихъ особей, которыя удаляются отъ стада.

Что же касается импульса, побуждающаго извѣстныхъ животныхъ объединяться въ общества и помогать другъ другу различными способами, то можно думать, что въ большей части случаевъ животныхъ побуждаетъ объединяться въ общества то самое чувство удовольствія или удовольствія, которое они испытываютъ при выполненіи другихъ инстинктивныхъ дѣйствій, или то самое чувство неудовлетворенности, которое они испытываютъ въ другихъ случаяхъ, когда инстинкты не удовлетворяются. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться на безчисленномъ множествѣ примѣровъ, и приобретенные инстинкты нашихъ прирученныхъ животныхъ выясняютъ это самымъ нагляднымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, молодая овчарка находитъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы гнать овецъ и бѣгать вокругъ стада. Но она не находитъ удовольствія въ томъ, чтобы кусать ихъ. Нѣкоторые виды собакъ находятъ удовольствіе въ охотѣ на лисицъ, между тѣмъ какъ другіе виды собакъ, какъ мнѣ самому приходилось наблюдать, совершенно не обращаютъ вниманія на лисицъ. Какое сильное чувство внутренняго удовольствія требуется, чтобы заставить такое подвижное животное, какъ птицу, сидѣть цѣлые дни на яйцахъ! Перелетныя птицы несчастны, когда имъ мѣшаютъ улѣтѣть, и, можетъ быть, онѣ радуются при мысли о предстоящемъ долгомъ пути. Но врядъ ли испытывалъ какую-нибудь особую радость бѣдный гусь, не владѣвшій крыльями и начавшій итъкомъ свой путь, какъ сообщаетъ Одиобонъ, путь въ нѣсколько тысячъ миль. Нѣкоторые инстинкты опредѣляются только не-пріятными чувствами, какъ, напримѣръ, страхомъ, который ведетъ къ самосохраненію и въ многихъ случаяхъ появляется по отношенію къ опредѣленнымъ врагамъ. Мнѣ кажется, что никто не можетъ подвергнуть анализу чувство удовольствія или страданія. Однако, во многихъ случаяхъ вполне возможно, что животныя повинуются инстинктамъ исключительно подъ вліяніемъ наслѣдственности безъ всякаго побужденія, оказываемаго чувствомъ удовольствія и неудовольствія. Почувствъ въ первый разъ дичь, молодая лягавая собака не можетъ не сдѣлать стойку. Врядъ ли можно думать, будто сидящая въ клѣткѣ бѣлка, зарывая въ землю орѣхи, которыхъ она не можетъ съѣсть, дѣйствуетъ при этомъ подъ вліяніемъ чувства удовольствія или неудовольствія. Слѣдовательно, общепринятое мнѣніе, согласно которому человѣкъ побуждался къ каждому дѣйствию исключительно тѣмъ, что онъ испытывалъ при этомъ какое-нибудь удовольствіе или неудовольствіе, — это мнѣніе, пожалуй, ошибочно. Если вы даже подчинитесь извѣстной привычкѣ слѣпо, безъ всякихъ размышленій, независимо отъ какого-либо испытываемаго въ данный моментъ чувства удовольствія или неудовольствія, то и тогда вы испытаете неопредѣленное чувство неудовлетворенности въ томъ случаѣ, если данное дѣйствіе будетъ насильно и внезапно задержано...

Ч.

* *

Крайне важное чувство участія, симпатіи значительно отличается отъ чувства любви. Мать можетъ страстно любить своего спящаго и пассивно лежащаго въ колыбелькѣ ребенка, но врядъ ли вы скажете, что она чув-

ствуетъ къ нему симпатію. Любовь человѣка къ собакѣ не тождественна съ симпатіей. То же самое можно сказать о любви собаки къ хозяину. Адамъ Смитъ а также Бэнъ утверждаютъ, что основа состраданія, участія коренится въ нашемъ сильномъ воспоминаніи о прошлыхъ страданіяхъ или удовольствіяхъ. Вслѣдствіе этого, по ихъ мнѣнію, «видъ другого человѣка, чувствующаго голодъ, терпящаго отъ холода, страдающаго отъ усталости, пробуждаетъ въ насъ воспоминаніе объ этихъ же состояніяхъ, мучащихъ насъ даже въ представленіи». Слѣдовательно, мы стараемся облегчить страданія другого, чтобы въ то же время ослабить наши собственные не-пріятныя чувства. Такіе же мотивы заставляютъ насъ принимать участіе въ радостяхъ другихъ. Но я не понимаю, какъ объяснить съ этой точки зрѣнія тотъ фактъ, что любимое лицо возбуждаетъ въ насъ значительно больше симпатіи, чѣмъ лицо, къ которому мы относимся безразлично. Въдъ одного вида страданія, независимо отъ любви, должно было бы быть достаточно для возбужденія въ насъ живыхъ воспоминаній и ассоціацій. Объяснить этотъ фактъ можно тѣмъ, что всѣ животныя чувствуютъ симпатію только къ членамъ одного и того же общества, т. е. къ извѣстнымъ и болѣе или менѣе любимымъ особямъ, а не ко всѣмъ особямъ одного и того же вида. Это явленіе должно насъ поражать не болѣе, чѣмъ тотъ фактъ, что многія животныя испытываютъ страхъ лишь по отношенію къ извѣстнымъ врагамъ. Видъ, не ведущіе общественнаго образа жизни, какъ напримѣръ, львы и тигры, сочувствуютъ, безъ сомнѣнія, страданіямъ своихъ дѣтенышей, но они совершенно не сочувствуютъ страданіямъ какого-либо другого животнаго. У человѣка, какъ замѣтилъ Бэнъ, сила состраданія, участія увеличивается, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ расчета, опыта и подражанія. Въ самомъ дѣлѣ, мы часто проявляемъ участіе къ другимъ людямъ въ надеждѣ на то, что намъ отплатятъ тѣмъ же. Кромѣ того, чувство состраданія усиливается еще подъ вліяніемъ привычки. Какъ бы сложно и запутанно ни было происхожденіе этого чувства, однако надо думать, что оно развилось подъ вліяніемъ естественнаго подбора, такъ какъ оно имѣетъ громадѣйшее значеніе для всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя помогаютъ другъ другу и защищаютъ другъ друга. Въдъ тѣ общества, въ которыхъ имѣется болѣе всего сочувствующихъ ближнимъ членовъ, будутъ лучше всего процвѣтать и будутъ оставлять послѣ себя многочисленное потомство.

Однако, во многихъ случаяхъ нельзя рѣшить, добыты ли извѣстные социальные инстинкты путемъ естественнаго подбора или они являются косвеннымъ результатомъ другихъ инстинктовъ и способностей (какъ напримѣръ, чувства состраданія, опыта и склонности къ подражанію) или они просто являются результатомъ продолжительной привычки. Удивительный инстинктъ, заставляющій животныхъ разставлять часовыхъ, которые предупреждали бы общество о приближеніи опасности, врядъ ли является косвеннымъ результатомъ одной изъ вышеупомянутыхъ способностей. Слѣдовательно, этотъ инстинктъ укоренился непосредственнымъ образомъ. Съ другой стороны, вполне возможно, что привычка самцовъ у нѣкоторыхъ социальныхъ животныхъ защищать стадо и сообща нападать на врага или добычу возникла изъ взаимнаго сочувствія, но во всякомъ случаѣ уже заранее должно было имѣться налицо мужество, а въ большей части случаевъ и сила; и то, и другое должно было, по всей вѣроятности, быть приобретено путемъ естественнаго подбора...

* *

Большая часть людей признаетъ, что человѣкъ является общественнымъ животнымъ. Мы это видимъ въ его нелюбви къ одиночеству, въ его желаніи жить въ обществѣ, выходящемъ за предѣлы его собственной семьи.

Одиное заключеніе принадлежитъ къ разряду самыхъ тяжелыхъ наказаній, которому можно подвергнуть человѣка. Нѣкоторые писатели думаютъ, что въ первобытномъ состояніи человѣкъ жилъ отдѣльными семьями. Но если и въ настоящее время отдѣльныя семьи или только двѣ или три семьи живутъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ какой-нибудь отдаленной страны, то онѣ все-же постоянно находятся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ другими семьями, живущими въ данномъ округѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось наблюдать противоположнаго явленія. Находящаяся въ дружественныхъ отношеніяхъ семьи время отъ времени сходятся для совѣщаній и объединяются для общей защиты. Тотъ фактъ, что племена, населяющія сосѣдніе округа, почти всегда ведутъ другъ съ другомъ войну, нисколько не противорѣчитъ тому, что человѣкъ является социальнымъ животнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, социальные инстинкты никогда не распростираются на всѣхъ особей одного и того же вида. Насколько можно судить по большей части четвероногихъ, надо думать, что древніе обезьянообразные предки человѣка тоже были социальными животными; но это не имѣетъ для насъ особеннаго значенія. Хотя человѣкъ въ его теперешнемъ видѣ обладаетъ очень немногими специальными инстинктами и хотя онъ утерять всѣ инстинкты, которыми обладали его древніе предки, однако изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ не сохранилъ съ очень древнихъ временъ нѣкоторую инстинктивную любовь и симпатію къ своимъ товарищамъ. Дѣйствительно, мы всѣ прекрасно сознаемъ, что у насъ имѣются подобныя чувства симпатіи, но наше сознание не говоритъ намъ, возникли ли эти чувства въ насъ инстинктивно, очень и очень давно, подобно тому, какъ они возникли у низшихъ животныхъ, или они приобрѣтены каждымъ изъ насъ въ ранніе годы жизни. Будучи социальнымъ животнымъ, человѣкъ, по всей вѣроятности, могъ передать по наслѣдству своимъ потомкамъ склонность оставаться вѣрнымъ своимъ товарищамъ и покоряться вожаку племени. Дѣло въ томъ, что это свойство общае большей части социальныхъ животныхъ. Слѣдовательно и человѣкъ будетъ также обнаруживать извѣстную способность къ самообладанію. Вслѣдствіе наслѣдственной привычки, онъ все еще могъ сохранить извѣстную склонность защищать вмѣстѣ съ другими своихъ ближнихъ и помогать своимъ ближнимъ всѣми способами, не идущими слишкомъ сильно въ разрѣзъ съ его собственнымъ благоденствіемъ или его собственными сильными желаніями.

Тѣ социальные животные, которыя стоятъ на низшей ступени скалы развитія, подчиняются почти исключительно специальнымъ инстинктамъ, когда дѣло идетъ объ оказаніи помощи членамъ ихъ общества. У животныхъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія, эти инстинкты дѣйствуютъ уже не такъ сильно, но все же достаточно сильно. Но надо думать, что кромѣ специальныхъ инстинктовъ, ихъ побуждаютъ къ даннымъ поступкамъ отчасти чувства любви и симпатіи, при чемъ, какъ кажется, извѣстную роль играетъ въ данномъ случаѣ и разумъ. Какъ мы уже говорили выше, у человѣка нѣтъ специальныхъ инстинктовъ, показывающихъ ему, какъ онъ долженъ помогать своимъ сородичамъ. Однако, онъ чувствуетъ потребность помогать ближнимъ, и такъ какъ его умственные способности усовершенствовались, то онъ можетъ въ данномъ случаѣ руководиться опытомъ и размышленіемъ. Подъ вліяніемъ инстинктивной симпатіи онъ будетъ также высоко цѣнить одобреніе, высказанное ему ближними. Дѣло въ томъ, что, какъ это ясно показалъ Бэнъ, чувствительность къ похвалѣ и сильное желаніе славы, съ одной стороны, и еще болѣе сильный страхъ къ насмѣлкѣ и презрѣнію, съ другой, являются результатомъ симпатіи. Вслѣдствіе этого, человѣкъ находится подъ значительнымъ вліяніемъ желаній, одобренія и порицанія своихъ ближнихъ,

причемъ все это выражается у нихъ въ жестахъ и словахъ. Такимъ образомъ, социальные инстинкты, приобретенные человѣкомъ еще на очень низкой ступени развитія и полученные имъ, можетъ быть, отъ его древнихъ обезьянообразныхъ предковъ, еще и теперь толкаютъ его на многіе благороднѣйшіе поступки. Но его поступки въ еще большей степени определяются ясно выраженными желаніями и сужденіями его ближнихъ; къ несчастію, его поступки также очень часто определяются его собственными сильными эгоистическими стремленіями. Но чувство любви и симпатіи, сила самообладанія и привычка усиливаются, а мышленіе становится болѣе яснымъ, такъ что человѣкъ можетъ подвергнуть оцѣнкѣ справедливости сужденія своихъ ближнихъ. По мѣрѣ того, какъ эти качества усиливаются въ немъ, онъ будетъ чувствовать себя все болѣе и болѣе независимымъ отъ удовольствія или неудовольствія, которое онъ могъ бы испытать въ данный моментъ, и тогда онъ явнѣе пойдетъ по тому или иному пути въ своемъ поведеніи, независимо отъ этихъ чувствъ. Тогда онъ сможетъ сказать то, чего не можетъ сказать ни одинъ варваръ, ни одинъ нецивилизованный человѣкъ. Тогда онъ скажетъ: «Я являюсь верховнымъ судьей моихъ собственныхъ поступковъ» или, говоря словами Канта, онъ скажетъ: «Я не хочу въ самомъ себѣ унижать достоинство человѣка».

Однако мы не разсмотрѣли до сихъ поръ самаго важнаго пункта, вкругъ котораго вертится весь вопросъ о нравственномъ чувствѣ. Почему это человѣкъ чувствуетъ, что онъ долженъ скорѣе подчиниться одному, чѣмъ другому инстинктивному стремленію? Отчего онъ горько раскаивается въ томъ, что, подчинившись сильному инстинкту самосохраненія, онъ не рискнулъ жизнью для спасенія ближняго? Почему онъ раскаивается въ томъ, что подъ вліяніемъ сильнаго голода онъ украсть пищу?

Прежде всего мы должны отмѣтить тотъ очевидный фактъ, что у человѣка инстинктивные импульсы обладаютъ различной силой. Дикарь рискуетъ своей жизнью для спасенія члена своего общества, но онъ останется совершенно безчувственнымъ, когда дѣло будетъ идти о спасеніи жизни чужого человѣка. Молодая боязливая мать не задумается подъ вліяніемъ материнскаго инстинкта ни на минуту и пойдетъ для своего ребенка на самую страшную опасность. Но этого она не сдѣлаетъ для другого человѣка. Тѣмъ не менѣе, не разъ уже бывали такіе случаи, что мужчина или даже мальчикъ, которому никогда еще не приходилось рисковать своей жизнью для жизни другого, но въ которомъ отвага и чувство состраданія были сильно развиты, сразу забывали объ инстинктѣ самосохраненія и бросались въ потокъ, чтобы спасти утопающаго человѣка, не находящагося съ ними ни въ какой родственной связи. Въ данномъ случаѣ на человѣка дѣйствуетъ тотъ самый инстинктивный мотивъ, подъ вліяніемъ котораго упомянутая мною выше героическая маленькая американская обезьяна бросилась для спасенія своего сторожа на страшнаго ей павіана. Поступки, подобные вышеупомянутымъ, являются, какъ кажется, простымъ результатомъ того, что материнскіе или социальные инстинкты сильнѣе развиты, чѣмъ какіе-либо другіе инстинкты или мотивы. Въ самомъ дѣлѣ, они выполняются слишкомъ быстро для того, чтобы мы могли смотрѣть на нихъ, какъ на слѣдствіе разсужденія или чувства удовольствія или неудовольствія. Но если бы поступокъ не былъ выполненъ, то въ особѣ возникло бы непріятное чувство. А съ другой стороны, въ боязливомъ человѣкѣ инстинктъ самосохраненія можетъ быть такъ силенъ, что онъ могъ бы быть совершенно неспособенъ заставить себя пойти на опасность даже и тогда, пожалуй, когда дѣло идетъ о жизни его собственного ребенка.

Я прекрасно знаю, что нѣкоторые писатели утверждаютъ, будто поступки, совершенные подъ вліяніемъ внезапнаго импульса, какъ это имѣетъ мѣсто въ вышеприведенныхъ случаяхъ, не относятся къ области нравственнаго чувства и поэтому не могутъ быть названы нравственными. Эти писатели называютъ нравственными только такіе поступки, которые совершаются сознательно послѣ побѣды однихъ стремленій надъ противоположными. Они называютъ нравственными также такіе поступки, которые обусловлены благороднымъ мотивомъ. Однако мнѣ кажется, что врядъ ли можно провести рѣзкую грань между этими поступками. Что касается вопроса о возвышенныхъ мотивахъ, то извѣстно очень много случаевъ, когда дикари, незнакомые съ какими-либо понятіями о человѣколюбіи вообще и не руководимые никакими религіозными мотивами, вполне сознательно предпочитали въ плѣну пожертвовать своею жизнью, чѣмъ выдать своихъ товарищей; такой образъ дѣйствій надо безусловно назвать нравственнымъ. Что касается выбора и побѣды надъ противоположными мотивами, то можно наблюдать, что животныя тоже находятся иногда въ сомнѣніи по поводу двухъ противоположныхъ инстинктовъ. Это имѣетъ, напримѣръ, мѣсто въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи дѣтенышей или товарищей; и тѣмъ не менѣе ихъ поступки, выполняемые на благо другихъ, не называются нравственными. Кроме того, если мы очень часто совершаемъ какой-нибудь поступокъ, то, въ концѣ концовъ, мы начинаемъ его совершать безъ размышленій, безъ колебаній, и однако никто не станетъ утверждать, что исполняемый такимъ путемъ поступокъ пересталъ быть нравственнымъ. Напротивъ, мы все чувствуемъ, что нельзя назвать совершеннымъ или въ высшей степени благороднымъ какой-нибудь поступокъ, если онъ совершается не непосредственно, не безъ усилія, не безосознательно, однимъ словомъ, если этотъ поступокъ не совершается такъ, какъ его совершили бы человѣкъ, у котораго необходимы для этого поступка свойства были врождены. Впрочемъ, человѣкъ, который прежде чѣмъ совершить извѣстный поступокъ долженъ еще преодолѣвать свой страхъ или отсутствіе симпатіи, — такой человѣкъ заслуживаетъ въ одномъ отношеніи еще большаго признанія, чѣмъ человѣкъ, совершающій хорошій поступокъ безъ внѣшнихъ напряженій по врожденной склонности. Не будучи въ состояніи проводить дальнѣйшихъ различій между мотивами, мы называемъ все поступки, принадлежащіе къ извѣстной категоріи, нравственными въ томъ случаѣ, если ихъ совершаетъ нравственное существо. Нравственнымъ мы называемъ такое существо, которое въ состояніи сравнивать и одобрять или не одобрять свои прошедшіе и будущіе поступки или мотивы. Мы не имѣемъ основанія допустить, чтобы этой способностью обладало какое-нибудь низшее животное. Слѣдовательно, если ньюфаундлендская собака выгнать ребенка изъ воды, или если обезьяна подвергнетъ свою жизнь опасности для спасенія товарищей, или если обезьяна возьметъ подъ свое покровительство опротивѣвшую обезьяну, — то все эти поступки мы не называемъ нравственными. А извѣстные поступки человѣка, который одинъ можетъ быть съ увѣренностью названъ нравственнымъ существомъ, мы относимъ къ разряду нравственныхъ поступковъ, независимо отъ того, совершаются ли они сознательно, послѣ борьбы съ противоположными мотивами, или они совершаются подъ вліяніемъ инстинкта, какъ результатъ мгновеннаго импульса, или подъ вліяніемъ постепенно усвоенной привычки...

Хотя нѣкоторые инстинкты болѣе сильны, чѣмъ другіе и, слѣдовательно, ведутъ къ соотвѣствующимъ поступкамъ, все же мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что у человѣка социальныя инстинкты (включая сюда любовь къ славію и боязнь передъ порицаніемъ) обыкновенно болѣе сильны

или становятся вслѣдствіе долгой привычки болѣе сильными, чѣмъ, напримѣръ, инстинкты самосохраненія, голода, чѣмъ половой инстинктъ, чѣмъ жажда мести и т. д. Почему человѣкъ (даже въ томъ случаѣ, если онъ прилагаетъ все усилія къ тому, чтобы уничтожить въ себѣ чувство раскаянія) раскаивается въ томъ, что онъ сильнѣе послушался одного естественнаго импульса, чѣмъ другого? Почему человѣкъ чувствуетъ, что онъ долженъ сожалѣть о своемъ поведеніи? Въ этомъ отношеніи человѣкъ совершенно отличается отъ низшихъ животныхъ; но однако, какъ мнѣ кажется, можно до извѣстной степени объяснить причину этого различія.

Вслѣдствіе оживленности своихъ умственныхъ способностей человѣкъ не можетъ не размышлять. Прошлые впечатлѣнія и образы безпрестанно проносятся съ большою ясностью въ его душѣ. У тѣхъ животныхъ, которыя постоянно живутъ обществами, социальныя инстинкты остаются безпрестанно налицо и прочно вкореняются. Такія животныя всегда готовы подать сигналъ, предупреждающій объ опасности, готовы защищать общество и помогать своимъ товарищамъ, согласно своимъ привычкамъ. Безъ всякой специальной страсти или желанія они постоянно испытываютъ извѣстную степень любви и симпатіи къ своимъ товарищамъ; будучи надолго разлученными съ товарищами, они — несчастны; понавъ обратно въ свое общество, они — счастливы. То же самое относится и къ намъ самимъ. Оставаясь даже совершенно одни, мы часто съ удовольствіемъ или съ грустью думаемъ о томъ, какого мнѣнія придерживаются другіе люди о насъ; мы думаемъ о мнимомъ одобреніи или неодобреніи со стороны ихъ. И все это является результатомъ, — чувства симпатіи, представляющаго собою основной элементъ социальныхъ инстинктовъ. Человѣкъ, который не обнаруживаетъ бы и слѣда подобныхъ инстинктовъ, представлялъ бы противоестественное чудовище. Съ другой стороны, желаніе утолить голодъ или удовлетворить свою страсть, какъ напримѣръ, жажда мести, представляетъ собою временное явленіе и можетъ быть иногда вполне удовлетворено. Трудно и, пожалуй, даже невозможно вызвать въ памяти съ полною живостью такіа временныя чувства, какъ напримѣръ, чувство голода; даже чувство страданія, какъ нерѣдко указывалось, трудно оживить съ полною ясностью. Инстинктъ самосохраненія проявляется только при наличности какой-нибудь опасности, и не одинъ трусъ считаетъ себя храбрецомъ вплоть до того момента, когда ему приходится столкнуться лицомъ къ лицу со своимъ врагомъ. Желаніе присвоить себѣ собственность другого человѣка носить, пожалуй, такой же постоянный характеръ, какъ и все другія желанія. Но даже и въ этомъ случаѣ чувство удовлетворенія, слѣдующее за дѣйствительнымъ обладаніемъ вещью, отличается, по большей части, меньшею силою, чѣмъ желаніе обладать данной вещью. Нерѣдко воры, за исключеніемъ, конечно, воровъ-профессіоналовъ, недоумѣваютъ послѣ успѣшной кражи какого-либо предмета, зачѣмъ они украли его.

Старыя впечатлѣнія неизбѣжно проходятъ постоянно въ душѣ человѣка. Вслѣдствіе этого человѣкъ вынужденъ сравнивать впечатлѣнія оставшіяся въ его душѣ, напримѣръ, отъ прошлаго голода или удовлетворенной мести, или опасности, избѣгнутой въ ущербъ другимъ людямъ, съ инстинктомъ симпатіи, имѣющимся почти всегда налицо, и со своею осведомленностью относительно того, что другіе считаютъ достойнымъ похвалы или порицанія. Эту свою осведомленность онъ не можетъ изгнать изъ своей души, и ей придается большое значеніе подъ вліяніемъ инстинктивной симпатіи. Онъ начинаетъ тогда чувствовать, что, подчинившись пробудившемуся инстинкту или привычкѣ, онъ пошелъ по неправильному пути; а это обстоятельство вызываетъ у всѣхъ животныхъ чувство неудовлетворенности или даже горя...

Въ минуту дѣйствія человѣкъ, безъ сомнѣнія, склоненъ подчиниться болѣе сильному побужденію. Иногда такое болѣе сильное побужденіе можетъ его толкнуть на очень благородный поступокъ. Но куда чаще это побуждаетъ его удовлетворить свои собственные желанія въ ущербъ другимъ людямъ. Но когда, послѣ удовлетворенія своего желанія, человѣкъ начнетъ сравнивать прошлыя и болѣе слабыя впечатлѣнія съ постоянно имѣющимися налицо социальными инстинктами, то въ его душу безусловно закрадется раскаяніе; сила этого раскаянія увеличится еще отъ того, что онъ обыкновенно сильно преклоняется передъ мнѣніемъ ближнихъ. Тогда человѣкъ будетъ ощущать угрызения совѣсти, раскаяніе, сожалѣніе или стыдъ; послѣднее чувство однако вызывается почти исключительно мыслью о сужденіи другихъ людей. Подъ влияніемъ этихъ чувствъ человѣкъ съ большей или меньшей энергіей рѣшаетъ поступать на будущее время иначе. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ совѣстью, такъ какъ совѣсть оглядывается назадъ и служить руководителемъ на будущее время.

Природа и сила чувствъ, которыя мы называемъ сожалѣніемъ, раскаяніемъ, стыдомъ или угрызениями совѣсти, находится, повидимому, въ зависимости не только отъ силы нарушеннаго инстинкта, но и отъ силы искушенія и часто еще больше отъ мнѣнія нашихъ ближнихъ. Человѣкъ цѣнитъ одобреніе своихъ ближнихъ въ зависимости отъ силы врожденнаго или пріобрѣтеннаго чувства симпатіи, а также въ зависимости отъ своей собственной способности разбираться въ будущихъ послѣдствіяхъ своихъ поступковъ. Громадное значеніе имѣетъ еще другой элементъ, хотя этотъ элементъ не всегда долженъ имѣться налицо. Я имѣю въ виду любовь къ Богу или духамъ или боязнь передъ ними. Это относится, главнымъ образомъ, къ тѣмъ случаямъ, когда человѣкъ испытываетъ угрызения совѣсти. Нѣкоторые критики возражали мнѣ, что, если до известной степени и можно объяснить раскаяніе или сожалѣніе съ той точки зрѣнія, которую я изложилъ въ настоящей главѣ, то все-таки совершенно нельзя объяснить такимъ путемъ потрясающее чувство угрызения совѣсти. По моему мнѣнію, это возраженіе не вѣско. Мои критики не даютъ опредѣленія того, что они подразумеваютъ подъ угрызениями совѣсти, а я не могу назвать это чувство иначе, какъ сильнымъ чувствомъ раскаянія. Угрызения совѣсти относятся, какъ кажется, къ раскаянію такъ же, какъ ярость къ гнѣву или смертельный страхъ къ боли. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что если человѣкъ не послушается такого сильнаго инстинкта, какъ материнская любовь, то у него возникнетъ сильное чувство страданія, лишь только ослабѣютъ впечатлѣнія отъ того побужденія, которое заставило его не подчиниться данному инстинкту. Даже и въ томъ случаѣ, если какой-нибудь поступокъ не противорѣчитъ ни одному специальному инстинкту, мы будемъ чувствовать себя очень несчастными при одной мысли о томъ, что наши друзья насъ презираютъ. Станетъ ли кто-нибудь сомнѣваться въ томъ, что отказъ отъ дуэли изъ боязни причинилъ уже не одному человѣку самый горькій стыдъ? Рассказываютъ, что если нидусъ принимаетъ оскверненную съ его точки зрѣнія пищу, то угрызения совѣсти потрясаютъ его до глубины души. Слѣдующій случай можетъ послужить намъ примѣромъ силы угрызения совѣсти. Докторъ Ландоръ, служившій чиновникомъ въ Западной Австраліи, рассказываетъ, что одинъ изъ работниковъ на его фермѣ туземцевъ пришелъ къ нему послѣ смерти своей жены и сообщилъ, «что онъ намѣренъ отправиться къ одному отдаленному племени для того, чтобы убить копьемъ другую женщину и удовлетворить такимъ образомъ свое чувство долга по отношенію къ его умершей женѣ. Я сказалъ, что если онъ это сдѣлаетъ, то я посажу его на всю жизнь въ тюрьму. Онъ остался нѣсколько мѣсяцевъ на фермѣ, но страшно осунулся и постоянно

жаловался, что онъ не можетъ ни спать, ни ѣсть, что ему является духъ жены, требуя, чтобы онъ отнялъ чью-нибудь жизнь за ея жизнь. Я оставался неумолимымъ и сказалъ, что его ничто не спасетъ, если онъ совершитъ преступленіе». Тѣмъ не менѣе туземецъ исчезъ и больше чѣмъ черезъ годъ вернулся на ферму въ очень поднятомъ настроеніи. Его вторая жена рассказывала впослѣдствіи доктору Ландору, что онъ убилъ женщину, принадлежавшую къ одному изъ отдаленныхъ племенъ. Но было невозможно формально удостовѣрить это убійство. Нарушеніе какого-либо свято сохраняемаго племенемъ правила обуславливаетъ, повидимому, возникновеніе глубокаго чувства; это чувство находится въ связи съ социальными инстинктами постольку, поскольку нарушеніе даннаго правила даетъ начало опредѣленному общественному мнѣнію... 4.

Подъ влияніемъ своей совѣсти человѣкъ послѣ долголѣтней привычки научается такъ сильно владѣть собою, что его желанія и страсти, въ концѣ концовъ, начинаютъ почти мгновенно и безъ всякой борьбы подчиняться его социальнымъ симпатіямъ и инстинктамъ; известную роль въ этомъ подчиненіи играетъ также его уваженіе къ мнѣнію ближнихъ. Ощущая голодъ или страстно желая мести, человѣкъ тѣмъ не менѣе не будетъ думать о томъ, чтобы украсть что-либо или выполнить свою месть. Очень возможно, какъ мы ниже увидимъ, что привычка къ самообладанію наслѣдуется, подобно другимъ привычкамъ. Такимъ образомъ, человѣкъ самъ приходитъ подъ влияніемъ пріобрѣтенной и, можетъ быть, унаслѣдованной привычки къ сознанию того, что для него лучше всего подчиняться постояннымъ импульсамъ. Повелительное слово «долженъ» содержитъ въ себѣ только сознаніе существованія опредѣленнаго правила для поведения, независимо отъ того, какъ это правило создано. Въ прежнія времена побужденіе къ тому, чтобы оскорбленный человѣкъ пошелъ на дуэль, было, по всей вѣроятности, часто очень сильно. Мы вѣдь сами говоримъ, что лигавая собака должна сдѣлать стойку; мы говоримъ, что собака должна приносить брошенную вещь. Если она этого не дѣлаетъ, то она не исполняетъ своего долга и поступаетъ плохо.

Предположимъ, что какое-либо желаніе или инстинктъ, наталкивающий человѣка на поступокъ, который идетъ въ ущербъ благу другихъ людей, встаетъ въ душѣ даннаго человѣка съ такою-же силою или еще съ болѣею силою, чѣмъ его социальный инстинктъ. Въ такомъ случаѣ человѣкъ не будетъ сильно жалѣть, что покорился инстинкту. Но онъ будетъ сознавать, что если бы его ближніе узнали о его поведеніи, то они бы выразили ему порицаніе, и только немногимъ людямъ настолько чуждо чувство симпатіи, что они не будутъ испытывать непріятнаго чувства въ данномъ случаѣ. Если человѣкъ не чувствуетъ симпатіи къ ближнимъ, и если его желанія, наталкивающія его на дурные поступки, очень сильны въ данный моментъ и не уступаютъ болѣе постояннымъ социальнымъ инстинктамъ, то данный человѣкъ по существу своему является дурнымъ человѣкомъ; единственнымъ сдерживающимъ его мотивомъ является боязнь наказанія и убѣжденіе въ томъ, что ему самому съ точки зрѣнія его собственныхъ эгоистическихъ интересовъ будетъ выгодно всею считатьъ больше съ благомъ другихъ, чѣмъ съ своимъ собственнымъ благомъ.

Очевидно, что каждый можетъ съ легкой совѣстью удовлетворять своимъ собственнымъ желаніямъ, если они не сталкиваются съ его социальными инстинктами, т. е. съ соображеніями о благѣ другихъ. Но для того, чтобы человѣкъ былъ совершенно свободенъ отъ упрековъ или, по крайней мѣрѣ, отъ непріятнаго чувства, ему почти необходимо избѣгать порицанія со стороны своихъ ближнихъ, независимо отъ того, обосновано ли это порицаніе или

нѣтъ. Точно такъ же человѣкъ не долженъ идти въ разрѣзъ съ установившимися привычками своей жизни, особенно, если онъ разуменъ. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ сдѣлаетъ это, то онъ безусловно будетъ испытывать чувство недовольства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ избѣгать порицанія со стороны того бога (или тѣхъ боговъ), въ котораго (или въ которыхъ) онъ, согласно со своими понятіями или суевѣріями, вѣритъ. Въ этомъ случаѣ на сцену выступаетъ еще болѣзнь передъ божескимъ наказаніемъ.

Высказанное выше воззрѣніе на первоначальное происхожденіе и природу нравственнаго чувства, указывающаго намъ, что мы должны дѣлать, и совѣсти, укоряющей насъ въ томъ случаѣ, если мы не подчиняемся нравственному чувству,—это воззрѣніе прекрасно соотвѣтствуетъ нашимъ знаніямъ о прежнемъ неразвитомъ состояніи даннаго чувства у человѣка. Тѣ добродѣтели, которыя дикарь долженъ проявлять, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ для того, чтобы была возможна общественная жизнь,—эти добродѣтели относятся къ разряду тѣхъ, которыя еще въ настоящее время признаются болѣе важными. Но эти добродѣтели дикарь проявляетъ исключительно по отношенію къ людямъ того же племени; и когда противоположные имъ поступки совершаются по отношенію къ представителямъ другихъ племенъ, то это не разсматривается, какъ преступленіе. Ни одно племя не могло бы просуществовать, какъ цѣлое, если бы въ немъ убійство, грабежи, измѣна и т. д. считались обычными явленіями. Вслѣдствіе этого такія преступленія «клеятся вѣчнымъ позоромъ» въ предѣлахъ того-же племени, но за предѣлами его они не вызываютъ подобныхъ ощущеній. Сѣверо-американскій индѣецъ очень доволенъ собой, когда ему удается скальпировать человѣка другого племени. За этотъ поступокъ онъ пользуется уваженіемъ также со стороны своихъ сородичей, а даякъ со спокойной совѣстью отрубаетъ голову у совершенно мирнаго человѣка и высушиваетъ ее, какъ трофей. Дѣтубійство было прежде распространено въ мірѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и не вызывало ничего порицанія. Напротивъ, убійство дѣтей и особенно дѣвочекъ разсматривалось, какъ нѣчто благотворное или, по крайней мѣрѣ, какъ нѣчто не вредное для племени. Въ прежнія времена самоубійство не вездѣ считалось преступленіемъ; оно скорѣе внушало уваженіе, такъ какъ самоубійца обнаруживалъ, такимъ образомъ, отвагу, да еще и теперь самоубійство распространено среди нѣкоторыхъ полудицилизованныхъ и дикихъ народовъ и не разсматривается, какъ нѣчто достойное порицанія, такъ какъ оно не затрагиваетъ, не вредитъ остальнымъ членамъ даннаго племени. Рассказываютъ, что одинъ тхугъ въ Индіи страшно жалѣлъ о томъ, что онъ не задушилъ и не ограбилъ столько-же путешественниковъ, сколько убилъ его отецъ. У народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія, ограбленіе иностранцевъ считается, по большей части, дѣломъ весьма почетнымъ.

Хотя въ древнее время рабство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и было благотворнымъ явленіемъ, однако, его нельзя не считать крупнымъ преступленіемъ. А между тѣмъ даже еще очень и очень недавно его не считали таковымъ, и даже цивилизованные народы признавали его. Такого взгляда на рабство люди придерживались особенно потому, что рабы, по большей части, принадлежали не къ той-же самой расѣ, какъ ихъ господа. Совершенно не считался съ мнѣніемъ своихъ женъ, дикари обыкновенно обращаются съ женщинами, какъ съ рабынями. По большей части дикари совершенно равнодушны къ страданіямъ чужихъ людей, иностранцевъ; видъ ихъ страданій доставляетъ имъ даже наслажденіе. Какъ извѣстно, у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ жены и дѣти помогаютъ мучить своихъ враговъ. Нѣкоторые дикари съ наслажденіемъ мучаютъ животныхъ. Имъ совершенно неизвѣстно чувство жалости къ животнымъ. Тѣмъ не менѣе члены

одного и того же племени обыкновенно относятся съ благоволеніемъ и участіемъ другъ къ другу особенно во время болѣзни. Эти чувства иногда распространяются и за предѣлы племени. Всѣмъ извѣстенъ трогательный рассказъ Мунго Парка о томъ, какое участіе приняла въ немъ одна негритянка изъ Центральной Африки. Можно было бы привести много случаевъ благородной вѣрности, обнаруживаемой дикарями по отношенію другъ къ другу, но не по отношенію къ чужимъ людямъ. Опытъ вполне подтверждаетъ правило испанцевъ «никогда, никогда не вѣрь индѣйцу». Вѣрность невозможна безъ правдивости, и эта основная добродѣтель встрѣчается нерѣдко у дикарей, когда они находятся среди членовъ своего племени. Такъ, напримѣръ, Мунго Паркъ слышалъ, какъ негритянка учила своихъ дѣтей любить правду. Правдивость относится къ разряду тѣхъ добродѣтелей, которыя такъ глубоко укореняются въ душѣ дикаря, что онъ проявляетъ ихъ иногда по отношенію къ иностранцамъ, и—даже тогда, когда это для него сопряжено съ опасностью. Но обманывать врага, лгать врагу никогда не считалось грѣхомъ. Уже исторія современной дипломатіи показываетъ это достаточно ясно. Когда у племени появляется признанный вождь, то непокорность становится преступленіемъ, и даже низкопоклонничество считается великой добродѣтью.

Такъ какъ во времена варварства ни одинъ человѣкъ не можетъ принести пользу своему племени или быть ему вѣрнымъ, если онъ не отваженъ,—то прежде отвага пользовалась значительнымъ почетомъ; и хотя въ цивилизованныхъ странахъ добрый, но трусливый человѣкъ можетъ принести обществу куда большую пользу, чѣмъ храбрый, тѣмъ не менѣе мы инстинктивно не можемъ не ставить выше храбреца, чѣмъ труса, хотя послѣдній можетъ быть прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Съ другой стороны, умъ, не отражающійся на благѣ другихъ людей, никогда не цѣнился особенно высоко, хотя самъ по себѣ умъ очень полезная вещь. Такъ какъ безъ самопожертвованія, самообладанія и выносливости никто не можетъ проявлять добродѣтелей, необходимыхъ для блага племени, то эти качества во всѣ времена ставились очень высоко, и такое отношеніе къ нимъ очень правильно. Американскій дикарь добровольно, безъ ропота подвергаетъ себя самымъ страшнымъ мученіямъ, чтобы доказать и укрѣпить свою храбрость и отвагу, и мы невольно восхищаемся имъ подобно тому, какъ восхищаемся индусскимъ факиромъ, котораго глупый религіозный мотивъ побуждаетъ висѣть на крючкѣ, вонзенномъ въ его тѣло.

Другія добродѣтели, имѣющія значеніе для отдѣльнаго человѣка и не отражающіяся ясно выраженнымъ образомъ на благѣ племени (хотя въ дѣйствительности онѣ могутъ быть очень полезны племени), никогда не цѣнились дикарями; въ настоящее время цивилизованные народы ставятъ эти добродѣтели очень высоко. Неумѣренность не представляетъ въ глазахъ дикаря преступнаго явленія; крайняя невоздержность и неестественныя преступленія распространены среди дикарей въ очень широкихъ размѣрахъ. Впрочемъ, съ того момента, когда начинаетъ распространяться бракъ (въ формѣ многоженства или одноженства), возникновеніе ревности ведетъ къ укрѣпленію женской вѣрности; а такъ какъ эта вѣрность начинается затѣмъ пользоваться общимъ уваженіемъ, то, въ концѣ концовъ, и незамужнія женщины начинаютъ цѣнить цѣломудріе. О томъ, какъ медленно эта добродѣтель распространяется также на мужской полъ, можно судить по настоящему времени. Цѣломудріе требуетъ наличности самообладанія, и поэтому эта добродѣтель уже издавна ставилась очень высоко въ исторіи нравственности цивилизованныхъ народовъ. Слѣдствіемъ этого явилось безсмысленное уваженіе обычая безбрачія. Отвращеніе къ неблагопристойности, представляющее для насъ такое естественное явленіе, что его можно было

бы даже считать врожденнымъ, — это отвращеніе, служащее сильной, под-держкой цѣломудрію, должно быть отнесено къ разряду молодыхъ добродѣтелей, свойственныхъ исключительно, какъ замѣчаетъ Стаунтонъ, цивилизованнымъ народамъ. Доказательствомъ этого служатъ религіозные, обряды различныхъ древнихъ народовъ, картины на стѣнахъ въ Помпей, а также обряды многихъ дикарей.

Итакъ, мы видимъ, что дикари считаютъ поступки хорошими или скверными лишь постольку, поскольку они явно касаются блага племени, а не блага вида или отдѣльной личности. По всей вѣроятности первобытный человѣкъ относился къ поступкамъ не иначе. Этотъ выводъ вполне совпадаетъ съ нашимъ убѣжденіемъ въ томъ, что такъ называемое нравственное чувство первоначально развилось изъ общественныхъ инстинктовъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какъ нравственное чувство, такъ и социальныя инстинкты первоначально имѣютъ отношеніе исключительно къ обществу. Если мы будемъ судить о нравственности дикарей на основаніи нашего масштаба, то мы признаемъ, что главнѣйшими причинами низкаго развитія нравственности у дикарей являются: во-первыхъ, ограниченіе чувства симпатіи рамками племени; во-вторыхъ, — недостаточное развитіе способности сужденія; благодаря этому тѣсная связь, существующая между многими добродѣтелями (особенно такими, которыя относятся къ отдѣльной личности) и общимъ благомъ племени, не познается: такъ, напримѣръ, дикари не видятъ того, какія разнообразныя бѣдствія влечетъ за собою отсутствіе цѣломудрія, неумѣренность и т. д. Въ-третьихъ, причиной низкаго уровня нравственности дикарей является слабое развитіе способности самообладанія, которая у нихъ еще не укрѣпилась подъ вліяніемъ продолжительной, пожалуй, даже унаслѣдованной привычки, подъ вліяніемъ воспитанія и религіи.

4.

Философы деривативной школы видѣли прежде основу нравственности въ эгоизмѣ извѣстнаго рода. Въ настоящее время на передній планъ особенно выдвинутъ «законъ наибольшаго счастья». Было бы однако правильнѣе говорить объ этомъ законѣ, какъ о масштабѣ, служащемъ для оцѣнки поведения, и не считать его мотивомъ поведения. Но всѣ писатели, съ трудами которыхъ я познакомился, высказываются, за нѣкоторыми исключеніями, въ томъ смыслѣ, что для каждого дѣйствія долженъ существовать опредѣленный мотивъ, и что каждое дѣйствіе должно быть связано съ извѣстнымъ чувствомъ удовольствія или неудовольствія. А между тѣмъ человѣкъ, какъ кажется, дѣйствуетъ часто подъ вліяніемъ импульса или подъ вліяніемъ какого-либо инстинкта или старой привычки, и въ сознаніи его не зарождается при этомъ какое-либо наслажденіе. Его поведение можно было бы, пожалуй, сравнить въ данномъ случаѣ съ поведеніемъ пчелы или муравья, слѣпо слѣдующихъ своимъ инстинктамъ. Въ минуту крайней опасности, какъ напримѣръ, тогда, когда человѣкъ во время пожара, не колеблясь ни минуты, спасаетъ другого человѣка, въ немъ врядъ ли зарождается какое-нибудь чувство удовольствія. Еще меньше времени имѣется въ его распоряженіи для того, чтобы подумать о томъ, какое чувство неудовольщенности онъ будетъ испытывать, если не бросится спасать ближняго. Если бы послѣ совершенія своего поступка этотъ человѣкъ сталъ раздумывать надъ своимъ поведеніемъ, то онъ почувствовалъ бы, что въ немъ еще и теперь имѣется налицо какая-то импульсивная сила, сильно отличающаяся отъ жажды удовольствія или счастья; и эта сила является, какъ кажется, глубоко укоренившимся социальнымъ инстинктомъ.

Что касается низшихъ животныхъ, то мнѣ кажется болѣе правильнымъ

если мы будемъ говорить объ ихъ социальныхъ инстинктахъ, какъ о такихъ инстинктахъ, которые развились скорѣе для общаго блага, чѣмъ для общаго счастья вида. Выраженіе «общее благо» означаетъ воспитаніе возможно большаго числа сильныхъ и здоровыхъ особей, обладающихъ вполне развитыми способностями, особей, приспособленныхъ къ окружающимъ ихъ жизненнымъ условіямъ. Такъ какъ и у человѣка, и у низшихъ животныхъ социальные инстинкты развивались въ приблизительно одинаковой постепенности, то было бы желательнѣе, чтобы для тѣхъ и другихъ употреблялось одно и то же опредѣленіе, и чтобы мѣриломъ нравственности въ обоихъ случаяхъ служило скорѣе общее благо или благоденствіе общины, чѣмъ общее счастье. Я не знаю, выполнимо ли такое мое желаніе. Во всякомъ случаѣ это опредѣленіе пришлось бы немного ограничить въ отношеніи политической нравственности.

Если человѣкъ рискуетъ своей жизнью для спасенія жизни ближняго, то въ данномъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, правильнѣе было бы сказать, что онъ дѣйствуетъ для общаго блага или благосостоянія, чѣмъ сказать, что онъ дѣйствуетъ для общаго счастья человѣчества. Безъ сомнѣнія, благо и счастье особи обыкновенно совпадаютъ, и довольное собою, счастливое племя будетъ лучше развиваться, чѣмъ недовольное и несчастное племя. Мы видѣли, что даже въ болѣе ранніе періоды исторіи человѣчества ясно выраженныя желанія общества неизбѣжно оказывали значительное вліяніе на поведение каждаго отдѣльнаго члена его; и такъ какъ всѣ стремятся къ счастью, то надо думать, что «законъ наибольшаго счастья» сталъ очень вліятельнымъ вторичнымъ руководителемъ и важной цѣлью, но первичнымъ побужденіемъ и руководителемъ, должно быть, всегда служили социальные инстинкты, включая симпатію (заставляющую насъ сообразоваться съ одобреніемъ или неодобреніемъ другихъ людей). Этимъ устраняется упрекъ, будто въ основѣ всѣхъ самыхъ благородныхъ порывовъ нашей жизни лежитъ низкій принципъ эгоизма; иначе эгоистическимъ надо было бы назвать и удовлетвореніе, которое испытываетъ каждое животное, слѣдующее своимъ хорошимъ инстинктамъ, и неудовлетвореніе, которое оно испытываетъ, если ему что-либо помѣшало идти по данному пути.

Желанія и сужденія членовъ одного и того же общества, выражающіяся сначала устно, но затѣмъ и письменно, или образуютъ единственную руководящую нить нашего поведения, или въ значительной степени укрѣпляютъ социальные инстинкты. Но иногда мнѣнія общества обнаруживаютъ тенденцію стать въ прямое противорѣчіе съ этими инстинктами. Хорошимъ примѣромъ этого можетъ служить законъ чести, т. е. законъ мнѣнія, высказываемаго о насъ равными намъ лицами, а не всѣми нашими соотечественниками. Нарушеніе этого закона причиняло многимъ людямъ больше угрызений совѣсти, чѣмъ настоящее преступленіе, и это бывало даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это нарушеніе закона находилось въ строгомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительной нравственностью. Мы испытываемъ на себѣ это вліяніе общественного мнѣнія въ лицѣ жгучаго чувства стыда за случайное нарушеніе какого-нибудь незначительнаго, но прочно установившагося правила этикета; и достаточно намъ возобновить въ памяти это нарушеніе правила, какъ мы снова начинаемъ чувствовать стыдъ. Мнѣніе общества подъ вліяніемъ извѣстнаго опредѣленнаго опыта опредѣляется длительнымъ благомъ всѣхъ членовъ. Но нерѣдко общественное мнѣніе бываетъ ошибочно, вслѣдствіе неопредѣленности или слабости способностей мышленія. Поэтому въ мірѣ такъ распространены самыя поразительныя обряды и формы суевѣрія, находящіяся въ полномъ противорѣчій дѣйствительному благоденствію и счастью человѣчества. Примѣромъ

этого можетъ служить ужасъ индуса, покидающаго свою касту. Трудно найти какія-нибудь черты отличія между угрызениями совѣсти индуса, подавшагося испугу и съѣвшаго нечистую пищу и угрызениями совѣсти, испытываемыми человѣкомъ послѣ совершения кражи. Но по всей вѣроятности, индусъ будетъ ощущать болѣе болѣе сильныя угрызения совѣсти, чѣмъ воръ.

Мы не знаемъ того, какимъ образомъ возникло такъ много безмысленныхъ правилъ поведенія. Мы не знаемъ, какъ развилось такое множество нецѣльныхъ религіозныхъ воззрѣній. Точно такъ же мы не знаемъ, какимъ образомъ эти правила и вѣрованія такъ глубоко укоренились во всѣхъ частяхъ свѣта въ умѣ человѣка. Нельзя однако не отмѣтить того, что какое-нибудь воззрѣніе, запечатлѣвшееся въ раннемъ возрастѣ, когда мозгъ легко поддается впечатлѣніямъ, часто принимаетъ чутъ ли не характеръ инстинкта; а сущность инстинкта заключается въ томъ, что ему подчиняются независимо отъ разума. Мы не можемъ также объяснить, почему извѣстныя, достойныя удивленія добродѣтели, какъ напримѣръ, правдивость, ставятся значительно выше одними дикими племенами, чѣмъ другими. Мы не можемъ также сказать, почему подобныя различія наблюдаются даже среди цивилизованныхъ народовъ. Мы знаемъ, какъ глубоко укоренились многіе странные обычаи и суевѣрія, и поэтому намъ не приходится удивляться по поводу того, что относящіяся къ отдѣльной личности добродѣтели, основанныя на разсудкѣ, кажутся намъ настолько естественными, что мы готовы ихъ считать врожденными, несмотря на то, что на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія человѣкъ не цѣнилъ ихъ... Ч.

Когда человѣкъ подвигается впередъ по пути культурнаго развитія, и мелкія племена соединяются въ болѣе крупныя общества, то самое простое размышленіе подскажетъ каждой отдѣльной личности, что она должна распространить свои соціальныя инстинкты и симпатіи на всѣхъ членовъ общества, хотя бы они не были лично знакомы ей. Когда человѣкъ достигъ этой ступени развитія, то отъ распространенія его симпатій на всѣхъ людей всѣхъ народовъ и расъ его удерживаетъ только искусственная грань. Дѣйствительно, если какіе-нибудь люди отличаются отъ него извѣстными чертами различія во вѣнности или образѣ жизни, то должно пройти много времени, прежде чѣмъ онъ начнетъ считать ихъ своими ближними. Въ этомъ мы можемъ, къ сожалѣнію, убѣдиться на опытъ. Что же касается симпатій, выходящей за предѣлы человѣчества (я имѣю въ виду человѣчное отношеніе къ животнымъ), то это чувство является, какъ кажется, однимъ изъ наиболѣе позднихъ нравственныхъ приобрѣтеній человѣка. Дикарямъ, какъ кажется, это чувство не извѣстно. Они любятъ только, пожалуй, отдѣльныхъ животныхъ-любимцевъ. О томъ, какъ мало это чувство было знакомо древнимъ римлянамъ, можно судить по ихъ отвратительнымъ глadiatorскимъ представленіямъ. Насколько я могъ наблюдать, болѣе части пампасскихъ гауховъ была совершенно чужда простая идея гуманности. Эта добродѣтель, являющаяся одной изъ наиболѣе благородныхъ человѣческихъ добродѣтелей, представляетъ собою, какъ кажется, естественное слѣдствіе того факта, что наши симпатіи становятся все болѣе и болѣе нѣжными и распространяются все дальше и дальше, пока, наконецъ, въ ихъ сферу не входятъ всѣ чувствующія существа. Начиная пользоваться уваженіемъ со стороны отдѣльныхъ людей, эта добродѣтель затѣмъ укореняется въ молодежи подъ вліяніемъ воспитанія и примѣра и, въ концѣ концовъ, ее начинаютъ чтить также общественное мнѣніе.

Высшая ступень нравственной культуры, которой мы можемъ достигнуть,—это та, на которой мы начинаемъ познавать, что мы должны проявлять свои мысли, и «даже въ самыхъ затаенныхъ мысляхъ не осмѣли-

ваемся вспоминать о грѣхахъ, дѣлавшихъ наше прошлое столь приятнымъ намъ». Все, что сближаетъ нашу душу съ мыслью о какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ, все это въ такой же мѣрѣ облегчаетъ выполнение даннаго поступка. Такъ, Маркъ Аврелій уже давно сказалъ: «Каковы твои обычныя мысли, таковы же будетъ и характеръ твоей души, такъ какъ душа окрашена мыслями».

Нашъ великій философъ Гербертъ Спенсеръ изложилъ недавно свои взгляды на нравственное чувство. Онъ говоритъ: «Мнѣ кажется, что опыты относительно полезности вещей, опыты, сложившіеся и укрѣпившіеся въ человѣчествѣ въ теченіе всѣхъ прошедшихъ поколѣній, вызвали опредѣленные измѣненія; а эти послѣдніе превратились вслѣдствіе постоянной передачи и накопленія въ извѣстныя способности, въ извѣстный складъ нравственныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ въ связи съ правильнымъ и неправильнымъ поведеніемъ находятся извѣстныя побужденія, основой которыхъ не являются ясно выступающія личныя опыты данныя о полезности». Какъ мнѣ кажется, ничто не противорѣчитъ тому допущенію, что добродѣтельныя склонности передаются съ болѣе или менѣе силой по наслѣдству. Въ самомъ дѣлѣ (ужъ не говоря о различныхъ склонностяхъ и привычкахъ, передаваемыхъ многими нашими домашними животными потомкамъ) я слышалъ про случаи, когда страсть къ воровству и склонность ко лжи проявлялась въ цѣломъ рядѣ поколѣній въ семействахъ, относящихся даже къ высшимъ сословіямъ; а въ достовѣрности разсказанныхъ мнѣ фактовъ нельзя сомнѣваться. Такъ какъ воровство представляетъ собою крайне рѣдкое преступное явленіе среди состоятельныхъ классовъ, то проявленіе склонности къ нему у двухъ или трехъ членовъ одного и того же семейства не можетъ быть объяснено, какъ случайное совпаденіе. Но разъ по наслѣдству передаются плохія склонности, то весьма вѣроятно, что наслѣдоваться могутъ также и хорошіе задатки. Людямъ, страдающимъ хроническимъ несвареніемъ желудка или болѣзною печени, по болѣе части, извѣстно, что то или иное состояніе нашего тѣла оказываетъ опредѣленное вліяніе не только на мозгъ, но и на нравственныя склонности. Этотъ же фактъ проявляется также въ томъ, «что искаженіе нравственнаго чувства часто является однимъ изъ симптомовъ начинающагося умственного помѣшательства». А психическія болѣзни, какъ извѣстно, часто передаются по наслѣдству. Только однимъ принципомъ наслѣдственной передачи нравственной склонности можно объяснить тѣ различія, которыя обнаруживаютъ различныя человѣческія расы въ нравственномъ отношеніи.

Даже частичная наслѣдственная передача добродѣтельныхъ склонностей могла бы крайне сильно поддержать тотъ первичный импульсъ, который непосредственно вытекаетъ изъ социальныхъ инстинктовъ, а косвенно—изъ одобренія нашихъ ближнихъ. Допустимъ на одинъ моментъ, что добродѣтельныя склонности передаются по наслѣдству. Въ такомъ случаѣ надо считать наиболѣе вѣроятнымъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о такихъ качествахъ, какъ цѣломудріе, умѣренность, любовь къ животнымъ и т. д.), что эти качества запечатлѣваются вначалѣ въ духовной организаціи цѣлаго ряда поколѣній одной и той же семьи подъ вліяніемъ привычки, воспитанія и примѣра; что же касается борьбы за существованіе, то ея роль, проявляющаяся въ томъ, что особи, обладавшія данными добродѣтелями, одерживали верхъ въ борьбѣ за существованіе, должна была быть очень ничтожной или даже—сводиться къ нулю. Самое главное опроверженіе, могущее ввести меня въ сомнѣніе относительно подобной наслѣдственности, заключается въ томъ, что тогда мы должны были бы допустить возможность такой же наслѣдственной передачи раз-

личныхъ безсмысленныхъ обычаевъ, суевѣрныхъ обрядовъ и вкусовъ, къ разряду которыхъ принадлежитъ, напримѣръ, ужасъ индуса передъ нечистой пищей. Правда, наслѣдственная передача подобныхъ обычаевъ сама по себѣ, пожалуй, не менѣе вѣроятна, чѣмъ наслѣдственная передача наклонности животныхъ къ опредѣленнымъ видамъ пищи или наслѣдственная передача боязни къ опредѣленнымъ врагамъ. Но мнѣ не приходилось встрѣчать ни одного доказательства, которое бы подтверждало предположеніе, что по наслѣдству передаются также суевѣрные обычаи и безсмысленныя привычки.

Наконецъ, социальныя инстинкты, пріобрѣтенныя человѣкомъ такъ же, какъ и низшими животными, для блага общества, должны были съ самаго начала возбудить въ человѣкѣ желаніе помочь членамъ своего общества; они должны были создать въ немъ извѣстное чувство симпатіи, а также должны были побудить его считаться съ ихъ одобреніемъ и неодобреніемъ. Подобныя побужденія, должно быть, служили ему на раннихъ ступеняхъ развитія въ качествѣ грубаго правила для опредѣленія справедливости и несправедливости. Но постепенно умственные силы человѣка росли и дали ему возможность предвидѣть болѣе отдаленныя послѣдствія его поступковъ; постепенно онъ пріобрѣлъ достаточно знаній для того, чтобы отвергнуть гибельные обычаи и суевѣрія; постепенно онъ научился все болѣе и болѣе имѣть въ виду не только благо, но и счастье своихъ ближнихъ; постепенно, подъ вліяніемъ привычки, являющейся слѣдствіемъ благотворнаго опыта, подъ вліяніемъ благотворнаго воспитанія и примѣра, его симпатіи становились все болѣе нѣжными и болѣе распространенными, такъ что въ сферу дѣйствія этихъ симпатій стали входить всѣ люди всѣхъ расъ, слабыя, больные и другіе безполезные члены общества и даже низшія животныя. По мѣрѣ развитія всѣхъ этихъ качествъ масштабъ нравственности человѣка становился все болѣе и болѣе крупнымъ. И моралисты деривативной школы и даже нѣкоторые интуитивисты *) признаютъ, что въ сравненіи съ болѣе ранними періодами исторіи человѣчества уровень нравственности дѣйствительно повысился.

Разъ у низшихъ животныхъ, какъ это можно иногда наблюдать, происходитъ борьба между различными инстинктами, то насъ не можетъ поразить тотъ фактъ, что и въ душѣ человѣка совершается борьба между его социальными инстинктами и вытекающими изъ нихъ добродѣтелями, съ одной стороны, и его низшими, хотя въ тотъ или иной моментъ болѣе сильными стремленіями и желаніями, — съ другой. Это, какъ замѣтилъ Гальстонъ, не можетъ насъ особенно поразить, такъ какъ человѣкъ поднялся сравнительно очень недавно со ступени варварства на болѣе высокую ступень культурнаго развитія. Подавшись какому-нибудь искушенію, мы затѣмъ испытываемъ чувство неудовлетворенности, стыда, раскаянія и угрызенія совѣсти. Это чувство сходно съ тѣмъ, которое мы испытываемъ при неудовлетвореніи другихъ сильныхъ инстинктовъ. Въ нашемъ случаѣ мы называемъ это чувство совѣстью, такъ какъ мы не можемъ помѣшать тому, чтобы въ нашей душѣ постоянно проносились прошлые образы и впечатлѣнія. Мы сравниваемъ ослабѣвшее впечатлѣніе отъ прошедшаго искушенія съ постоянно-присущими намъ социальными инстинктами или съ привычками, пріобрѣтенными нами въ ранней юности и настолько окрѣпшими подъ вліяніемъ жизненныхъ условій, что въ концѣ концовъ они становятся такъ же сильны, какъ инстинкты. Если мы не поддались какому-нибудь искушенію, постоянно находившемуся у насъ

передъ глазами, то это могло произойти по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, социальный инстинктъ или какая-нибудь привычка могли въ данный моментъ оказаться болѣе сильными, чѣмъ искушеніе, а съ другой, — мы могли сознать, что потомъ при сравненіи данного социального инстинкта или привычки съ ослабленнымъ впечатлѣніемъ отъ искушенія, инстинктъ или привычка окажутся крайне сильными, и отъ нарушенія ихъ мы будемъ испытывать тяжелое чувство. Если мы заглянемъ въ будущее, то у насъ нѣтъ никакихъ основаній бояться того, что социальныя инстинкты ослабѣютъ. Мы можемъ ожидать, что добродѣтельныя привычки укрѣбятся и, пожалуй, окончательно укоренятся подъ вліяніемъ наслѣдственности. Въ такомъ случаѣ борьба между низшими и высшими стремленіями будетъ менѣе жестока, и добродѣтель будетъ чаще торжествовать.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что различіе между душой низшаго человѣка и душой высшаго животнаго громадно. Если бы обезьянообразная обезьяна могла бевъ предубѣжденія-откровенно оцѣнить свое собственное состояніе, то она должна была бы признать, что хотя она въ состояніи придумать остроумный планъ ограбленія сада, хотя она и можетъ примѣнять камни для борьбы или для вскрыванія орѣховъ, тѣмъ не менѣе мысль о превращеніи камня въ орудіе далеко выше ея силъ. Она бы признала далѣе, что она еще менѣе въ состояніи прослѣдить ходъ мыслей метафизическихъ разсужденій, или рѣшить математическую задачу, или размышлять о Богѣ, или восхищаться великолѣпной картиной природы. Нѣкоторыя обезьяны объяснили бы, однако, по всей вѣроятности, что онѣ могутъ восхищаться и дѣйствительно восхищаются цвѣтной кожей и шкурой своихъ супруговъ. Обезьяна признала бы, что если она и можетъ подѣлиться при помощи восклицаній своими впечатлѣніями и болѣе простыми потребностями съ другими обезьянами, однако ей никогда не приходила въ голову мысль выражать опредѣленные мысли опредѣленными звуками. Обезьяна могла бы заявить, что она готова помогать различными способами своимъ товарищамъ по стаду, что она готова рисковать за нихъ жизнью и заботиться объ ихъ сиротахъ, но она должна была бы признать, что ей совершенно недоступна безкорыстная любовь ко всѣмъ живымъ существамъ, любовь, составляющая самую благородную особенность человѣка.

Но какъ ни велика разница между человѣкомъ и высшими животными въ умственномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ тутъ дѣло съ разницею лишь по степени, а не по качеству. Какъ мы видѣли, различныя впечатлѣнія и ощущенія, различныя чувствованія и способности (какъ напримѣръ, любовь, память, вниманіе, любопытство, подраженіе, разумъ и т. д.), составляющія предметъ гордости человѣка, имѣются налицо въ зачаточномъ, а иногда даже въ очень хорошо развитомъ состояніи у низшихъ животныхъ. Сравненіе домашней собаки съ волкомъ или шакаломъ показываетъ намъ, что животныя способны также до извѣстной степени къ наслѣдственному усовершенствованію. Мнѣ кажется крайне сомнительной возможность доказательства того, что нѣкоторыя высшія духовныя способности, какъ напримѣръ, способность образованія общихъ понятій, самосознанія и т. д., свойственны исключительно человѣку; но если бы это и можно было доказать, то вполнѣ вѣроятно, что эти способности оказались бы лишь результатами другихъ высоко развитыхъ умственныхъ способностей, которыя являются, въ свою очередь, результатами постояннаго и продолжительнаго употребленія высоко развитой рѣчи. Въ какомъ возрастѣ развивается у новорожденнаго ребенка способность къ отвлеченію? Въ какомъ возрастѣ ребенокъ начинаетъ созавать самого себя и задумываться надъ своимъ существованіемъ? На эти

*) Интуитивизмъ — это теорія непосредственнаго нравственнаго созерцанія.

вопросы мы не можемъ дать отвѣта. Точно такъ же нельзя отвѣтить на такіе же вопросы, если они будутъ относиться ко всему ряду органическихъ существъ. Рѣчь, наполовину обнаруживающая характеръ инстинкта, наполовину—характеръ искусства, все еще носитъ на себѣ печать постепеннаго развитія. Облагораживающаяся вѣра въ Бога не присуща всѣмъ людямъ; а вѣра въ дѣятельность духовныхъ силъ естественно вытекаетъ изъ другихъ его умственныхъ способностей. Нравственное чувство является, пожалуй, лучшей и высшей чертой отличія человѣка отъ высшихъ животныхъ. Но врядъ-ли мнѣ нужно говорить еще объ этомъ, такъ какъ я старался показать, что социальные инстинкты, составляющіе важнѣйшую основу нравственной конституціи человѣка, приводятъ его вмѣстѣ съ умственными силами и дѣйствіями привычки къ признанію слѣдующаго золотого правила: «Поступайте съ людьми такъ, какъ вы бы хотѣли, чтобы они поступали съ вами». А это является краеугольнымъ камнемъ нравственности...

* *

Уоллесъ пытается доказать въ одномъ прекрасномъ сочиненіи, что человѣкъ, только приобрѣтя уже тѣ умственные и нравственные способности, которыми онъ отличается отъ низшихъ животныхъ, мало-по-малу сталъ измѣняться въ физическомъ отношеніи подъ вліяніемъ естественнаго подбора или какихъ-нибудь другихъ элементовъ. Къ этому мнѣнію Уоллесъ приходитъ на томъ основаніи, что при помощи своихъ духовныхъ способностей человѣкъ оказывается въ силахъ «поддерживать гармонію съ измѣняющейся вселенной, несмотря на неизмѣнность своего физическаго строенія». Человѣкъ обладаетъ значительною способностью приспособлять свои привычки къ новымъ жизненнымъ условіямъ. Онъ изобрѣтаетъ оружіе, орудія и придумываетъ различные планы добыванія пищи и защиты. Переселяясь въ страну съ болѣе холодныхъ климатомъ, онъ одѣваетъ платье, строитъ себѣ избы, добываетъ огонь, а при помощи огня онъ варитъ себѣ пищу изъ веществъ неудобоваримыхъ въ сыромъ видѣ. Онъ помогаетъ своимъ ближнимъ различнѣйшими способами и дѣлаетъ опредѣленные выводы относительно будущихъ событій. Даже въ очень отдаленныя времена у него уже существовало извѣстное раздѣленіе труда.

Низшія же животныя должны подвергаться измѣненіямъ въ своемъ строеніи для того, чтобы остаться въ живыхъ при значительно измѣнившихся условіяхъ. Они должны стать болѣе крѣпкими, или зацѣпиться болѣе сильными когтями или зубами для защиты отъ новыхъ враговъ; или они должны уменьшиться въ объемѣ, чтобы врагъ ихъ не легко открывалъ, и чтобы они могли такимъ образомъ избѣгнуть опасностей. Если они переселяются въ страну съ болѣе холоднымъ климатомъ, то они должны быть покрыты болѣе густой шкурой или ихъ тѣлосложеніе должно измѣниться. Если же они не измѣнятся въ данномъ направленіи, то они перестанутъ существовать.

Но совершенно иначе обстоитъ дѣло, какъ правильно указалъ Уоллесъ, съ умственными и нравственными способностями человѣка. Эти способности измѣнчивы, и мы имѣемъ основаніе думать, что измѣненія склонны передаваться по наслѣдству. Слѣдовательно, если онѣ имѣли прежде большое значеніе для первобытнаго человѣка и его обезьянообразныхъ прародителей, то они безусловно должны были усовершенствоваться или развиваться подъ вліяніемъ естественнаго подбора. Насчетъ громаднаго значенія умственныхъ способностей не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ человѣкъ обязанъ, главнымъ образомъ, имъ своимъ высокимъ положеніемъ на землѣ. Мы можемъ видѣть, что когда общество стояло на низшей стадіи

культурности, то наибольшее число потомковъ оставляли послѣ себя тѣ особи, которыя отличались наибольшимъ остроуміемъ, изобрѣтали и пускали въ ходъ лучшее оружіе или ловушки и лучше всего были въ состояніи защищаться. Тѣ племена, среди которыхъ было больше всего такихъ одаренныхъ людей, должны были значительно размножиться и покорить себѣ другія племена. Численность членовъ въ какомъ-нибудь племени зависитъ, прежде всего, отъ количества средствъ существованія, а количество средствъ существованія находится не только въ зависимости отъ физическихъ свойствъ данной страны, а въ значительно большей степени отъ ремеселъ и искусствъ даннаго племени. По мѣрѣ своего роста, побѣдоносное племя будетъ часто еще дальше расти путемъ поглощенія другихъ племенъ. Размѣры тѣла и сила представителей какого-нибудь племени имѣетъ тоже довольно крупное значеніе для успѣшнаго развитія племени и находится отчасти въ зависимости отъ природы и количества пищи, которая можетъ быть добыта племенемъ. Въ Европѣ люди бронзоваго періода были вытѣснены болѣе сильной расой, обладавшей, поскольку можно судить по рукояткамъ мечей, болѣе крупными руками. Но, по всей вѣроятности, успѣхъ этой расы въ еще большей степени былъ результатомъ ея превосходства въ ремеслахъ и искусствахъ.

На основаніи нашего знакомства съ дикими народами, ихъ традиціями и памятниками (исторія которыхъ, кстати сказать, совершенно забыта современными обитателями соответствующихъ странъ) мы можемъ заключить, что, начиная съ отдаленныхъ временъ, одни племена вытѣсняли другія племена. Остатки вымершихъ или забытыхъ племенъ найдены во всѣхъ цивилизованныхъ мѣстностяхъ земли, въ дикихъ степяхъ Америки и на уединенныхъ островахъ Тихаго Океана. Еще въ настоящее время варварскіе народы повсюду вытѣсняются цивилизованными, за исключеніемъ тѣхъ областей, климатъ которыхъ ставитъ рѣзкую грань развитію жизни; и успѣхъ цивилизованныхъ народовъ обусловленъ, главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, значительнымъ развитіемъ у нихъ ремеселъ и искусствъ, а эти послѣднія являются, въ свою очередь, продуктомъ ихъ разума. Слѣдовательно, весьма вѣроятно, что умственные способности человѣка постепенно совершенствовались подъ вліяніемъ естественнаго подбора; а этого вывода вполне достаточно для нашей цѣли. Безъ сомнѣнія, было бы очень интересно прослѣдить путь развитія, пройденный каждою отдѣльною способностью, начиная съ того ея состоянія, въ которомъ она находилась у низшихъ животныхъ и кончая тѣмъ состояніемъ, которое она обнаруживаетъ у человѣка. Однако, ни мои знанія, ни мои способности не позволяютъ мнѣ сдѣлать этой попытки.

Я не могу не отмѣтить того факта, что лишь только прародитель человѣка сталъ общественнымъ животнымъ (а это произошло, по всей вѣроятности, въ очень раннемъ періодѣ), какъ уже принципъ подражанія въ связи съ разумомъ и опытомъ очень сильно стали содѣйствовать прогрессивному развитію интеллектуальныхъ способностей. Въ настоящее время мы находимъ у низшихъ животныхъ только слѣды того, какимъ путемъ принципъ подражанія вліялъ на прогрессивное развитіе умственныхъ способностей. Обезьяна очень охотно подражаетъ всему, какъ это дѣлаютъ также дикари, стоящіе на низшей ступени развитія. Выше мы уже приводили тотъ фактъ, что спустя нѣкоторое время ни одно животное не попадаетъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ однѣ и тѣ же западни. А это показываетъ, что подъ вліяніемъ опыта животныя учатся и подражаютъ своимъ товарищамъ въ осторожности. И вотъ, если какой-нибудь членъ племени, отличающійся большимъ умомъ, чѣмъ другіе, изобрѣлъ новую ловушку или оружіе или какое-нибудь другое средство нападенія или защиты, то

простой личный интерес заставить другихъ членовъ этого племени подражать ему. Для этого даже не требуется особаго ума; а благодаря подражанію всѣ члены общества остаются въ выгоду. Упражненіе въ какомъ-нибудь новомъ ремеслѣ или искусствѣ должно тоже хотя бы и въ незначительной степени укрѣпить разумъ. Если данное новое изобрѣтеніе имѣетъ громадное значеніе для племени, то племя разрастается, распространится и вытѣснитъ другія племена. Въ разросшемся такимъ путемъ племени могутъ скорѣе всего рождаться другіе выдающіеся изобрѣтательные члены; если такіе люди оставятъ дѣтей, которыя унаслѣдовали ихъ умственное превосходство, то тогда еще большее вѣроятіе говорить за рожденіе новыхъ, значительно болѣе талантливыхъ членовъ, а въ маленькомъ племени за это говорить значительно большее вѣроятіе...

Ч.

* *

Чтобы стать общественными животными, первобытные люди или обезьянообразные предки человѣка должны были пріобрѣсть тѣ же самыя инстинктивные чувства, которыя заставляютъ другихъ животныхъ жить обществами. Безъ сомнѣнія, первобытный человѣкъ проявлялъ ту же самую склонность къ общественной жизни, какую проявляли другія животныя. Онъ навѣрное чувствовалъ себя нехорошо въ разлукѣ со своими товарищами, къ которымъ онъ испытывалъ извѣстную долю любви. Первобытные люди, по всей вѣроятности, предупреждали другъ друга о приближающихся опасностяхъ и поддерживали одинъ другого при нападеніи или при защитѣ. Все это предполагаетъ наличность извѣстной доли симпатіи, вѣрности и отваги. А подобныя социальныя качества, противъ значенія которыхъ для низшихъ животныхъ никто никогда не спорилъ, пріобрѣтались предками человѣка, безъ сомнѣнія, подобнымъ же путемъ, какимъ они пріобрѣтались животными. Этимъ путемъ былъ естественный отборъ и унаслѣдованная привычка. Если между двумя первобытными человѣческими племенами, жившими въ одной и той же странѣ, зарождалось соперничество, то, безъ сомнѣнія, лучше всего процвѣтало или наиболѣе побѣдоноснымъ оказывалось то племя, которое при прочихъ равныхъ условіяхъ насчитывало въ своихъ рядахъ наибольшее число отважныхъ, симпатичныхъ и вѣрныхъ членовъ, всегда готовыхъ предупреждать другъ друга о приближающейся опасности, всегда готовыхъ помочь другъ другу и защитить другъ друга. Не надо упускать изъ виду того обстоятельства, что при безпрестанныхъ войнахъ дикарей безконечно громадную роль должны играть вѣрность и отвага. Преимущество, обнаруживаемое дисциплинированными солдатами надъ недисциплинированными массами, является, главнымъ образомъ, результатомъ того довѣрія, которое каждый питаетъ къ своимъ товарищамъ. Повиновеніе, какъ очень правильно замѣтилъ Бэджли (Bagehot), имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ всякая форма правленія лучше, чѣмъ отсутствіе какого-либо правленія. Эгоисты и сварливые люди никогда не будутъ держаться вмѣстѣ, а безъ единенія нельзя ничего сдѣлать. Племя, обнаруживающее въ сильной степени вышеуказанное свойство, будетъ распространяться и постоянно одерживать верхъ надъ другими племенами. Но, какъ показываетъ вся прошедшая исторія, съ теченіемъ времени данное побѣдоносное племя въ свою очередь должно будетъ уступить мѣсто какому-нибудь другому племени, ушедшему еще дальше впередъ по пути развитія. Такимъ путемъ общественныя и нравственныя свойства будутъ обнаруживать тенденцію къ постепенному усовершенствованію и распространенію по всей землѣ.

Но, можно спросить, какимъ образомъ въ предѣлахъ одного и того же племени болѣе или менѣе значительное число членовъ было впервые на-

дѣлено общественными и нравственными качествами? Какимъ образомъ поднялся уровень нравственнаго развитія? Очень сомнительно, чтобы въ данномъ племени потомки болѣе симпатичныхъ и добрыхъ родителей или потомки людей, проявившихъ наибольшую преданность своимъ товарищамъ, были болѣе многочисленны, чѣмъ дѣти эгоистическихъ и предательскихъ родителей. Человѣкъ, готовый, какъ это нерѣдко наблюдалось у дикарей, скорѣе пожертвовать своей жизнью, чѣмъ предать своихъ товарищей, часто не оставитъ послѣ себя никакихъ потомковъ, которые могли бы унаслѣдовать его благородный характеръ. Наиболѣе отважные члены племени, которые во время боя всегда охотно становились во главѣ своихъ товарищей и которые, не колеблясь, рисковали своею жизнью для другихъ, погибали, въ общемъ, въ болѣе маломъ количествѣ, чѣмъ другіе люди. Поэтому едва ли вѣроятно, чтобы въ данномъ племени число людей, одаренныхъ такими добродѣтелями, увеличивалось подъ вліяніемъ естественнаго подбора, т. е. въ результатъ выживанія наиболѣе способныхъ; едва ли вѣроятно, чтобы путемъ естественнаго подбора увеличивался масштабъ превосходства этихъ людей. Говоря это, я прошу помнить, что тутъ мы не говоримъ о побѣдоносной борьбѣ одного племени съ другимъ.

Причины, обуславливающія увеличеніе числа людей съ вышеуказанными свойствами внутри одного и того же племени, слишкомъ сложны для того, чтобы мы могли ясно прослѣдить ихъ въ отдѣльности. Тѣмъ не менѣе мы въ состояніи установить нѣкоторыя возможныя причины. Такъ наиримѣръ, прежде всего по мѣрѣ усовершенствованія мыслительныхъ способностей, по мѣрѣ развитія предусмотрительности среди отдѣльныхъ членовъ, каждый человѣкъ быстро научится понимать, что если онъ будетъ поддерживать своихъ ближнихъ, то ближніе, въ свою очередь, будутъ поддерживать его. Руководясь такимъ низкимъ мотивомъ, онъ могъ усвоить привычку помогать своимъ товарищамъ. А привычка дѣлать добро условно укрѣпляетъ чувство симпатіи, дающее первый толчокъ къ добрымъ дѣламъ. Къ тому же привычки, обнаруживаемыя людьми въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, по всей вѣроятности, склонны передаваться по наслѣдству.

Но въ лицѣ одобренія и порицанія со стороны нашихъ ближнихъ мы имѣемъ дѣло еще съ однимъ и болѣе сильнымъ побужденіемъ къ развитію общественныхъ добродѣтелей. Мы уже выше видѣли, что постоянное высказываніе одобренія или порицанія, съ одной стороны, и любовь къ похваламъ и боязнь передъ порицаніемъ, съ другой, являются результатомъ инстинкта симпатіи, а этотъ инстинктъ былъ, безъ сомнѣнія, первоначально пріобрѣтенъ, подобно всѣмъ прочимъ социальнымъ инстинктамъ, путемъ естественнаго отбора. Конечно, нельзя сказать, какъ рано предки человѣка въ своемъ развитіи пріобрѣли способность относиться чувствительно къ похвалѣ или порицанію своихъ ближнихъ, какъ рано они стали руководиться этимъ порицаніемъ или одобреніемъ; но, какъ кажется, даже собаки умѣютъ цѣнить одобреніе, похвалу и порицаніе. Самымъ грубымъ дикарямъ знакомо понятіе о славѣ. Объ этомъ можно прекрасно судить по тому факту, что они сохраняютъ трофеи своей храбрости, страшно любить хвастать и обращаютъ большое вниманіе на свою вѣшность. Вѣдь если бы они не дорожили мнѣніемъ своихъ товарищей, то такія привычки были бы безсмысленны...

* *

Такимъ образомъ мы можемъ придти къ тому заключенію, что уже въ очень и очень отдаленныя времена первобытный человѣкъ руководился одобреніемъ и порицаніемъ своихъ товарищей. Очевидно, что члены одного и того же племени должны были одобрять такіе поступки, которые каза-

лись имъ полезными для общаго блага, и порицали такіе поступки, которые, какъ имъ казалось, должны были принести зло. Краеугольный камень нравственности заключается въ томъ, чтобы дѣлать другимъ добро, поступать по отношенію къ другимъ такъ, какъ намъ хочется, чтобы поступали по отношенію къ намъ. Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, нельзя достаточно оцѣнить значеніе стремленія къ одобренію и боязни передъ порицаніемъ въ дикія времена. Если какой-нибудь человѣкъ охотно рисковалъ своею жизнью для блага другихъ не подъ вліяніемъ инстинктивного чувства, а изъ-за любви къ славѣ, то его примѣръ долженъ былъ возбуждать въ другихъ людяхъ желаніе славы и укрѣплять благородное чувство восхищенія даннымъ поступкомъ. Такимъ путемъ данный человѣкъ могъ принести своему племени куда больше блага, чѣмъ путемъ рожденія потомства, которое унаслѣдовало бы его благородныя черты.

Становясь болѣе опытнымъ и болѣе разумнымъ, человѣкъ научается познавать болѣе отдаленные результаты своихъ поступковъ и научается также цѣнить и считать святыми такіа добродѣтели, которыя имѣютъ отношеніе къ отдѣльной личности (какъ напримѣръ, умѣренность, цѣломудріе и т. д.) и которыя въ наиболѣе ранніе періоды исторіи не пользовались никакимъ почетомъ... Въ концѣ концовъ, должно было развиться наше нравственное чувство или совѣсть, представляющая собою крайне сложное явленіе, источникъ котораго надо искать въ социальныхъ инстинктахъ, а путеводною звѣздою является признаніе нашихъ ближнихъ, властелиномъ котораго является разумъ, личная выгода, а затѣмъ также глубокое религиозное чувство. Воспитаніе же и привычка укрѣпляютъ нашу совѣсть.

Не надо забывать того, что если высоко развитая нравственность не надбляетъ данную личность и ея дѣтей никакими или почти никакими преимуществами надъ другими представителями того же самаго племени, то все же увеличеніе числа хорошо одаренныхъ людей и прогрессивное развитіе нравственности безусловно даютъ одному племени безконечный перевѣсъ надъ другимъ. Племя, которое насчитываетъ многихъ членовъ, проявляющихъ высоко развитый патріотизмъ, вѣрность, повиновеніе, отвагу и симпатію, а слѣдовательно всегда готовыхъ помогать другъ другу и жертвовать собою для общаго блага, — такое племя будетъ, по большей части, одерживать побѣду надъ другими племенами. Такимъ образомъ, мы и въ данномъ случаѣ сталкиваемся съ естественнымъ подборомъ. Во все времена на землѣ одни племена вытѣснялись другими, а такъ какъ нравственность племенъ побѣдителей является крайне важнымъ элементомъ ихъ побѣды, то общій уровень нравственности будетъ стремиться къ повышенію, а число нравственныхъ людей будетъ стремиться къ увеличенію...

Ч.

Какъ кажется, прогрессъ находится въ зависимости отъ цѣлаго ряда совместно дѣйствующихъ благоприятныхъ условій. Эти условія слишкомъ сложны, чтобы мы могли въ этомъ мѣстѣ прослѣдить ихъ въ отдѣльности. Но уже часто отмѣчалось, что умѣренно-холодный климатъ, ведущій къ развитію промышленности и различныхъ ремеселъ и искусствъ, всегда крайне благоприятствовалъ прогрессу. Подъ вліяніемъ неумолимой необходимости, эскимосы сдѣлали очень много выдающихся изобрѣтеній. Но климатъ ихъ страны былъ слишкомъ суровъ, для того чтобы былъ возможенъ постоянный прогрессъ. Кочевой образъ жизни всегда отражался крайне неблагоприятно на прогрессѣ, независимо отъ того, вели ли народы такой образъ жизни на широкихъ равнинахъ или въ густыхъ лѣсахъ тропическихъ странъ или на бережкахъ моря. Наблюдая надъ жизнью дикарей Огненной Земли, я поневолѣ пришелъ къ тому убѣжденію, что для развитія ци-

вилизации необходима наличность опредѣленной собственности, прочныхъ жилищъ и объединеніе многихъ семействъ подъ начальствомъ одного вождя. Но такіе нравы возможны только тогда, когда обрабатывается почва, а первые прогрессивные шаги въ развитіи земледѣлія носили, по всей вѣроятности, какъ я на это указывалъ въ другомъ мѣстѣ, характеръ случайности. Къ мысли объ обработкѣ земли человѣкъ могъ придти, напримѣръ, при видѣ того, какъ изъ сѣмянъ какого-нибудь растенія, упавшихъ на кучу гнилья, выросла необычайно красивая разновидность. Впрочемъ, вопросъ о первыхъ шагахъ дикарей по пути прогресса слишкомъ запутанъ еще въ настоящее время для того, чтобы его можно было рѣшить.

До сихъ поръ мы старались разобраться въ томъ пути развитія, который долженъ былъ пройти человѣкъ, чтобы подняться со своего древняго получеловѣческаго состоянія на ту ступень, на которой стоятъ наши современные дикари. Было бы, однако, интересно сдѣлать нѣсколько указаній на вліяніе, оказываемое естественнымъ подборомъ на цивилизованные народы. Этотъ вопросъ хорошо разобранъ Грегомъ, а еще раньше о немъ писали Уоллестъ и Гальтонъ. Большую часть своихъ замѣчаній я позаимствовалъ у этихъ трехъ писателей. У дикарей особи, слабыя въ умственномъ и физическомъ отношеніи, уничтожаются очень скоро, а остающіяся въ живыхъ обыкновенно отличаются крѣпкимъ здоровьемъ. Наоборотъ, мы, цивилизованные люди, прилагаемъ все усилія къ тому, чтобы задержать этотъ процессъ уничтоженія. Мы устранимъ пріюты для слабоумныхъ, калѣкъ и больныхъ. Мы издаемъ законы о бѣдныхъ, а наши врачи напрягаютъ всю свою ловкость и усилія въ борьбѣ со смертью отдѣльнаго человѣка. Можно предположить, что осповививаніе сохранило жизнь многимъ тысячамъ людей, которые иначе при своемъ слабостъ тѣлосложеніи умерли бы отъ оспы. Вслѣдствіе этого болѣе слабые члены цивилизованнаго общества тоже могутъ размножать свой родъ. Всякій человѣкъ, знакомый съ дѣломъ разведенія домашнихъ животныхъ, не колеблясь скажетъ, что это должно было быть крайне вредно для человѣческой расы. Поразителенъ тотъ фактъ, что при недостаточной заботливости или при неправильномъ уходѣ какая-нибудь животная раса крайне быстро начинаетъ вырождаться, и ни одинъ скотоводъ не будетъ настолько невѣжественъ, что допуститъ своихъ худшихъ животныхъ размножаться. Единственное исключеніе изъ этого правила допускается для самого человѣка.

Помощь, оказываемая нами безпомощному человѣку, является, главнымъ образомъ, результатомъ инстинкта симпатіи, который первоначально представлялъ собою составную часть социальнаго инстинкта и въ послѣдствіи, какъ мы выше указывали, сталъ болѣе нѣжнымъ и болѣе распространеннымъ. Сузить границы нашей симпатіи мы не можемъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы унизили бы благороднѣйшую сторону нашей природы. Хирургъ можетъ для совершенія операціи закалить себя, такъ какъ онъ знаетъ, что дѣйствуетъ для блага своего пациента. А если бы мы преднамѣренно оставляли безъ вниманія слабыхъ и безпомощныхъ, то этимъ самымъ мы кушили бы свое будущее благо дорогою цѣною настоящаго крупнаго зла. Слѣдовательно, мы должны мириться съ несомнѣнно скверными послѣдствіями выживанія и размноженія слабыхъ людей. Но, какъ кажется, у насъ существуетъ, по крайней мѣрѣ, одно препятствіе противъ этого зла, заключающееся въ томъ, что болѣе слабые и отстающіе въ своемъ развитіи члены общества заключаютъ браки не такъ часто, какъ здоровые члены. Это препятствіе могло бы быть усилено, если бы люди, слабые въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, воздерживались отъ заключенія брака. На это можно, правда, надѣяться, но ожидать этого нельзя.

Во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя содержатъ большія постоянныя арміи, наиболѣе дѣльные молодые люди попадаютъ въ солдаты. Вслѣдствіе этого они подвергаются опасности погибнуть во время войны, часто они подвергаются порочнымъ соблазнамъ; къ тому же имъ нельзя жениться въ самомъ расцвѣтѣ ихъ силъ. А съ другой стороны, низкорослые и болѣе слабые мужчины, отличающіеся неважнымъ тѣлосложеніемъ, остаются дома. Слѣдовательно, они имѣютъ больше возможности жениться и размножить свой родъ.

Богачи накапливаютъ въ теченіе своей жизни имущество и передаютъ ихъ своимъ дѣтямъ. Такимъ образомъ, дѣти богачей выходятъ на арену жизненной борьбы съ однимъ большимъ преимуществомъ передъ дѣтьми бѣдныхъ. Въ данномъ случаѣ физическое и умственное превосходство уже не играетъ той роли. Кромѣ того, дѣти рано умершихъ родителей становятся собственниками раньше, чѣмъ дѣти другихъ людей. Вслѣдствіе этого они могутъ раньше жениться и оставить послѣ себя большее потомство, чѣмъ другія. Такъ какъ ихъ родители умерли рано, то и они по всей вѣроятности, будутъ обладать слабымъ здоровьемъ и незначительной жизненной силой и будутъ передавать потомству свое скверное тѣлосложеніе. Но въ правѣ наследовать собственность нельзя видѣть зло. Въ самомъ дѣлѣ, безъ накопленія капитала ремесла и искусства не могли бы развиваться, а вѣдь ремесла и искусства являются главною причиною того, что цивилизованныя расы распространились и еще теперь распространяются и вытѣсняють низшія расы. Къ тому же умѣренное накопленіе богатствъ нисколько не мѣшаетъ процессу подбора. Дѣти разбогатѣвшаго бѣдняка берутся за торговлю или промышленность, а въ этихъ областяхъ происходитъ довольно сильная борьба, такъ что человѣкъ болѣе развитой въ физическомъ и умственномъ отношеніи будетъ непременно пользоваться наибольшимъ успѣхомъ. Существованіе извѣстнаго числа образованныхъ людей, которымъ не приходится работать для добычанія насущнаго хлѣба, представляетъ собою очень важное явленіе, котораго нельзя достаточно оцѣнить. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, такіе люди исполняютъ всю умственную работу, а отъ нея зависитъ, главнымъ образомъ, матеріальное развитіе разнаго рода, не говоря уже о другихъ и высшихъ выгодахъ, доставляемыхъ этимъ трудомъ. Безъ сомнѣнія, слишкомъ значительный ростъ богатства легко превращаетъ людей въ бесполезныхъ трупней. Но число очень богатыхъ людей не бываетъ велико. Къ тому же мы можемъ наблюдать, какъ среди нихъ иногда происходитъ процессъ уничтоженія. Въ самомъ дѣлѣ, ежедневно мы видимъ, какъ богатые люди по глупости и расточительности растрачиваютъ все свое состояніе....

Ч.

Итакъ, мы видимъ, что цивилизація во многихъ отношеніяхъ мѣшаетъ дѣйствию естественнаго подбора, но зато она содѣйствуетъ лучшему развитію тѣла, такъ какъ вслѣдствіе цивилизаціи наша пища улучшается, и мы часто бываемъ избавлены отъ случайныхъ бѣдствій. Къ этому выводу можно прийти на основаніи того факта, что цивилизованные люди, какъ показало сравненіе, всегда отличаются большею физическою силой, чѣмъ дикари. Къ тому же, какъ кажется, цивилизованный человѣкъ такъ же выносливъ, какъ дикарь, насколько это можно судить по многимъ рискованнымъ экспедиціямъ. Даже роскошь богачей, пожалуй, вредна лишь въ незначительной степени. Въ самомъ дѣлѣ, продолжительность жизни нашей аристократіи во всѣхъ возрастахъ и у обоихъ половъ немногимъ уступаетъ продолжительности жизни здоровыхъ англичанъ низшихъ классовъ.

Остановимся теперь на умственныхъ способностяхъ. Если мы раздѣлимъ членовъ каждаго общественнаго класса на двѣ части, къ одной изъ которыхъ мы отнесемъ всѣхъ одаренныхъ высшими умственными способностями людей, а къ другой—всѣхъ, отставшихъ въ своемъ умственномъ развитіи, то мы, безъ сомнѣнія, увидимъ, что, среди всѣхъ слоевъ общества, люди перваго типа пользуются большимъ успѣхомъ въ жизненной борьбѣ и оставляютъ послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Даже среди самыхъ низшихъ классовъ ловкость и способности должны приносить нѣкоторую пользу, хотя вслѣдствіе господства раздѣленія труда во многихъ областяхъ человѣческой дѣятельности эта польза будетъ очень незначительна. Цивилизованные народы будутъ такимъ образомъ проявлять склонность къ тому, чтобы болѣе способные въ умственномъ отношеніи люди значительно размножались, и чтобы уровень интеллигентности повышался. Конечно, я не стану утверждать, что склонность можетъ быть болѣе, чѣмъ сведена къ нулю другими моментами. Такими отрицательнымъ моментомъ можетъ быть, напримѣръ, размноженіе легкомысленныхъ и безпечныхъ людей. Но даже и такимъ людямъ дарованія доставляютъ нѣкоторыя выгоды.

Противъ высказанныхъ выше мнѣній часто возражалось, что самые выдающіеся люди, жившіе когда-либо на землѣ, не оставляли послѣ себя потомковъ, которые могли бы наследовать ихъ великій умъ. Гальтонъ говоритъ: «Мнѣ очень жаль, что я не въ состояніи рѣшить простой вопросъ, дѣйствительно-ли и въ какой степени безплодны гениальные мужчины и женщины. Я показать, однако, что выдающіеся мужчины ни въ коемъ случаѣ не безплодны». Великіе законодатели, основатели побѣдоносныхъ религій, величайшіе философы и изобрѣтатели содѣйствуютъ прогрессу человечества значительно больше своими трудами, чѣмъ оставленіемъ многочисленнаго потомства. Что касается физическаго строенія, то усовершенствованію вида способствуетъ преимущественно подборъ нѣсколько болѣе одаренныхъ и устраненіе нѣсколько менѣе одаренныхъ типовъ, а не сохраненіе рѣзко выраженныхъ и рѣдкихъ аномалій. То же можно сказать и относительно умственныхъ способностей. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ классѣ общества люди болѣе способные въ какомъ-нибудь отношеніи будутъ достигать лучшихъ результатовъ, чѣмъ люди менѣе способные; поэтому первые будутъ размножаться сильнѣе, если, конечно, ихъ размноженіе не будетъ тормозиться какимъ-нибудь другимъ путемъ. Поэтому, если въ какой-нибудь націи уровень умственныхъ способностей и число даровитыхъ людей подымется, то, на основаніи закона уклоненія отъ средняго уровня (какъ это указалъ Гальтонъ), мы вправе ожидать, что гении будутъ появляться немного чаще прежняго.

Что касается нравственныхъ свойствъ, то даже у самыхъ цивилизованныхъ націй имѣетъ мѣсто постоянное устраненіе наиболѣе испорченныхъ членовъ общества. Преступниковъ убиваютъ или заключаютъ на долгое время въ тюрьму, такъ что они не могутъ передавать по наследству свои скверныя качества. Меланхоликовъ и душевно-больныхъ изолируютъ отъ другихъ людей, иногда же они кончаютъ самоубійствомъ. Горячіе и неуживчивые люди часто кончаютъ очень скверно. Безпокойные люди, которые не могутъ найти себѣ постояннаго занятія—этотъ остатокъ варварства является огромной задержкой для цивилизаціи—переселяются въ новооткрытыя страны и тамъ оказываются очень дѣльными пионерами. Невоздержанность такъ вредно отражается на организмѣ, что средняя продолжительность жизни пьяницъ, напримѣръ, въ возрастѣ начинающа съ 30 лѣтъ, равняется всего лишь 13,8 года, тогда какъ средняя продолжительность жизни англійскихъ сельскихъ рабочихъ равняется

въ этомъ же возрастѣ 40,59. Развратныя женщины рѣдко имѣютъ дѣтей, развратные мужчины рѣдко женятся; оба пола подвержены различнымъ болѣзнямъ....

Ч.

Въ цивилизованныхъ странахъ крайне важной задержкой увеличенія числа людей высшаго класса, какъ показали Грегъ и Гальтонъ, является тотъ фактъ, что бѣдные, легкомысленные люди, часто погрязающіе въ порокахъ, женятся обыкновенно очень рано, тогда какъ наиболѣе солидные, умѣренные и въ другихъ отношеніяхъ безукоризненные люди вступаютъ въ бракъ очень поздно для того, чтобы оказаться въ состояніи содержать въ довольствѣ себя и свою семью. Тѣ, которые женятся рано, производятъ въ теченіе извѣстнаго періода времени не только большее число поколѣній, но и, какъ это показалъ докторъ Денкентъ, и большее число дѣтей. Кромѣ того, дѣти молодыхъ матерей тяжелѣе, крупнѣе, а потому, по всей вѣроятности, и здоровѣе, чѣмъ дѣти, родившіеся отъ болѣе пожилыхъ женщинъ. Поэтому число легкомысленныхъ, безнравственныхъ и часто порочныхъ членовъ общества стремится увеличиться скорѣе, чѣмъ число осторожныхъ и добродѣтельныхъ членовъ его...

Ч.

Но этому стремленію къ вырожденію поставлены извѣстные препятствія. Мы видѣли, что среди невоздержанныхъ людей средняя цифра смертности болѣе высока, и что развратные люди оставляютъ послѣ себя меньшее потомство. Бѣднѣйшіе классы населенія скучиваются въ городахъ, и докторъ Старкъ на основаніи десятилѣтнихъ статистическихъ данныхъ для Шотландіи доказалъ*), что для всѣхъ возрастовъ средняя цифра смертности въ городахъ выше, чѣмъ въ деревняхъ, «въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ жизни средняя смертность въ городѣ вдвое больше, чѣмъ въ деревнѣ». Такъ какъ эти данныя касаются какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, то, безъ сомнѣнія, для поддержанія на одномъ уровнѣ городскаго и сельскаго населенія потребовалось бы болѣе, чѣмъ двойное число рожденій. На женщинахъ въ высшей степени пагубно отражается раннее вступленіе въ бракъ; «во Франціи замужнихъ женщинъ въ возрастѣ до двадцати лѣтъ умираетъ ежегодно вдвое больше, чѣмъ незамужнихъ въ томъ же возрастѣ». Точно такъ же очень высока цифра смертности женатыхъ мужчинъ въ возрастѣ до двадцати лѣтъ; причина этого явленія намъ еще почти совершенно неизвѣстна. Если тѣ мужчины, которые откладываютъ свою женитьбу до тѣхъ поръ, пока они не смогутъ содержать свою семью въ довольствѣ, будутъ вступать въ бракъ съ молодыми женщинами (что они часто и дѣлаютъ), то относительное увеличеніе высшихъ классовъ будетъ понижено лишь въ незначительной степени...

Ч.

Докторъ Старкъ приходитъ къ тому заключенію, что бракъ является одной изъ главныхъ причинъ большей продолжительности жизни человѣка. Къ этому выводу онъ приходитъ, какъ кажется, на томъ основаніи, что пожилые женатые люди обнаруживаютъ въ отношеніи долголѣтности значительное преимущество передъ неженатыми людьми того же возраста. Но, по всей вѣроятности, каждому изъ насъ извѣстны примѣры такихъ людей, которые отличались слабымъ здоровьемъ, не вступали въ бракъ и тѣмъ не менѣе достигали преклоннаго возраста, несмотря на то, что они оставались всю жизнь слабыми и, слѣдовательно, по всей вѣроятности,

*) Относительно смертности дѣтей въ городѣ и деревнѣ нашимъ читателямъ должны быть извѣстны болѣе новыя свѣдѣнія изъ статьи Вигдорчика, напеч. въ Вѣстн. Зн. за 1907 г., № 3.

Ред.

имѣли меньше шансовъ на долголѣтность, а также меньше шансовъ на заключеніе брака. Выводы доктора Старка подтверждаются, повидимому, еще тѣмъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что во Франціи вдовы и вдовцы находятся въ сравненіи съ женатыми людьми въ значительно худшихъ условіяхъ относительно смертности. Однако, докторъ Фарръ объясняетъ это бѣдностью и дурными привычками, являющимися результатомъ уничтоженія семейной жизни. По его мнѣнію, крупную роль играетъ также и горе. Въ общемъ, мы можемъ согласиться съ докторомъ Фарромъ въ томъ его выводѣ, что меньшая смертность женатыхъ людей въ сравненіи съ холостыми (представляющая, какъ кажется, общій законъ) «является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ постоянного устраненія несовершенныхъ формъ и искуснаго подбора наиболѣе красивыхъ особей въ каждомъ изъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній»; при этомъ подборъ дѣйствуетъ только среди женатыхъ людей и вліяетъ на ихъ физическія, умственные и нравственные свойства. Мы можемъ, слѣдовательно, предположить, что здоровые и хорошіе люди, остающіеся нѣкоторое время по разумнымъ соображеніямъ холостыми, не подвержены сильной смертности.

Если тѣ препятствія, о которыхъ мы говорили выше, въ связи, пожалуй, съ другими неизвѣстными намъ въ настоящее время препятствіями, не помѣшаютъ тому, чтобы легкомысленные, порочные и вредные для общества члены размножались быстрѣе, чѣмъ лучшіе классы общества, то нація начнетъ падать, какъ это неоднократно имѣло мѣсто въ мировой исторіи. Мы должны при этомъ помнить, что прогрессъ не представляетъ собою неизмѣннаго закона. Крайне трудно сказать, почему одна какая-нибудь цивилизованная нація процвѣтаетъ, дѣлается могущественной и распространяется сильнѣе, чѣмъ другая нація; точно такъ же трудно сказать, почему одна и та же нація прогрессируетъ въ одну эпоху больше, чѣмъ въ другую. Мы можемъ только сказать, что прогрессъ націи обусловленъ увеличеніемъ населенія, увеличеніемъ числа высокообразованныхъ и нравственныхъ людей, а также степенью ихъ дарованій. Физическое развитіе играетъ, какъ кажется, незначительную роль, и оно оказываетъ извѣстное вліяніе лишь постольку, поскольку физическая сила ведетъ къ умственной силѣ.

Нѣкоторые писатели говорили слѣдующее: если бы естественный подборъ дѣйствительно имѣлъ столь важное значеніе, то (принимая во вниманіе тотъ фактъ, что высокія умственные силы способствуютъ развитію націй) древніе греки, стоявшіе въ умственномъ отношеніи на такой высокой ступени развитія, какой не достигала ни одна когда-либо существовавшая раса, должны были бы подняться въ своемъ развитіи на еще большую высоту, увеличиться численно и заполнить всю Европу. Въ данномъ случаѣ эти писатели уже заранѣе дѣлаютъ то допущеніе, что на лицо имѣется извѣстное врожденное стремленіе къ постоянному умственному и физическому развитію; такое допущеніе дѣлается очень часто, когда мы говоримъ о физическомъ развитіи. Но всякое развитіе зависитъ отъ цѣлаго ряда совместно дѣйствующихъ благоприятныхъ условій. Дѣятельность естественнаго подбора носитъ, въ общемъ, характеръ опыта. Отдѣльныя особи и цѣлыя расы могли обладать нѣкоторыми неоспоримыми преимуществами и тѣмъ не менѣе погибнуть за отсутствіемъ у нихъ другихъ чертъ. Греки могли пойти назадъ въ своемъ развитіи вслѣдствіе недостаточной солидарности между многочисленными мелкими греческими государствами. На ихъ развитіи могли губительно отразиться незначительные размѣры всей страны; имъ могло сильно повредить рабство или ихъ чрезмерная чувственность. Они погибли лишь тогда, когда «они были обезсилены и испорчены до мозга костей». Народы Западной Европы, такъ сильно опередившіе своихъ

древнихъ дикихъ прародителей по пути развитія и достигшіе крайне высокой ступени цивилизації, ничѣмъ или почти ничѣмъ не обязаны прямому наслѣдству отъ древнихъ грековъ, хотя оставшіеся послѣ этого поразительнаго народа письменные памятники оказали неизгладимое вліяніе на культуру западно-европейскихъ народовъ... Ч.

Какъ мнѣ кажется, мысль о томъ, что поразительное развитіе Соединенныхъ Штатовъ и характеръ народа этой страны являются результатомъ естественнаго подбора,—эта мысль во многихъ отношеніяхъ правильна. Въ теченіе послѣднихъ десяти или двѣнадцати поколѣній наиболѣе энергичные, предприимчивые и отважные люди изъ всѣхъ частей Европы переселились въ сѣверную Америку и пользовались значительнымъ успѣхомъ въ борьбѣ за существованіе. Заглядывая въ далекое будущее, я прихожу къ тому выводу, что Цинке не преувеличиваетъ, говоря слѣдующее: «Всѣ остальные событія, какъ, напримѣръ, событія, вызвавшія развитіе духовной культуры въ Греціи, или событія, призавшія къ жизни эпоху римской имперіи, приобретаютъ цѣль и значеніе лишь тогда, когда ихъ разсматриваютъ въ связи... съ великимъ потокомъ англосаксонской эмиграціи на западъ. Еще скорѣе на всѣ эти событія можно смотрѣть, какъ на нѣчто такое, что поддерживало этотъ потокъ». Какъ ни запутана проблема прогресса цивилизації, все же мы можемъ, по крайней мѣрѣ, отмѣтить, что народъ, производившій въ теченіе долгаго времени наибольшее число энергичныхъ, отважныхъ и добрыхъ людей, людей-патриотовъ,—такой народъ, въ общемъ, долженъ будетъ имѣть перевѣсъ надъ народами, обнаруживающими меньше благоприятныхъ качествъ... Ч.

Нѣкоторые полагаютъ, что человѣкъ уже съ самаго начала своего существованія былъ цивилизованъ, и что только потомъ онъ во многихъ мѣстахъ пошелъ назадъ въ своемъ развитіи и выродился. Думать такъ—это значитъ смотрѣть на человѣческую природу, какъ на нѣчто очень жалкое. По всей вѣроятности, болѣе правленъ и болѣе отраденъ тотъ взглядъ, согласно которому прогрессивное развитіе представляеть собою болѣе частое явленіе, чѣмъ развитіе регрессивное, тотъ взглядъ, согласно которому человѣкъ медленнымъ шагомъ, съ перерывами поднялся съ низшей ступени развитія на самую высшую ступень въ области знаній, нравственности и религіи... Ч.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введеніе Бруно Вилле	3
1. Религіозное міросозерцаніе	14
2. Происхожденіе видовъ	31
3. Происхожденіе человѣка	54
4. Зачатки духовной жизни	81
5. Нравственная культура	113

№ 3, Мартъ, 1907 г.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМОРАЗВИТІЯ.

Ежемесячный популярно-научный журналъ подъ редакцію В. В. Битнера.

Цѣна въ годъ
съ пересылкой
3 р.

$\frac{1}{2}$ г. 1 р. 50 к.
 $\frac{1}{4}$ г. 75 к.

Для подписчиковъ
«Вѣстника Знанія» годовая ц.
«Библ. для Саморазвитія» 2 р.

Условія подписки на «Вѣстникъ Знанія» и др. журналы того же издательства, непосредственно связанные съ «Вѣстникомъ Знанія».

«Вѣстникъ Знанія» ц. $\frac{1}{4}$ г. 75 к., въ годъ съ перес. 3 р.
«Вѣстникъ Знанія» съ «Библиотекой Систематическаго Знанія», ц. съ пер. $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 25 к., въ г. 5 р.
«Вѣст. Зн.» съ «Библиотекой для Саморазвитія», ц. съ пер. $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 25 к., въ г. 5 р.
«Вѣст. Зн.» съ «Народнымъ Университетомъ», ц. съ пер. $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 25 к., въ г. 5 р.
«Вѣст. Зн.» съ «Библ. Сист. Зн.» и «Библ. для Саморазв.» ц. $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 75 к., въ годъ съ пер. 7 р.
«Вѣст. Зн.» съ «Библ. Систем. Зн.» и «Народ. Унив.» ц. $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 75 к., въ годъ съ пер. 7 р.

«Вѣст. Зн.» съ «Библ. для Саморазв.» и «Народ. Унив.» ц. $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 75 к., въ годъ съ пер. 7 р.
«Вѣст. Зн.» со всеми тремя журналами, ц. $\frac{1}{4}$ г. 2 р., въ годъ съ пер. 8 р.
При подпискѣ на одинъ, два или три эти журнала, но безъ «Вѣстника Знанія», цѣна въ годъ съ пер. каждаго журнала. 3 р.

Содержаніе № 3 Библиотека для Саморазвитія

1. По поводу нѣк. книгъ для Б. д. С.
2. Изъ литературы по аграрному вопросу.
3. Отвѣты подписчикамъ.
4. Л. Бюхнеръ. Сила и матерія. (Окончаніе).
5. Ч. Дарвинъ. Мое міросозерцаніе, стр. 1—80.

По поводу нѣкоторыхъ книгъ, предположенныхъ для «Библиотеки для Саморазвитія».

Нами полученъ рядъ писемъ, авторы которыхъ обращаютъ наше вниманіе на желательность измѣненія состава произведеній, предполагаемыхъ къ помѣщенію въ «Библиотеку для Саморазвитія».

Такъ какъ рѣшеніе этого вопроса зависитъ исключительно отъ самихъ подписчиковъ, то мы считаемъ обязательнымъ для себя предварительно оповѣстить, въ чемъ заключается сущность полученныхъ нами предложеній.

Авторы писемъ указываютъ на необходимость помѣщенія въ приложеніяхъ къ «Вѣстнику Знанія» только цѣльныхъ произведеній, такъ какъ небольшія статьи могутъ, какъ было и до сихъ поръ, помѣщаться въ самомъ «Вѣстникѣ Знанія». Въ виду этого авторы не одобряютъ нашего предположенія дать въ текущемъ году два сборника и предлагаютъ внести слѣдующія измѣненія:

- 1) вмѣсто философскаго сборника дать популярное изложеніе одного изъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ или характеристику какого-либо философскаго теченія;
- 2) вмѣсто сборника по социализму и анархизму дать трудъ одного какого-либо выдающагося представителя социализма, трудъ, въ которомъ читатель нашелъ бы отвѣтъ на вопросы о томъ, какъ социализмъ относится къ государству, религіи, семьѣ и т. п.

Желая по возможности пойти навстрѣчу читателямъ, Редакція проситъ подписчиковъ обсудить упомянутыя предложенія и сообщить свои соображенія. Можетъ быть, сами подписчики укажутъ намъ, какими книгами имъ хотѣлось бы замѣнить предложенные сборники, при чемъ книги должны, конечно, относиться къ области философіи и социализму.

Просимъ отвѣтить на вышеуказанные вопросы возможно скорѣе.

Изъ литературы по аграрному вопросу.

Русское освободительное движение въ его историческихъ судьбахъ неразрывно связано съ такъ наз. аграрнымъ вопросомъ: русский народъ борется не за одинъ лишь политическія права, но и за социальное возрожденіе страны. Аграрный вопросъ — коренной вопросъ въ политической жизни Россіи, и понятно, что ему посвящена огромная литература, рѣшенія его отличаются крайнимъ разнообразіемъ, и разобранъ въ нихъ — дѣло пѣкоторого труда. Изъ всей огромной литературы по аграрному вопросу мы отмѣтимъ тѣ книги и брошюры, которые развиваютъ взгляды на земельную реформу самыхъ выдающихся политическихъ направлений въ Россіи, именно социаль-демократическаго, революціонно-соціалистическаго и конституціонно-демократическаго, при чемъ мы не будемъ слишкомъ долго останавливаться на литературѣ партийно-полемической, которая для цѣлей «саморазвитія» имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ произведенія болѣе солидныя въ научномъ отношеніи и посвященные теоретическому изслѣдованію.

«Соц.-дем. партія утверждаетъ, что только черезъ развитіе капитализма въ индустріи и въ сельскомъ хозяйствѣ возможенъ и объективно неизбеженъ переходъ человечества къ социалистической организаціи. Съ этой точки зрѣнія соц.-дем. рѣшительно отвергаетъ всѣ тѣ мѣры, которыми должны остановить развитіе капиталистическаго хозяйства. По мнѣнію с.-дем. всѣ подобнаго рода мѣропріятія, повидимому, весьма желательныя крестьянству, вовсе не могутъ достигнуть цѣли, которую себѣ ставятъ, и на практикѣ должны привести къ результатамъ, противоположнымъ желаемымъ: они могутъ лишь замедлить и сдѣлать тяжелымъ и мучительнымъ неизбежный историческій процессъ.

Обоснованіе этого взгляда соц.-дем., являющагося логическимъ выводомъ изъ предпосылокъ марксизма въ его чистомъ видѣ, дано въ извѣстной книгѣ *К. Каутскаго* «Аграрный вопросъ» (ц. 1 р. 50 к.); имъ же написана и небольшая книжка «Соціализмъ и сельское хозяйство» (ц. 20 к.). Выясненію условий развитія земельного хозяйства въ Россіи съ точки зрѣнія ортодоксальнаго (правовѣрнаго) марксизма посвящены книги: *Плѣгина* «Развитіе капитализма въ Россіи» (ц. 2 р. 50 к.) и *Маслова* «Аграрный вопросъ въ Россіи» (ц. 2 р. 50 к.) и его же «Объ условіяхъ развитія сельскаго хозяйства въ Россіи».

Что касается практическаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, то оно сводится къ требованію конфискаціи церковныхъ, монастырскихъ, удѣльных, кабинетскихъ и частно-владѣльческихъ земель. Но по вопросу о томъ, въ какой формѣ совершить эту «конфискацію», въ соц.-дем. аграрной литературѣ существуетъ большое разногласіе. Часть с.-д. писателей, въ согласіи съ официальной программой партіи, стоитъ за «передачу земель въ распоряженіе выбранныхъ на демократическихъ началахъ крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія», т. е. за такъ наз. «муниципализацію» земель и за сохраненіе мелкой и средней частной собственности на землю. Этотъ взглядъ защищается *Масловымъ* въ его «Критикѣ аграрныхъ программъ» (ц. 10 к.) и авторами сборника «Къ аграрному вопросу» (Масловъ, Валентиновъ и Назаровъ) (ц. 20 к.). Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить еще кн. *Маслова* «Развитіе народнаго хозяйства и аграрная программа» (ц. 40 к.), ст. *Чересанина* въ сборн. «Крестьянство и социаль-демократія» и ст. *Валентинова* въ сборникѣ «Вопросы момента» (ц. 80 к.); см. также Громана «Земельный вопросъ и земельные проекты». Другіе соц.-дем. во главѣ съ Ленинымъ требуютъ націонализаціи всѣхъ земель при условіи демократически-республиканскаго строя, т. е. сосредоточенія распоряженія общественной земельной собственностью въ центральномъ государственномъ учрежденіи (*А. Волскій* «Къ вопросу о націонализаціи земли», ц. 25 к.); см. Ленинъ «Пересмотръ аграрной программы рабочей партіи» ц. 10 к. Наконецъ, третье теченіе высказывается противъ передачи земли въ общественную собственность и за раздѣлъ земли въ частную собственность крестьянства. См. *А. Финтъ-Евотасевскій* «Аграрный вопросъ и социаль-демократія» (ц. 20 к.); *Никодимовъ* и *Ларионовъ* «Крестьянское движеніе и аграрный вопросъ» (ц. 10 к.); Бернацкий, «Къ аграрному вопросу», *Юр. Ларинъ* «Крестьянскій вопросъ и социаль-демократія» (ц. 30 к.) Сюда же примыкаетъ Рожковъ, который высказывается за раздѣлъ между крестьянами лишь тѣхъ земель, которые служатъ для нихъ закабаленія. См. Рожковъ, «Къ аграрному вопросу» 15 к.) и «Аграрный вопросъ въ Россіи и его рѣшеніе въ программахъ различныхъ партій» (12 к.), а также статья въ сборникѣ «Текущій моментъ». Въ «Дневникѣ Соціал-демократа» Плеханова много принципиально важныхъ указаній. См. также «Протоколы объединительнаго съѣзда соц.-дем. партій въ Стокгольмѣ» (1 р.). Совершенно иначе разработанъ аграрный вопросъ въ обширной литературѣ соц.-рев. направлений, «Соц.-рев. не считаетъ капиталистическую эволюцію сельскаго хозяйства неизбежной, какъ это думалъ ранѣе Марксъ и его послѣдователи. Наоборотъ, всѣ цифровыя данныя говорятъ за то, что возможно и необходимо обществленіе земледѣльскаго труда снизу и переходъ къ планомерно-организованному общественному хозяйству путемъ свободныхъ ассоціацій-непосредственныхъ производителей... Они констатируютъ, что процесса поглощенія мелкаго хозяйства крупнымъ въ сельско-хозяйственной области не замѣчается, скорѣе господствуетъ обратный процессъ... Нѣсколько въ высшей степени важныхъ фактовъ даютъ надежду социалистамъ на облегченіе реализаціи социалистическаго идеала: 1) огромное большинство нашего крестьянства (84%) владѣютъ землею на общинно-уравнительномъ началѣ; 2) какъ среди этого общиннаго крестьянства, такъ и среди тѣхъ крестьянъ, которые владѣютъ землею на личномъ началѣ, почти повсемѣстно распространены взгляды на землю, какъ на ничью, какъ на такое орудіе производства, которое должно быть предоставлено всѣмъ желающимъ трудиться; 3) наше крестьянство, не

представляя собою чего-либо цѣльнаго, разсложено въ общихъ чертахъ на два крайне неравно-мѣрные слоя: громадное большинство сильно нуждающихся, такъ сказать полупролетаріевъ, и меньшинство зажиточнаго и богатаго крестьянства. Эти три условія дали социалистамъ-революціонерамъ возможность построить свою аграрную программу именно на социализаціи земли... Какъ бы ни были несовершенны современныя формы общиннаго земледѣлія, Соц.-рев. считаютъ его принципъ неизмѣримо выше принципа частной собственности. С.-р. полагаютъ (въ противоположность соц.-дем.), что социалисты должны работать надъ его развитіемъ и совершенствованіемъ» (*).

Отрицаніе необходимости капитализаціи сельско-хозяйственнаго производства и доказательство своеобразнаго развитія сельско-хоз. промышленности въ отлѣчѣ отъ индустріи — послужили темой для книги *Ф. Герца* «Аграрные вопросы» (ц. 80 к.), *С. Вулакова* «Капитализмъ и земледѣліе» (къ сожалѣнію, эта книга мало доступна по своимъ размѣрамъ и высокой цѣнѣ), статей *В. М. Чернова* «Типы капиталистической и аграрной эволюціи» (въ «Русскомъ Богатствѣ», 1900 г. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11) и кн. того же *Чернова* «Марксизмъ и аграрный вопросъ» (ц. 75 к.); у *Копителова* «Аграрный вопросъ и социаль-демократія» — ц. 60 к.) также дана критика марксистскаго взгляда на аграрный вопросъ, при чемъ авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія пѣмечкой соц.-демократіи, и изложена исторія измѣненій аграрныхъ программъ въ соц.-дем. отъ Маркса до середины прошлаго десятилѣтія. Очень цѣннымъ является трудъ *Эд. Давида* «Соціализмъ и сельское хозяйство» (ц. 2 р. 50 к.), которымъ можно пользоваться въ хорошемъ сокращенномъ изданіи (то же названіе — ц. 20 к.); Давидъ доказываетъ устойчивость мелкаго хозяйства и непримѣнимость къ сельскому хоз. марксистскія формулы «капитализаціи и концентраціи производства». Полезной для изученія агр. вопроса надо признать книгу извѣстнаго итальянскаго социалиста *Гатти* «Соціализмъ и аграрный вопросъ» (ц. 50 к.). *С. Закъ* «Соціализмъ и аграрный вопросъ», ц. 30 к.) указываетъ на побѣду мелкаго сельскаго хозяйства надъ с.-хоз. капитализмомъ и на то, что организующей роли капитала въ индустріи соответствуетъ въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство въ формѣ коопераций и союзныхъ организацій. Необходимой является книга *Н. Карышева* «Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ» (ц. 1 р.).

Относеніе отрицательно къ соц.-дем. взгляду на аграрный вопросъ, соц.-рев. при построеніи своей положительной программы земельного переворота опираются на существованіе въ Россіи общиннаго земледѣлія. Кромѣ книгъ *Н. Кабукова* «Объ условіяхъ развитія крестьянскихъ хозяйствъ въ Россіи» и *Чернышкова* «Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства» (ц. 80 к.) специально вопросу объ общинѣ посвящены труды *Бочарова* «Русская община» (ц. 1 р. 75 к.) и «Народное Право» (ц. 90 к.) и В. В. «Къ исторіи общины въ Россіи»; недурна брошюра *Н. Огановскаго* «Крестьянская община и социализмъ». Критика народническаго взгляда на общину содержится въ книгѣ Волгина (Плеханова). Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова. (ц. 8 к.).

Сущность аграрной программы соц.-рев. заключается въ требованіи «соціализаціи земли», т. е. изгнѣнія всей городской и сельской земли изъ частнаго владѣнія и изъ торговаго оборота и объявленія ея достояніемъ всего народа съ передачею въ завѣдываніе центральнаго и мѣстнаго народнаго самоуправленія. Основанія аграрной реформы изложены въ кн. А. Пѣтенова «Земельныя нужды деревни» (ц. 50 к.), а вопросъ о социализаціи земли разбирается въ слѣдующихъ книгахъ и брошюрахъ: *И. Виглазевъ* «Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія» (ц. 20 к.), гдѣ дана юридическая формулировка требованію социализаціи земли; его же «Право на землю» (ц. 10 к.); *Р. Р.* «Социализація земли» (ц. 5 к.), авторы которой (М. Р. Гоцъ и В. М. Черновъ), указывая на социальный характеръ русской революціи, говорятъ о важной роли социализаціи земли, которая можетъ быть осуществлена независимо отъ социализаціи всего производства и раньше ея; въ книжкѣ «Крестьянство и социализація земли» (ц. 15 к.) *С. Закъ* даетъ массу статистическаго и цифроваго матеріала, сравниваетъ доходность сельско-хоз. и фабричной промышленности, выясняетъ роль аренды въ деревнѣ и приходитъ къ выводу о необходимости социализаціи земли, какъ единственнаго средства уничтожить эксплуатацію крестьянства; *Е. Лазаревъ* «Земля и воля» (ц. 20 к.). Практическія мѣры къ осуществленію социализаціи земли составляютъ содержаніе брошюры *И. Виглазева* «Какъ уравнивать пользованіе землей» (ц. 6 к.).

Чрезвычайно важнымъ является вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся между собою крестьянство и индустріальныя рабочіе, и выясненіе общности ихъ интересовъ. По этому вопросу укажемъ: *В. Черновъ* «Крестьянство и рабочіе, какъ экономическая категория» (ц. 15 к.), *А. Пинкетоновъ* «Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» (ц. 25 к.). Наконецъ, въ выдающейся книжкѣ *В. Чернова* «Пролетаріатъ и трудовое крестьянство» (ц. 20 к.) разобраны всѣ наиболѣе важныя стороны аграрнаго вопроса: классовая борьба въ деревнѣ, пролетаріи — батраки въ русской деревнѣ, социализація земли и кооперация въ сельскомъ хозяйствѣ, русская крестьянская община.

Критика аграрныхъ программъ русскихъ соц.-дем. дана въ кн. *М. Якобія* «Къ аграрному вопросу» (ц. 15 к.). Укажемъ еще на слѣд. книгу, въ которой напечатаны двѣ статьи: *А. Веселовъ* «Земля, Земли и Воля» и россійская социаль-демократія» и *В. Задимовъ* «Аграрная программа россійской соц.-демократіи» (ц. 25 к.).

Наконецъ, литературу аграрнаго вопроса съ точки зрѣнія конституціонно-демократической партіи очень невелика и ограничивается нѣсколькими брошюрами и статьями. Назовемъ слѣдую-

*) В. Заринъ, «Аграрный вопросъ и аграрныя программы», стр. 45—47.

ция: *М. Я. Герценштейн* „Земельная реформа в программах партии народной свободы“ (ц. 10 к.); его же „Нужна ли крестьянам земля?“ (ц. 5 к.)—речи автора в I Госуд. Думѣ, содержащія критику правительственной позиции в аграрномъ вопросе; „Аграрный вопрос“, сборникъ статей, изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича; *А. А. Мануйловъ* „Поземельный вопросъ въ Россіи“; „Очерки по крестьянскому вопросу“, подъ ред. проф. Мануйлова; *А. А. Кауфманъ* „Земля и культура“ (ц. 30 к.)—много цифровыхъ данныхъ, теоретическія основанія взглядовъ автора близки къ „пародическому“ направлению, но въ практическомъ рѣшеніи вопроса онъ—противникъ уничтоженія частной собственности на землю; *А. А. Кауфманъ* „Вопросы колонизаціи“; *Александръ Миклашевскій* „Земельная реформа и организація труда“ (ц. 40 к.)—авторъ при-
мыкаетъ къ к.-д., но имѣетъ своеобразный взглядъ на рѣшеніе аграрнаго вопроса; тѣхъ, кто въ той или иной формѣ требуетъ націонализаціи земли, авторъ наз. социаль-утопистами, — вообще, онъ 1) противъ передачи земли въ пользованіе и стоитъ за собственность, 2) центръ аграрнаго вопроса видитъ не въ надѣленіи крестьянъ землей, а „въ созданіи условий для производительной организаціи труда съ сохраненіемъ капитала, связаннаго съ крупнымъ земельнымъ хозяйствомъ“, — интересы производства—вотъ цѣль аграрной реформы, по мнѣнію проф. М., а не обезпеченіе малоземельныхъ.—Критику всѣхъ этихъ взглядовъ далъ *П. Вишняковъ* въ брошюрѣ „Конст.-демократ. партия и земельная реформа“ (ц. 10 к.), а также въ отмѣченной выше кн. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“.

Важное значеніе имѣютъ также: „Нужды деревни“ т. I и II 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к. Ту-ганъ-Барановскій „Земельная реформа“ 60 к., Чупровъ, „Мелкое землевладѣніе и его основныя труды. Прокоповичъ „Аграрный вопросъ и аграрное движеніе“ 10 к. (Донск. рѣчь), Прокоповичъ „Аграрный вопросъ въ цифрахъ“ (40 к.); кроме того, въ издающейся въ настоящее время „Политической Энциклопедіи“ печатается рядъ статей по аграрному вопросу и по вопросамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ нему, напр., объ ардныхъ отношеніяхъ и т. п., при участіи г. В. В. (Воронцова).

ОТВѢТЫ.

Подп. Н. Е-въ. Книга Исаева «Нач. полит. экономіи» стоитъ 3 р. 50 к.—62 к. пересылка, итого 4 р. 12 к. При высылкѣ неполной суммы, накладывается платежъ, что обходится на 10 к. дороже. Книга, насколько намъ извѣстно, на исходѣ, скоро будетъ распродана.

Подп. Поти-ву. Сердечное спасибо. Радуюсь, что журналъ В. принесетъ пользу. Подписка на февраль продолжается и въ нынѣшнемъ году. Пишите, не беспокойтесь, что письма Ваши «надождятъ», не требуйте только, чтобы мы непременно отвѣчали Вамъ: всѣмъ отвѣчать невозможно, но знайте, что всякое письмо принимается во вниманіе, и въ нашихъ статьяхъ во „Взаимопомощи“ мы стараемся суммировать тѣ отвѣты, которые пришлось бы писать каждому. Такимъ образомъ, вы, читатели журнала, являетесь отчасти и авторами нашихъ статей, такъ какъ вдох-
новляете насъ и своими выраженіями сочувствія писали въ болѣе подходящемъ тонѣ. Укоряя насъ придаете энергію работать далѣе на общую въ невозможности добиться у насъ правды «сла-
пользу».

Подп. Цивельскому. № 1. «В. Зн.» былъ и составляетъ задачу редакціи журнала, Вы тѣмъ конфискованы, и поэтому Вы его не получили. Но самымъ говорите, что еще не вчитались въ жур-
теперь онъ освобожденъ отъ ареста, и Вы должны нал... О «Наст. Энц.» было писано въ прош-
требовать выдачи №, задерживаемаго мѣстной домъ № и теперь тоже помѣщено заявленіе кон-
администраціею. «Профессоръ Токаля» безсозвѣст-
ный аферистъ, и Союзъ его „Пирамида“ ни ма-
лѣйшаго довѣрія не заслуживаетъ.

Подп. Фролову. Если Вы читаете журналъ, того въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ при на-
то Вамъ должно быть извѣстно наше отрицатель-
ное отношеніе къ заочному преподаванію.

П. Аледову 1) Книги «Психологическаго издательства» не только никакой пользы не при-
несутъ Вамъ, но, напротивъ, причиняютъ явный же вредъ тѣмъ, что окончательно спутаютъ и безъ-
того смутное представленіе многихъ о явленіяхъ, карманъ обманутаго болшого См. др. отв.

типнотизма и др. сродныхъ. 2) Заочное преподаваніе игры на гитарѣ вполне допустимо. Какъ добросовѣстный учитель, извѣстенъ намъ изъ пи-
семъ подписчиковъ г-нъ Аббакумовъ. О «Наст. Энц.» мы уже сообщали, что она выходитъ не съ января, а съ апрѣля, можетъ быть даже съ

Подп. Рябикину. Специальное образованіе по психологіи дается въ Германіи на философскомъ факультетѣ, по окончаніи котораго вы получаете ученую степень доктора философіи. Если Васъ интересуетъ экспериментальная психологія, то по-
ступайте въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ чи-
таетъ знаменитый Вундтъ. Тамъ имѣется спе-
ціальны институтъ экспериментальной психо-
логіи.

Подп. № 22503. И безъ Вашей подписи сти и авторами нашихъ статей, такъ какъ вдох-
новляете насъ и своими выраженіями сочувствія писали въ болѣе подходящемъ тонѣ. Укоряя насъ придаете энергію работать далѣе на общую въ невозможности добиться у насъ правды «сла-
бымъ міра сего», обслуживаніе нуждъ которыхъ

Подп. Малышеву. Журнала религіозно-прав-
ственного содержанія въ духѣ ученія Л. Н. Тол-
столичихъ цензурныхъ условіяхъ.

Чит. Нав... (неясно) «Замѣчательное» сред-
ство „Амрита“ сравнѣ съ другими рекламируе-
мыми всеисцѣляющими лѣкарствами подъ такими
благозвучными и таинственными названіями
дѣйствуютъ не столько на болѣзнь, сколько на
карманъ обманутаго болшого См. др. отв.